

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С.Лихачёва

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Теоретическая культурология
Историческая культурология
Прикладная культурология
Гуманитарные исследования
Рецензии и экспертизы
Научная жизнь

2026/3

JOURNAL
OF CULTURAL RESEARCH

ISSN 2222-2480

Адрес номера на сайте журнала: http://cr-journal.ru/rus/journals/&j_id=69

Сетевое научное рецензируемое издание. Основано в 2010 г.
Выходит 4 раза в год только в электронном виде.

Сайт журнала:

<http://cr-journal.ru>

Учредитель / Издатель:

2010-2014 - Российский институт культурологии
с 2014 - Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва
(Институт Наследия)

Государственная регистрация:

Эл. № ФС 77-59205 от 3 сентября 2014 г.

Входит в перечень научных журналов ВАК (19.12.2023 г.)

Редакционная коллегия:

Окороков Александр Васильевич, главный редактор – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Агошков Андрей Валерьевич – к.филос.н., журнал «Вопросы культурологии»
Бахревский Евгений Владиславович – к.филос.н., атташе Посольства РФ в Турецкой Республике (Анкара)
Беликов Владимир Иванович – д.филос.н., МГУ им. М.В.Ломоносова
Бондарь Виталий Вячеславович – к.и.н., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Горбунова Татьяна Александровна – к.и.н., ОмГУ им. Ф.М.Достоевского (Омск)
Горлова Ирина Ивановна – д. филос.н., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Гринько Иван Александрович – д.и.н., Мос. гор. пед. ун-т
Дерябина Елена Дмитриевна – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Житенёв Владислав Сергеевич – д.и.н., МГУ им. М.В.Ломоносова
Ильина Ирина Евгеньевна – д.э.н., Рос. НИИ экономики, политики и права в научно-технической сфере
Ипполитов Сергей Сергеевич – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Казакова Ольга Владимировна – к. искусствовед., НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН
Козлов Владимир Фотиевич – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Кокшенёва Капитолина Антоновна – д.филос.н., к. искусств., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Корниенко Наталья Васильевна – д.филос.н., ИМЛИ им. М.Горького РАН
Корусенко Михаил Андреевич – к.и.н., ИАЭ СО РАН (Омск)
Костина Анна Владимировна – д.филос.н., д. культурол., Мос. гум. ун-т
Ларионцев Михаил Михайлович – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Лубков Алексей Владимирович – д.и.н., МГПУ
Макарова Анастасия Сергеевна – к. культурол., ГосНИИР
Маркова Оксана Николаевна – к. культурол., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Медникова Мария Борисовна – д.и.н., ИА РАН
Назарова Наталья Вадимовна – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Никлаус Анна Александровна – к.полит.н., Акад. МНЭПУ (Москва)
Ницевич Виктор Францевич – д.полит.н., Мос. гор. пед. ун-т
Пархоменко Татьяна Александровна – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Писарева Светлана Алексеевна – к. культурол., ГосНИИР
Поляков Тарас Пантелеймонович – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Путрик Юрий Степанович – д.и.н., к.геогр.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Пушкарёва Наталья Львовна – д.и.н., ИЭА РАН
Релина Лорина Петровна – д.и.н., РГГУ
Рыбак Кирилл Евгеньевич – д. культурол., асс.н.с. Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Спивак Дмитрий Леонидович – д.филос.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Филиппов Юрий Владимирович – д.пед.н., НГИИМЗ (Ниж. Новгород)
Цветкова Галина Александровна – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Черняховская Юлия Сергеевна – д.полит.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Черняховский Сергей Феликсович – д.полит.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Шмидт Ирина Викторовна – к.и.н., ОмГУ им. Ф.М.Достоевского (Омск)
Юренева Тамара Юрьевна – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Юрьева Татьяна Владимировна – д. культурол., ЯрГПУ им. К.Д.Ушинского (Ярославль)

Адрес редакции:

Россия 129366, Москва, ул. Космонавтов, д. 2
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва,
Редакционно-издательский отдел
Электронная почта: journals@heritage-institute.ru

© Институт Наследия, 2026

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При полном или частичном использовании материалов ссылка на cr-journal.ru обязательна.

Дата публикации на сайте: 25.08.2026.

Содержание

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Васильев Г.Е. Аксиологические основания формирования системы объектов военного культурного наследия	4
Горелова Ю.Р., Хилько Н.Ф. Функциональные доминанты структурной модели понятия «культурно-историческая память» в русле основных методологических подходов	11
Невзоров С.Г. Семиотика героя в массовой культуре: интерпретация символических значений	27
Петрова С.И. Социокультурная динамика в глобализационном контексте	35

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Марков А.В., Штайн О.А. Уличный фонарь: созидание русского света в культурном пространстве города	5
Слесарчук В.А. Комсомолец на советском плакате 1918–1941 гг.: основные черты и эволюция образа	53
Степанова Е.Е. Идеологическая работа советских государственно-политических органов по противодействию проявлениям местного национализма на Западной Украине в 1944 – середине 1950-х гг.	62

ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бычкова О.И., Коренной А.С. Стратегии интеграции цифровых коммуникационных платформ в культурно-образовательную деятельность учреждений культуры : эффективные подходы в продвижении	71
Горлова И.И. Цивилизационная идентичность и локальный контекст: стратегии современной культурно-образовательной политики	77
Зотова Т.А., Мадикова Л.В. Развитие отечественной культурологии сквозь призму диссертационных исследований: постановка проблемы и разработка методики изучения	91
Ларионцев М.М., Окороков А.В. Культурологический подход к военному наследию: от артефакта к культурной памяти	95
Пархоменко Т.А. Ближнее зарубежье России: историко-культурные основания изучения	100

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

Данг Тхи Ким Чи, Динь Ван Куан Музеи в культурной дипломатии России и Вьетнама	107
Родионова Д.Д., Кимеева Т.И. Культурологическая парадигма музеологического образования в аспекте его становления	120
Юренева Т.Ю. Художественные коллекции в университетских естественно-научных музеях: особенности формирования и экспонирования	129

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
СИСТЕМЫ ОБЪЕКТОВ ВОЕННОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

DOI 10.34685/HI.2026.66.40.007

Васильев Глеб Евгеньевич,
кандидат философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Российского научно-
исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (Москва)
Email: gleb.negin@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается суть ключевых понятий, связанных с проблематикой культурного и военного наследия; рассматривается необходимая культурно-аксиологическая связь определённых высших ценностей отечественной культуры, с одной стороны, и представления тех или иных артефактов, или ландшафтов, в качестве объектов военного наследия, с другой стороны. Особенно подробно рассматриваются ценностные концепты родины и отечества, играющие первоочередную роль в представлении тех или иных артефактов в качестве объектов военного наследия.

Ключевые слова: культура, ценности, культурное наследие, военное наследие, объекты военного наследия.

Для разумного и адекватного культурно-историческим и социальным реалиям формирования *системы объектов военного культурного наследия* прежде всего необходимо разобратся с тем набором *ключевых понятий*, на основании которых данная практика осуществляется.

Прежде всего, это понятия: «культуры», «ценностей», «культурного наследия», «объектов культурного наследия», «объектов военного культурного наследия» etc.

Под *культурой* мы понимаем символическую ценностную систему, актуализирующую и определяющую творчество человеком себя и сферы своего бытия.

В основе *культуры* лежит определённая своеобразная *ценностная матрица*, которая, собственно, и определяет и актуализирует процессы человеческого творчества.

Ценности (высшие ценности) – наиболее значимые и важные для человека и общества образцы и первоначала.

Высшие ценности есть, проще говоря, с соответствующими изменениями, то, что для того или иного человека (и общества) считается *священным (святынями)*.

Если же говорить более концептуально, то *ценности (высшие ценности)* есть своего рода *точки интенсивности* бытия человека (и общества). Т.е., те образцы и принципы, которые интенсифицирует существование человека и общества, придают им волю к жизни, волю к созиданию.

Ради того, что для некоего человека действительно *ценно*, этот человек идёт на те или иные жертвы, совершает те или иные поступки, даже подвиги, и, вообще, выстраивает свою жизнь, своё жизненное целеполагание, так или иначе в траектории осуществления этих своих образцов, точек интенсивности существования.

Ценности, разумеется, у всех людей некоего сообщества будут относительно разными; аналогично, и даже тем более, они будут довольно разными у представителей разных культур и сообществ. Однако

для определённой культуры, а точнее и правильнее говорить – для определённой *культурно-исторической системы*, – такого рода ценностная система (ценностная матрица) в той или иной мере будет всё же относительно подобна для большинства людей, составляющих данную культурно-историческую систему.

Культурно-историческая система – это развитая своеобразная общественная система, имеющая место на определённой территории, в определённый исторический период и зиждущаяся на определённой матрице ценностей и целей совместного существования.

Чтобы та или иная общественная (социокультурная) система получила, условно, возможность именоваться *культурно-исторической системой* в полном смысле этого слова, необходимо, чтобы она была: во-первых, достаточно крупной и значительной (по территории, по времени существования, по численности населения), во-вторых – достаточно своеобразной и оригинальной, и в-третьих – так или иначе, оказывающей существенное влияние на иные аналогичные системы, на всё, в результате, культурно-историческое развитие человечества.

В этом связи мы имеем полное право, на наш взгляд, говорить об отечественной, условно – *русской, российской культурно-исторической системе*. Разумеется, характеризующейся своей особой ценностной матрицей.

Эта ценностная матрица, с одной стороны, имеет свою относительную специфику для разных людей, составляющих данную общественную систему, и с другой стороны – эта ценностная матрица по ходу исторического развития России претерпела довольно серьёзные негативные (прежде всего) на себя воздействия, оказалась в значительной мере так или иначе подавлена и искажена, однако в целом, с учётом вышесказанного, мы можем говорить об относительно подобном, с соответствующими оговорками, сохраняющемся наборе высших ценностей и смыслов, в той или иной мере актуальных для большинства (пока ещё, надеемся) представителей нашего народа, для нашего общества.

Прежде всего, мы можем тут указать на такие, важные для нашей темы, *ценностные образцы и первоначала*, как: *справедливость, свобода, родина*.

Разумеется, это далеко не полный набор подобного рода ценностных образцов, но пока мы остановимся на них как на наиболее важных для нашей темы (военного наследия).

Предельно вкратце осветим эти ценностные концепты.

Справедливость – это воздаяние человеку должного в соответствии с его поступками и вкладом в общественное благо.

Причём *справедливость* здесь, в русском мировоззрении, в своём высшем смысле есть не только справедливость социальная (материальная), но и справедливость метафизическая, божественная (т.е. подлинная, истинная), никоим образом не связанная с неким гипотетическим «земным судом», с «земной властью» и т.п.

Справедливость, можно сказать, есть обратная сторона того, что в этике называется «*золотым правилом*»: поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой; т.е., здесь, при осуществлении принципа Справедливости: *как ты поступал с другими людьми, так и поступили с тобой*. Всё довольно просто и логично.

Справедливость есть ключевой ценностный принцип для жизни русского общества, складывавшегося, исторически, в чрезвычайных условиях: как природных (холодный континентальный климат, зона рискованного земледелия, и пр.), так и геополитических (крайне опасные соседи, отсутствие естественных границ etc.), – предполагающих особую социальную ответственность всех и каждого, необходимую для выживания общества в целом.

Свобода (вольница, воля) – это раскрывшаяся возможность творчества.

Прежде всего, здесь, *творчества* самого себя, – при совершении всякий раз своего жизненного выбора. А также, разумеется, *творчества* в искусстве или в трудовой деятельности, или в технике, в изобретательстве, и т.д., что, впрочем, вполне соответствует творчеству себя, саморазвитию, самосозиданию.

По существу, с соответствующими изменениями, это, *свобода как творчество себя*, и есть то, что называется *самопричинностью*, как оно имеет место в классическом определении свободы*.

Разумеется, всякий свободный акт предполагает свою меру *ответственности* за него, – прежде всего, перед самим собой, поскольку всякий свободный творческий акт неизбежно, так или иначе, вносит свои качественные изменения в весь мир.

К слову, *творчество* и есть создание качественно нового (из уже наличного).

Свобода для общества, в целом, есть возможность общества самостоятельно избирать путь своего развития, образец своего мироустройства, быть «причиной себя», принимать *самостоятельные* жизненно-важные решения.

Родина – это социокультурная и природная сфера (среда), в которой человек воспитался и к которой переживает чувство сопричастности и любви.

Важно заметить, что человек, который не испытывает никаких чувств сопричастности и любви к той сфере (среде), в которой он вырос и воспитался, по существу, не имеет родины. И уж тем более, применительно к теме данной работы, ещё точнее, для такого человека *родина* не является ценностью (высшей ценностью).

Любовь, кстати, можно определить довольно просто – как сопереживание другому, как самому себе. Например, переживая боль другого (любимого) как свою боль, а радость другого (любимого) – как свою радость.

Соответственно, тот, кто любит свою родину – тот переживает всё, что с ней, т.е. с родной природой и обществом (народом), с твоими родными особенно, происходит в настоящее время.

К понятию (ценностному концепту) *родины* примыкает понятие (ценностный концепт) *отечества*, – т.е. природной, культурной и *государственной* сферы, в которой человек воспитался и к которой переживает чувство сопричастности и любви.

Здесь, в определение понятия отечества, добавляется то, что называется сферой государства.

Государство – это система общества и органов управления обществом.

Обыкновенно, впрочем, «государство» пытаются трактовать сугубо как указанные «органы управления», со всей их атрибутикой (законов, структур управления, аппарата принуждения, армией и пр.), однако это категорически неправильно. Никакие «органы управления» не могут существовать сами по себе, «повиснув в воздухе», без своей основы – общества (даже в случае, если, по факту, подвластное этим органам управления общество никоим образом не оказывает никакого своего непосредственного влияния на принятие государственных управленческих решений органами государственного управления).

При этом к данному определению важно заметить, что, во-первых, сутью того, что называется *государством*, действительно, является для всех эпох, культур и народов, именно эта базовая системная «матричная» структура: общество и органы управления обществом; во-вторых, в различные эпохи, у различных народов, в различных культурно-исторических системах существовали и существуют свои особые, весьма различные, модели государственного устройства, формы правления со своей особой атрибутикой и т.д., однако суть, *структурный фундамент* всех этих государств всегда будет один и тот же: системная связка общества и органов управления обществом.

При этом весьма важно учитывать ещё один ключевой нюанс: обыкновенно, в исторической действительности имеет место тенденция к тому, что органы управления (элита и т.п.) обществом становятся по отношению к обществу чем-то самодовлеющим, и соответственно, в таком случае происходит процесс *отчуждения* общества от органов своего управления (от «государства»), – и мы получаем то, что ещё древнегреческие философы (Платон, Аристотель) называли *неправильными* формами правления**. Ключевой характеристикой подобного толка типов правления («государств») – «неправильных» – как раз и являлось и является то, что органы управления – в лице ли тирана, или плутократов, или, в последующие эпохи, бюрократии, корпоратократии и т.п. – управляют сугубо в своих «корпоративных» интересах, для себя, в ущерб обществу, его благу в целом. Т.е., используют общество в качестве исключительно объекта эксплуатации, манипуляций и подавления, обращаясь тем самым в паразитический аппарат угнетения***.

Как оно, например, типично для современных капиталистического толка государств (в корне *неправильных*), не только существующих в регистре своих интересов, как бюрократического толка систем, в ущерб обществу в целом, но и находящихся уже и под господством целеполагания корпораций (плутократии), интересы которых идут категорически вразрез с настоящими интересами общества, большинства населения.

Правильные (в терминах указанных античных философов) типы правления (государства) есть, соответственно, те, которые управляются ради *общего (общественного) блага*.

Однако подобное («правильное») положение дел в истории имело место крайне редко. В то время как в исторической действительности в наличествующих государствах реализовывались, обыкновенно и по преимуществу, именно негативного («неправильного») толка «государственные» тенденции.

Разумеется, для разных государств подобная негативная тенденция реализовывалась всегда в той или иной своей мере: тотально ли некий тиран или правящая группа правила для себя, в своих интересах, в ущерб обществу в целом; или – всё же их управление осуществлялось, в определённой мере, и в регистре некоторой заботы, хотя бы по остаточному принципу, об общем благе, благе народа, людей, их развитии.

И если некое конкретное «государство», как органы управления обществом, всё же хотя бы в сколь-либо значительной мере в своей деятельности, пыталось управлять обществом в регистре достижения целей общественного развития, блага людей, реализации их целей и интересов, так или иначе пытаясь повышать не только жизненный материальный уровень этих людей, но и их духовный, культурный уровень, – а значит, по существу, работая в регистре реализации вышеуказанных ключевых ценностных образцов данного народа, общества, – то такое государство, наверное, вполне органично и полноправно может включаться в ценностный концепт *отечества*.

Что значит по существу деятельность органов государственного управления в регистре указанных высших ценностей, применительно к отечественной культуре (культурно-исторической системе)? А это значит: *воплощение в жизнь, по возможности, указанных ценностных образцов и принципов: свободы, справедливости, родины (и отечества)*.

Проще говоря, органы государственного управления в своём тесном взаимодействии с обществом в целом заботятся о всестороннем развитии, по возможности, всех и каждого, о создании социально-экономической системы обеспечения подобной возможности; заботятся об обеспечении и реализации, по возможности, принципа социальной справедливости; заботятся о сохранении и преобразении, по возможности, природной сферы, о сохранении природного наследия. И т.д., и т.п.

Если же деятельность органов государственного управления оказывается замкнутой прежде всего на собственные интересы – бюрократические и корпоративные олигархические, реализуется в ущерб обществу, общественному развитию, в целом, а также и в ущерб природе, окружающей среде, лишь эксплуатируя и разрушая в своих корпоративных интересах общество и природу и при этом, что немаловажно, не неся за всё это никакой реальной ответственности перед обществом, то такого рода органы государственного управления, очевидно, противопоставляют себя *родине* как ценностному образцу и крайне проблематизируют ценностный концепт *отечества*.

И в этом отношении возникают, соответственно, серьёзные проблемы с *патриотизмом* как *отношением к ценностным образцам родины (и отечества)*, особым *ценностным отношением*, т.е. – любовью к *родине и отечеству*.

Впрочем, это уже отдельная большая тема, и мы, обозначив здесь её подобным образом как крайне важную для прояснения сути проблематики военного наследия, перейдём теперь непосредственно к нашей проблематике *военного наследия*.

Объекты военного наследия определяются в качестве таковых, прежде всего, как раз в своей связи с такими ценностными образцами (концептами), как *родина и отечество*.

Под *объектами культурного наследия* мы понимаем те или иные артефакты, имеющие историческую, религиозную, эстетическую, социальную и научно-техническую значимость (*ценность*).

Под *объектами военного (военного культурного) наследия* мы понимаем артефакты и природные объекты (ландшафты), имеющие *историческую и социальную ценность* (значимость), связанную с теми или иными военными историческими событиями, и соответственно, с защитой нашей *родины (отечества)*.

Дополнительно, наверное, в установлении того или иного объекта именно *в качестве объекта военного наследия* могут играть свою роль: и ценности *эстетического* характера (например, если мы имеем дело с теми или иными высокого художественного уровня памятниками военным событиям); и ценности *научно-технического* характера (например, памятники в виде военной техники, представляющей собой определённого рода научно-технические достижения для своей эпохи); и всё, что связано с нашим личным сопереживанием тем героям, которые, например, отдали свои жизни за то, чтобы жили мы, их потомки; etc.

Представление тех или иных артефактов или природных ландшафтов (например, того или иного поля сражения) в качестве *объектов военного наследия*, очевидно, зиждется, прежде всего, на таких ценностных образцах, как *родина и отечество*. И, соответственно, определяется и актуализируется это представление подобным образом именно в регистре особого отношения человека (и общества) к этим высшим ценностям – *родине и отечеству*, – именуемому *патриотизмом*.

Разумеется, к подобного рода основополагающим высшим ценностям, на которых зиждется и формируется *система объектов военного наследия*, относится, с соответствующими оговорками, и ценностный образец *свободы* – как идеал свободы народа, общества от иноземного ига, от порабощения теми или иными захватчиками; как стремление этого народа (общества) к *самостоятельному* культурно-историческому творчеству и развитию.

Применительно к *объектам военного наследия советской эпохи* в матрицу основополагающих ценностей необходимо добавить и ценностное первоначало *справедливости*, – прежде всего, как строящегося в указанную эпоху общества социальной справедливости, своей *социалистической родины (отечества)*, которую надлежит защищать и которую люди, собственно, и защищали, нередко жертвуя жизнью.

Соответственно, подобная личная *актуализация* данных *ценностных образцов* – *родины и отечества*, а также *свободы и справедливости*****, так или иначе связанных с системой объектов *военного наследия*, способствует процессам социокультурной *идентификации* человека, людей, их воспитанию и формированию целостной личности.

Итак, резюмируем вкратце: каждый объект, артефакт, претендующий на то, чтобы быть отнесённым к *объектам военного наследия*, должен так или иначе, с одной стороны, соотноситься с теми или иными *военными историческими событиями*, а с другой – соотноситься с вышеуказанными *высшими ценностями*, исконно свойственными нашему народу и обществу.

ПРИМЕЧАНИЯ

* См., например: «Свобода есть не беспричинность, но *самопричинность*, способность действовать от себя (а се, отсюда неблагозвучное, но удобное выражение *асеизм*)...» [2; с. 250].

** См., например: «Только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей...» [1; с. 79].

*** См., например, В.И. Ленин о такого рода «классовом» государстве: «... государство есть орган классового *господства*, орган *угнетения* одного класса другим <...> государство есть "особая сила для подавления" угнетенного класса <...> Особый аппарат, особая машина для подавления, "государство"...» etc. [5; с. 7, 19, 83 и т.д.].

**** Опять же, данный список высших ценностей здесь не «закрывается»; и тут, в принципе, в качестве высших ценностных образцов, так или иначе имеющих важное значение применительно к объектам *военного наследия*, можно указать и на ценностные образцы своей *семьи* (детей, родителей, родных), и на ценностный образец *Христа* (*христианской веры*, за исповедание которой и за защиту которой люди, бывало, отдавали свою жизнь), и на ценностный принцип *личного достоинства, чести*, и т.д., и т.п.

Дополнительно о высших ценностях отечественной культуры см., например: Васильев Г.Е. «Встань с колен – и сам иди. Словарь философии власти» [3; с. 373-378], Васильев Г.Е. «Окоём волюшки. Русская философия власти» [4; с. 214-219].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аристотель*. Политика. – Москва : АСТ, 2018. – 317 с.
- [2] *Булгаков, С. Н.* Философия хозяйства. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2009. – 464 с.
- [3] *Васильев, Г. Е.* Встань с колен – и сам иди. Словарь философии власти. – Москва : Ваш Формат, 2023. – 410 с.
- [4] *Васильев, Г.Е.* Окоём волюшки. Русская философия власти. – Москва : Ваш Формат, 2021. – 579 с.
- [5] *Ленин, В. И.* Государство и революция. – Москва : Госполитиздат, 1953. – 120 с.

AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE SYSTEM OF MILITARY CULTURAL HERITAGE SITES

Vasilyev Gleb Evgenievich,

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Leading Researcher, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. The article reveals the essence of key concepts related to the problems of cultural and military heritage; it examines the necessary cultural and axiological connection between certain higher values of Russian culture, on the one hand, and the presentation of certain artifacts or landscapes as objects of military heritage, on the other hand. The article pays special attention to the value concepts of homeland and fatherland, which play a crucial role in the presentation of certain artifacts as objects of military heritage.

Keywords: culture, values, cultural heritage, military heritage, military heritage sites.

REFERENCES

- 1. Aristotel. *Politika* [Politics], Moscow, AST, 2018, 317 p.
- 2. Bulgakov S. N. *Philosophiya hozyaistva* [Philosophy of Economy], Moscow, In-t rus. civilizatsii, 2009, 464 p.
- 3. Lenin V. I. *Gosudarstvo i revolyutsia* [State and Revolution], Moscow, Gospolitizdat, 1953, 120 p.
- 4. Vasil'ev G. E. *Okoyom volyushki. Russkaya philosophia vlasti* [Horizon of volyushka. Russian Philosophy of Power], Moscow, Vash Format, 2021, 579 p.
- 5. Vasil'ev G. E. *Vstan' s kolen – i sam idi. Slovar philosophii vlasti* [Get up from your knees and walk on your own. Dictionary of Philosophy of Power], Moscow, Vash Format, 2023, 410 p.

Ссылка для цитирования:

Васильев, Г. Е. Аксиологические основания формирования системы объектов военного культурного наследия. — DOI 10.34685/НЛ.2026.66.40.007 // Культурологический журнал. — 2026. — № 3(65). — С. 4-10. — URL: http://cjournal.ru/rus/journals/774.html&j_id=69. — Текст : электронный.

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ СТРУКТУРНОЙ МОДЕЛИ
ПОНЯТИЯ «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ»
В РУСЛЕ ОСНОВНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ**

DOI 10.34685/HI.2026.72.66.009

Горелова Юлия Робертовна,

кандидат исторических наук,
ученый секретарь Сибирского филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Омск)
Email: gorelovaj@mail.ru

Хилько Николай Федорович,

доктор педагогических наук, доцент,
старший научный сотрудник Сибирского филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Омск)
Email: fedorovch59@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема функциональных свойств понятия «историко-культурная память». Рассмотрены основные подходы к понятию «историко-культурная память»: философско-этический, историко-трансмиссионный, культурно-антропологический, системно-социологический и герменевтико-семиотический подходы. Новизна предлагаемых авторами методологических подходов к заявленному понятию состоит в установлении соотношения со смежными понятиями. Выделены концепты культурно-исторической памяти: моральный климат памяти, социальный конструкт памяти, опыт поколений, мемориализация, воссоздание культуры. В результате делается вывод о том, что, смысловое поле методологических подходов сходится в опосредующем звене-фильтре – «культуре памяти» как значимом элементе концентрации идентичности. На основе смысловых единиц методологических подходов определены функциональные свойства понятия «историко-культурная память»: моральная ответственность за сохранение культурного опыта прошлого, передача историко-культурного опыта, национальная идентичность и своеобразие культурного суверенитета, конструирование пространства социальной солидарности, культурное кодирование. Выделенные в структурной модели группы функций целиком и полностью отвечают методологическим подходам к понятию «историко-культурная память» и распределяются по блокам, образующим соответствующую структуру функциональных доминант: блоки культурного опыта, естественной историко-культурной коммуникации, культурной идентичности, культурной устойчивости, знаковой историко-культурной мемориальной коммуникации.

Ключевые слова: функционально-структурная модель, историко-культурная память, историческая память, память культуры, философско-этический, историко-трансмиссионный, культурно-антропологический, системно-социологический, герменевтико-семиотический подходы.

Актуальность темы исследования историко-культурной памяти в современных условиях определяется ее особой значимостью как фундамента национальной идентичности и основы культурного суверенитета в условиях информационных войн и фейковых провокаций. Благодаря системной интеграции подходов к понятию «историко-культурная память» преодолевается размытость и аморфность структуры понятия, что расширяет возможности выработки эффективных стратегий национального развития. Влияние медиатехнологий и массовой культуры с середины XX века приводит к усложнению структуры памяти и размыванию ее целостности, что требует новых методов анализа.

Актуализация памяти связывает прошлое с будущим, помогая понять истоки современных событий и найти позитивные сценарии для решения кризисных ситуаций современности. Тема актуальна в условиях поиска оснований для стабилизации культурного развития общества, а также для противодействия, искажениям исторической правды, навязывания интерпретаций, необоснованного права коммеморации, «конкуренции памятей».

Исследования данных тенденций содержатся в трудах ряда современных ученых [9; 24]. Исследования западных ученых (М. Стёркен, Б. Шварц, А. Хюйссен) зафиксировали ситуацию одновременного существования различных вариантов памяти об одних и тех же культурных и исторических феноменах. В частности, А. Хюйссен анализировал культуру памяти в контексте постмодернизма, выявляя роль медиа в формировании исторических образов [39].

Рассмотрение культуры памяти через призму материальных объектов и технологий провел М. Стёркен [40]. Видя рациональное зерно в данной концепции, отметим, что, тем не менее, этот подход чрезмерно акцентирован на технологической модернизации без учета факторов сохранения культурного наследия. Б. Шварц позиционировал коллективную память как процесс постоянного переосмысления прошлого в зависимости от потребностей настоящего [41]. Соглашаясь с тем, что историко-культурная память, действительно, пластична и обладает свойствами до определенной степени трансформироваться в соответствии с вызовами времени и спецификой социокультурной ситуации, считаем, что в условиях российской действительности конкуренция «памятей» не приемлема. Однако вслед за Н.П. Ильиным мы допускаем возможность «согласованного многообразия» историко-культурной памяти [17], акцентируя внимание на том, что свойство согласованности должно обладать несомненным приоритетом. В противном случае историко-культурная память не сможет выполнить одну из своих ключевых функций, а именно – функцию консолидации общества.

Кроме того, проблема систематизации основных подходов к понятию «историко-культурная память» определяется необходимостью преодоления междисциплинарного разделения культурных и исторических аспектов сохранения ценностей, сосредоточенных как в сфере фундаментальной исторической науки, так и в обыденных коллективных представлениях.

Цель статьи – системная интеграция основных методологических подходов к понятию «историко-культурная память», направленная на разработку функционально-структурной модели понятия. Из цели вытекают следующие задачи: 1. Проанализировать соотношение смежных понятий. 2. Определить основные подходы к понятию «историко-культурная память». 3. Выявить смысловые единицы и функциональные свойства в подходах. 4. Обозначить семантическую структуру функций понятия: «историко-культурная память» с позиций выявленных подходов. 5. Разработать функционально-структурную модель понятия «историко-культурная память».

Отсюда проистекают следующие *методы исследования*: системный, структурный, сравнительный анализ, обобщение. Рассмотрим соотношение смежных понятий: историческая память, историко-культурная память, культурная память, память культуры.

Историческая память, на наш взгляд, является феноменом общественного сознания, регулирующим передачу *значимого, в особенности, социокультурного опыта* прошлого последующим поколениям. Она основана на способности сохранять и передавать из поколения в поколение знания о значимых исторических событиях, выдающихся личностях, этапах и вехах развития того или иного этноса или нации. Историческая память неотрывна от культурных процессов.

Культурная память определяется Я. Ассманом как объективированную связь зафиксированных следов воспоминаний (обращений к прошлому), идентичности и культурной преемственности (складывания традиций), *средство культурной идентичности*, которая «связывает вчера и сегодня, формируя и удерживая в живой памяти существенные воспоминания и опыт, включая в сдвигающийся вперед горизонт настоящего образы и истории иного времен...» [7, с. 5, 15].

Память культуры – это по Д.С. Лихачеву, *естественный механизм ее значимости и ценности*, генетически обусловленная творческая основа, нравственности, духовной преемственности и

духовного бессмертия. По этому поводу ученый писал: «...память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс <...> Запоминается то, что нужно; путем памяти накапливается добрый опыт, образуется традиция, создаются бытовые навыки, семейные навыки, трудовые навыки, общественные институты <...> Память противостоит уничтожающей силе времени». «Хранить *память*, беречь *память* – это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками. Память – одно из величайших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, человеческого. Память – преодоление времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти. Вот почему так важно воспитываться в *моральном климате памяти* – памяти семейной, народной, культурной» [22]. Итак, культура как память (по Д.С. Лихачеву) находит свое особенное выражение в социальных свойствах культуры памяти, которая интегрируется с культурной памятью, выражая в конечном итоге воспроизводящие свойства историко-культурной памяти, которая также формируется под влиянием исторической памяти (рис.1).

Историко-культурная память как феномен общественного сознания и механизм обеспечения культурной преемственности объединяет в себе характеристики как собственно исторической, культурной памяти, так и памяти культуры. По мнению современных исследователей, историко-культурная память - это «переживание прошлого через связь «истории» и «культуры», то есть воспроизводство истории в контексте культуры» [2].

Соглашаясь с данным утверждением, необходимо помнить, что кроме *информативного компонента (знания)*, историко-культурная память содержит в себе *нормативно-регулирующий компонент*, представленный традициями, ритуалами, фиксирующий значимый для данной социокультурной общности опыт деятельности в определенной сфере (кулинарные традиции, традиционные ремесла и пр.). Третьим компонентом историко-культурной памяти выступают *историко-культурные образы* как элемент, наиболее связанный с эмоциональной вовлеченностью и эмпатией. Образы передают историко-культурную информацию в наиболее яркой, концентрированной и эмоциональной форме. Данный компонент обладает наибольшей степенью воздействия на сознание людей и в большой степени формирует чувство позитивной национальной идентичности, основанной на восприятии ключевых событий общего прошлого народа или нации.

В основе формируемого понятия лежит интеграция трех понятий: «культурная память», «историческая память» и «память культуры», смысловое поле которых сходится в опосредующем звене-фильтре – «культуре памяти» как значимом элементе локализации идентичности [34]. Именно этот медиум формирует смысловое пространство понятия «историко-культурная память», в составе которого выделяются структурно-значимые компоненты: знания, нормы и ценности, соответствующие трем компонентам историко-культурной памяти (Рис.1).

Рис. 1. Соотношение понятий, смежных с историко-культурной памятью.

В рамках *философско-этического подхода* историко-культурная память рассматривается не только как социокультурный феномен, но и явление, обладающее ценностной основой, акцентирующей внимание на воспитательно-этической функции. Философско-этический подход к историко-культурной памяти трактует её как ценностно-ориентированную структуру, устанавливающую связь прошлого с настоящим с целью формирования коллективной идентичности. Память не просто сохраняет исторические и культурные факты, а этически конструирует «места культурной памяти», требуя ответственности за трансляцию опыта.

В русле данного подхода, историко-культурная память рассматривается в трудах: Д.С. Лихачева, А.В. Гончаровой, Г.В. Лебедевой, К.П. Шевцова.

Ключевая идея концепции «*памяти культуры*» Д. С. Лихачева заключается в том, что культура есть сосредоточение накопленной памяти человечества, каждого народа, которую каждый обязан сохранять и передавать потомкам, считая это своим нравственным долгом, а память – основой совести, эстетического восприятия и нравственности. *Культура памяти*, в свою очередь, является источником бессмертия этноса, воспитываемая в моральном климате микро- и макросоциума. Она выражается в традициях, обычаях, обрядах, укладе жизни, почитании предков и складывается в обществе как сакральная ответственность перед предками и потомками хранить культуру, цивилизацию, язык, свои духовные и нравственные ценности [22]. На основе выше сказанного, можно заключить, что в аспекте культуры памяти Д.С. Лихачева налаживается диалог с прошлым и критическая рефлексия, что в свою очередь формирует этическую сторону данного подхода.

В исследованиях К.П. Шевцова память трактуется как основание культурного и личностного самосознания, формирующее парадигмы культуры [34]. Места памяти, создавая целостный образ прошлого, формируют чувство ответственности и морального долга за сохранение наследия.

А.В. Гончарова рассматривает историко-культурную память как фундаментальный механизм формирования национальной идентичности, связывающий прошлое, настоящее и будущее через сохранение ценностей, смыслов и культурных кодов, который действует не просто как архив фактов, а как свойства моральной ответственности за понимание своей истории, преемственности поколений и осознанного отношения к наследию [11].

По мнению Г.В. Лебедевой, память - это активный, субъективный процесс, где прошлое востребовано в настоящем, конструируя культурное пространство и время через механизмы памяти и забвения [20].

С позиций философско-этического подхода историко-культурная память рассматривается как нравственный долг, способствующий конструированию идентичности и «органической системы» для сохранения культуры в глобализирующемся мире, как основа *национальной идентичности* и механизм трансляции ценностей. В качестве смысловой единицы данного подхода выступает *моральный климат памяти*, выделяемый в рассматриваемых культурных слоях. При этом историко-культурная память становится объективированной формой прошлого (артефакты, ритуалы, тексты), обеспечивающей непрерывность духовной жизни. С другой стороны, этика ответственности, культура памяти предусматривает и требует преодоления искажений, сохранения «неудобных» страниц истории, честного анализа прошлых событий для предотвращения трагедий в будущем.

Историко-трансмиссионный подход к понятию «культурная память» содержится в трудах М. Хальбвакса, В.Н. Стрелецкого, О.Г. Эксле, Е.В. Андреевой, П.С. Аликина, А.Л. Мухиной, П. Нора. В его основе лежит представление о том, что одной из главных функций историко-культурной памяти является передача значимого историко-культурного опыта от поколения к поколению. Морис Хальбвакс - основоположник теории коллективной памяти, заложил основу для понимания того, как социальные группы (этносы) конструируют свое прошлое [32].

О.Г. Эксле анализирует культурную память как трансформацию под влиянием историзма в XIX веке. В ходе переосмысления прошлого через призму исторической культурологии «память» становится предметом научного анализа, а не только мифотворчества [36]. С точки зрения Л.П. Репиной, «передаваясь из поколения в поколение, культурная память удерживает лишь наиболее значимое

прошлое – мифическую историю, которая имеет ориентирующую, нормативную и конституирующую функции» [25, с. 82].

В этом ключе важно рассмотрение «мест памяти» В.Н. Стрелецким (*lieux de mémoire*) в контексте культурной и исторической географии. Он анализирует, как памятники, ландшафты и знаковые места формируют коллективную память, конструируют идентичность и преобразуют историческое пространство [28].

Е.В. Андреева рассматривает культурное наследие как ядро культурной памяти. Ее диссертация (2006) посвящена роли этого феномена в сохранении духовной целостности Российской цивилизации. Она рассматривает наследие как основу для формирования национальной идентичности и преемственности поколений [4].

Нельзя не согласиться с П.С. Аликиным и А.Л. Мухиной относительно того, что «по сути, «культурная» и «историческая» память – две грани одного явления - коллективной памяти, они обе связаны с воспроизводством прошлого через образы, символы, «места памяти» [2].

Иная ассоциативная привязка культурной памяти к исторической содержится в трудах Пьера Нора. Он исследовал «места памяти» как средства фиксации исторический опыт и ключевые семиотические элементы выражения коллективная память. Ученый ввел понятие *мест памяти* (*lieux de mémoire*), определяя их как символические узлы, где концентрируется историко-культурная память народа (архивы, музеи, памятники)» [37]. Частным проявлением данного подхода выступает обширный массив историко-краеведческих исследований, посвященных конкретным локальным пространствам, местам и событиям, в которых в той или иной мере осмысливается феномен историко-культурной памяти.

В рамках коллективной монографии «Живое наследие памяти: историко-культурное наследие сословий России» (2024) (Д.Я. Романова и др.) исследуется семейная, родовая, сословная память и живое наследие памяти как основа культурной идентичности [15].

Историко-культурная память выступает механизмом трансляции и передачи опыта истории и культуры в живых и конструируемых формах идентифицируемых мест памяти. Итак, историко-культурная память с позиций историко-трансмиссионного подхода понимается как особая *форма* передачи и сохранения в культурном опыте наиболее значимой социокультурной информации, выходящей за рамки опыта отдельных людей или групп.

Культурно-антропологический подход к понятию «историко-культурная память» отражен в трудах А. и Я. Ассманов и Л.П. Репиной. В рамках данного подхода историко-культурная память рассматривается как механизм сохранения национальной или этнической идентичности, связи поколений через традиции и ритуалы. Ян Ассман определил культурную память как совокупности текстов, образов и обрядов, обеспечивающих идентичность группы на протяжении длительного времени. При этом он рассматривал культурную память как способ воспроизводства социокультурного целого [7, с. 12].

В свою очередь современные отечественные ученые исследуют историко-культурную память как условие сохранения национальной идентичности в условиях глобализации, подчеркивая важность связи прошлого, настоящего и будущего для этноса. Так, Л.П. Репина рассматривает существенные изменения в историко-культурной памяти механизма конструирования идентичности через избирательное отражение прошлого [26]. В рамках данного подхода память рассматривается как механизм культурной связи поколений, направленный на формирование и сохранение идентичности.

Системно-социологический подход к культурно-исторической памяти развивает ряд ученых: А. Ассман, М. Хальбвакс, Е.В. Андреева (культурное наследие).

Морис Хальбвакс определяет историко-культурную память как социальный конструкт, в котором существуют имманентные компоненты культуры внутри социума, утверждая, что «даже в сознании отдельного человека запоминание и припоминание фактов обусловлено по ряду важнейших параметров «рамками» и «ориентирами», которые создаются *культурой* (выделено нами. – *Авт.*) обществом (речью, представлениями о пространстве и времени и т.д.)» [32].

Итак, *системно-социологический подход* рассматривает историко-культурную память как пространство конструирования коллективной идентичности, *социальной солидарности* и передачи опыта (традиций, символов, ритуалов) между поколениями, объективный механизм воспроизводства социального целого, обеспечивающий непрерывность культурно-исторического развития. В рамках данного подхода акцентируется роль памяти как социального механизма.

Историко-культурная память выступает целостной, динамичной *системой* представлений о прошлом, обеспечивающей социальную и культурную преемственность механизмов воспроизводства культурной самобытности и целостности посредством социокультурного поведения и диалога поколений.

Герменевтико-семиотический подход к историко-культурной памяти опирается на исследования: Ю.М. Лотмана и Л.С. Выготского. С точки зрения Ю. Лотмана и других исследователей, память рассматривается в контексте функции семиосферы, где тексты прошлого актуализируются в настоящем, то есть в результате попадания в новый контекст [23]. Данный подход фокусируется не на объективной фиксации фактов, а на способах их кодирования и интерпретации в культуре, где память выступает как «органическая система» сохранения преемственности. С этих позиций историко-культурная память рассматривается как *знаковая система* («текст культуры»), *служащая воспроизводству культурной идентичности*. При этом смысловыми единицами выступают три позиции: мемориальные знаки культуры, культурный код памяти и культурная коммеморация.

Так, Л.С. Выготский рассматривал историко-культурную память не как естественную функцию организма, а как высшую психическую функцию, создающую формы посредством интериоризации социальных знаков (культуры, языка), которые опосредуются культурными средствами. «Культурно-историческая память по Л.С. Выготскому находится во внешнем социальном пространстве, опосредованном культурными знаками, инструментами и языком» [10].

С точки зрения герменевтико-семиотического подхода историко-культурная память проявляется через наличие в обществе знаковой основы сохранения ценностей истории и культуры, выраженной в форме культурного кода, текстах и контекстах.

Отправной точкой функционально-структурного анализа будут отмеченные ниже функции культурной памяти, указанные М.Л. Шуб.

Накопительная функция сводится к хранению значимой для группы информации в виде символов, мифов, архетипических представлений.

Идентификационная функция заключается в обеспечении самоопределения членов группы во времени и пространстве.

Стабилизационная – в поддержании устойчивого существования группы, в том числе в периоды кризисов и потрясений.

Объяснительная функция проявляется в интерпретации наиболее значимых для группы смыслов и выработке соответствующих моделей поведения.

Легитимизирующая – в обосновании справедливости существования политического, нормативного и иного порядка группы и др.» [35, с. 71].

Применяя функции культурной памяти М.Л. Шуб к историко-культурной, получим производных ряд функций на основе новых смыслов.

Исходя из функций культурной памяти М.Л. Шуб, получим ряд производных функций историко-культурной памяти на основе новых смыслов. Так, накопительная функция культурной памяти приобретает новый смысл в сохранении накопленных культурных ценностей и трансформируется в сохраняющую историко-культурную функцию. Идентификационная функция культурной памяти проявляется в новой форме через принадлежность к культурной группе и становится одноименной

идентификационной. Стабилизационная культурной памяти направлена в историко-культурном смысле на достижение устойчивости культурного развития и получает новую форму – стабилизирующей функции.

Наконец, легитимизирующая культурной памяти базируется на синтезе проявлений объяснительной и легитимизирующей функций у М.Л. Шуб и преобразуется в две новые функции: гносеологической легитимизации и нормативно-регулятивную.

Соотнося функции культурной памяти, выведенные М.Л. Шуб, с историко-культурной памятью как феноменом общественного сознания и механизмом культурной преемственности, считаем необходимым дополнить ее функциональный ряд такими функциями, как трансмиссионная, нормативно-регулятивная, аксиологическая, прогностическая, воспитательная, интегрирующая, компенсаторная, знаково-семиотическая. При этом мы будем опираться в качестве исходных на известные в науке функции культурной и исторической памяти по отношению к каждой из описываемых функций. В результате появляется функциональная структура, отнесенная к понятию «историко-культурная память» из перечисленных ниже следующих функций.

1. Функция *гносеологической легитимизации* производна от синтеза легитимизирующей и объяснительной функций культурной памяти и основана на обосновании справедливости существования политического, нормативного и иного порядка группы и др., опирающегося на интерпретацию значимых исторических событий и культурных феноменов. что исходит из ее определения М.Л. Шуб [35]. Аналогичные функции присущи и исторической памяти, что подтверждается работами Мориса Хальбвакса, Пьера Нора, Яна Ассмана, Эрика Хобсбаума, Д.А. Аникина.

Так, М. Хальбвакс связывает память с воспоминаниями, которые структурируются языком, пространством и временем как социальными конструктами, обнаруживаемыми своей *присущностью* историческим событиям [32]. Пьер Нора, анализируя разрыв между живой памятью и историей, связывает *объяснение общественной приемлемости* памяти с ускорением истории, приводящим к исчезновению традиционной, укорененной памяти, на смену которой приходят явные «места памяти» (*lieux de mémoire*) — символические, материальные или функциональные узлы, где память больше не существует спонтанно [37]. Данная функция состоит в понимании истоков событий и на этой основе — легитимизации (признания общественно приемлемым) событий современных культурно-исторических процессов. В свою очередь гносеологическая составляющая рассматриваемой функции дает понимание истоков текущих событий через призму прошлого.

2. *Трансмиссионная* функция отражает стремление культуры к воспроизводству через трансляцию, передачу культурных ценностей, что отвечает трансляционной (передающей) функции исторической памяти, о чем свидетельствуют следующие труды. _Согласно мнению Н. С. Корнющенко-Ермолаевой, передаче исторической памяти способствуют следующие факторы: выявление специфических особенностей коллективной памяти, природа и динамика коллективных воспоминаний [19]. В свою очередь, культурную память мы понимаем вслед за Ю.М. Лотманом как общее культурное пространство, в рамках которого существуют и актуализируются смысловые формы. Отсюда становится ясным, что культурная трансмиссия в конечном итоге связана с актуализацией культурных смыслов в консервативных или конструктивных формах. По этому поводу Н.С. Ищенко отмечает, что При этом, культурная трансмиссия тесно связана с культурной памятью и осуществляется, по мнению Н.С. Ищенко, ею» [18, с. 56]. Итак, трансмиссия культуры посредством исторической памяти состоит в сочетании традиционных и инновационных форм передачи культурной информации от поколения к поколению в различных формах ее актуализации.

3. *Идентифицирующая функция* историко-культурной памяти основывается на направленности следов культурной памяти на социальную идентификацию (по М.Л. Шуб). В то же время она строится на принципах идентификационной функции исторической памяти, которые имеют место в трудах В.А. Тишкова и Ю.П. Шабаева. При этом обосновывается важность функционирования исторической памяти в «формировании гражданина и укреплении общей гражданской идентичности» [29, с. 70]. Данная функция помогает обрести идентичность, ощутить принадлежность к той или иной социальной группе.

4. *Нормативно-регулятивная* функция историко-культурной памяти акцентирует ответственное отношение к порядку сохранения фактов и архетипов культуры, выводит на принципы регуляции и саморегуляции норм культурной памяти.

Опыт прошлого формирует определенные правила поведения, моральные нормы и ценности, которые направляют действия людей в настоящем. Данное положение нашло отражение в трудах М. Хальбвакса, Э. Дюркгейма, П. Нора, Я. и А. Ассмана, Ж. Тощенко, Л.П. Репиной. В частности, Ян Ассман, исследуя непосредственно культурную память, обосновывает ее как совокупность знаний, текстов и образов, хранящих память о прошлом, обеспечивающую нормативно-регулятивную функцию в ходе трансляции смыслов через поколения [7]. В то же время, анализируя историческую память как механизм формирования коллективной идентичности, Жан Тощенко также выделяет её нормативно-регулятивную функцию, которая заключается в использовании образов прошлого для контроля над настоящим, упорядочивания социальных отношений и формирования ценностных ориентиров, транслируемых новым поколениям [30]. Сущность рассматриваемой функции – в регламентации отношений к культуре памяти, вызываемых стандартами, стереотипами, способами поведения и деятельности.

5. *Аксиологическая (ценностная)* функция производна от одноименной функции исторической памяти, которую развивают в своих трудах Морис Хальбвакс, Пьер Нора, Ян Ассман. Она заключается в придании культурной ценности тем или иным событиям и явлениям. М. Хальбвакс отмечает проявления аксиологической (ценностной) функции памяти в «отборе, сохранении и деформации воспоминаний социальными группами» [32, с. 46]. Одноименная аксиологическая функция исторической памяти заключается в «формировании идентичности через отбор, хранение и актуализацию «золотого века» или сакрального прошлого» [20, с. 5]. Суть данной функции – в установлении значимости и идентификации культурных смыслов исторической памяти.

6. *Сохраняющая* функция отвечает сущности накопления культурной памяти по М.Л. Шуб, а также - архивной функции исторической памяти (М. Хальбвакс, П. Нора, Я. Ассман). М. Хальбвакс связывает коллективную память с социальным конструктом, накопленным и упорядоченным обществом, посредством которого осуществляется аккумуляция прошлого в рамках, создаваемых социальными институтами (семья, религия, классы), обеспечивая непрерывность группы [32]. Согласно Яну Ассману, сохраняющая функция (или функция хранения) культурной памяти заключается в консервации смыслов, ценностей и знаний, необходимых для формирования идентичности группы [7]. Аналогичный характер приобретает и сбор, упорядочение и хранение опыта прошлых поколений. В рамках этой деятельности сохранение памяти имманентно связано не только с накоплением культурных ценностей, но и с защитой их самобытности.

7. *Прогностическая* функция историко-культурной памяти происходит от одноименной функции исторической памяти. Она обеспечивает связь времен, помогая обществу ориентироваться и избегать прошлых ошибок. Эти позиции обосновывают следующие авторы: Ю.А. Левада, А.В. Гулыга, М.А. Барг, Д.П. Андреев. Ю.А. Левада прогностическую функцию исторического знания рассматривает не как прямое предсказание будущего, а как выявление логики развития социальных, в том числе и культурных, процессов [21]. А.В. Гулыга обосновывает прогностическую функцию истории, рассматривая её как научно обоснованное предвидение, утверждая, что знание культуры прошлого позволяет выявлять исторические закономерности, необходимые для прогнозирования культурного процесса в будущем [12].

8. *Воспитательная* функция отвечает принципам памяти культуры, что отражено в трудах Д.С. Лихачева, Мориса Хальбвакса, Пьер Нора, Яна Ассмана. Она проявляется в формировании гражданской ответственности в процессе приобщения к культурным ценностям населения страны. Д.С. Лихачев определяет память как основу совести и нравственности, формирующую личность. В силу этого доказывается положение, что историко-культурная память не мыслима без «воспитания уважения к предкам, ответственности за поступки и связи человека с прошлым, предотвращения бесследности и душевной черствости» [22, с.13]. Воспитательная функция памяти по Яну Ассману заключается в трансляции сакральных, обязательных для общества образов прошлого, превращая их в основу культурной самоидентификации [7]. Итак, воспитательная функция историко-культурной памяти передает признаваемые обществом модели поведения, нормы и ценности.

9. *Интегрирующая* функция исходит из установок на сплочение, укрепление и объединение социальных групп, этносов или ценностей вокруг общих культурных основ. Базой данной функции в исторической памяти является интегративная (консолидирующая) функция, которую отмечают М. Хальбвакс, А.А. Акимова, Г.Ш. Гамзаева, О.И. Казакбиева. М. Хальбвакс утверждает тесную связь коллективной памяти, конструируемой обществом и обеспечивающей его интеграцию через общие «рамки» (речь, время, пространство). При этом формирование памяти мотивируется необходимостью поддержания сплоченности и социальной идентичности [32]. Современные авторы (А.А. Акимова, Г.Ш. Гамзаева и О.И. Казакбиева) рассматривают интегративную функцию исторической памяти как «ключевой инструмент консолидации российского общества «через формирование единой гражданской идентичности, трансляцию общих ценностей, сохранение культурного кода и преодоление социальных противоречий на основе общей исторической судьбы» [1, с. 8]. Ее сущность – в том, что память становится интегративно-консолидирующим фактором, благодаря чему происходит объединение людей в некоторое культурное, сплачиваясь через общее прошлое, общие ценности и символы.

10. *Компенсаторная* функция проявляется в том, что устойчивость ценностных установок гарантирует стабильность в обществе. Она основывается на аналогичной компенсаторной функции исторической памяти, содержащейся в трудах М. Хальбвакса, П.Х. Хаттона, А. Ассмана, А.Я. Флиера, Я. Ассмана. Так, компенсаторная функция в контексте идей П.Х. Хаттона, — это *механизм адаптации*, с помощью которого современная историография пытается восполнить утрату непосредственной, живой связи с прошлым [33]. С точки зрения А.Я. Флиера, компенсаторная функция понимается как «*механизм социокультурной активности*, направленный на снижение дискомфорта, вызванного культурным диссонансом или трансформациями среды...» [31, с. 45]. Восполнение, компенсация недостающих ценностей культуры через их воспоминание и сохранение обеспечивает чувство устойчивости в период кризисных ситуаций в обществе, то есть играет антикризисную роль.

11. *Стабилизирующая* функция отвечает, с одной стороны, стабилизационной функции культурной памяти (по М.Л. Шуб) с точки зрения антикризисных проявлений и, с другой стороны, аналогичной стабилизирующей функции исторической памяти, направленной на преодоление социальных травм, примирение и интеграцию общества. К авторам, затрагивающим эту тему, относятся А.А. Дорская (роль памяти в стабильности) [13], М. Хальбвакс (социальные рамки памяти), а также исследователи памяти как инструмента формирования идентичности [32].

В связи с историческими процессами. А.А. Дорская усматривает стабилизирующую функцию через правовое регулирование (мемориальные законы), сохранение преемственности, формирование идентичности и предотвращение конфликтов [13]. В сущности, стабилизирующая функция историко-культурной памяти – это способы уравнивания отношений в культуре через их ценностно-смысловую значимость и важность для культурного развития общества.

12. *Знаково-семиотическая* функция историко-культурной памяти сводится к хранению значимой для группы информации в виде символов, мифов, архетипических представлений [34]. Она соответствует знаково-семиотической функции исторической памяти, о чем свидетельствуют труды ряда авторов: Ю.М. Лотмана, С.Т. Золяна, П.А. Сорокина, Ю.М. Лотман видит знаков-семиотическое функционирование исторической памяти в преобразовании реальных событий в тексты и мифы, которые отбираются семиосферой для хранения [23]. П. Сорокин не использовал термин «знаково-семиотическая функция» в том виде, в котором мы представляем себе, как символы и смыслы формируют историческую память и социальную реальность, является центральной в его главном труде [27]. Смысловые единицы подходов к культурно-исторической памяти позволили выделить в ходе их интеграции обобщенные смыслы каждого подхода, которые мы позиционируем как концепты культурно-исторической памяти: опыт поколений, мемориализация, воссоздание культуры, взаимодействие культуры прошлого и современности и соответствующие им *функции историко-культурной памяти*.

Философско-этический подход, направленный на смысловую единицу -моральный климат памяти, выводит на функциональное свойство моральной ответственности за сохранение культурного опыта прошлого. В рамках данного подхода выделяются следующие шесть функций: гносеологической легитимизации, воспитательная, аксиологическая, прогностическая, нормативно-регулятивная и сохраняющая.

В *историко-трансмиссионном* подходе обнаруживается выход на смысловую единицу воспроизводства историко-культурного опыта поколений через две доминирующие трансмиссионную и интегрирующую функции.

Культурно-антропологический подход направлен на смысловое поле механизмов конструирования национальной идентичности, что отражается на функциональном свойстве национальной идентификации и достижении культурного суверенитета через явно проявляющуюся доминанту идентифицирующей функции.

Системно-социологический подход предусматривает соответственно смысловую единицу формирования социального конструкта памяти, направленную на конструирование социального целого и социальной солидарности. Это функции гносеологической легитимизации, нормативно-регулятивная, стабилизирующая, компенсаторная. Налицо явная полифункциональность проявлений историко-культурной памяти.

Герменевтико-семиотический подход, опираясь на смысловую единицу культурного кода, акцентирует функциональные свойства процесса культурного кодирования, что выводит на такие функции, как аксиологическая, знаково-семиотическая и трансмиссионная.

Следует полагать, что выделенные в структурной модели группы функций целиком и полностью отвечают методологическим подходам к понятию «историко-культурная память» и распределяются по блокам, образующим соответствующую структуру функциональных доминант.

Блок А. *Блок культурного опыта* аккумулирует пять функций (гносеологической легитимизации, воспитательную, аксиологическую, прогностическую, нормативно-регулятивную и сохраняющую), которые формируют пространство аккумулированных ценностных смыслов культуры, отвечающих воспитательно ориентированной стратегии деятельности, направленной на сохранение памяти культуры, регуляцию и прогнозирование дальнейшего прогрессивного развития общества.

Блок Б. (трансмиссионная и интегрирующая функции) представляет собой *естественную культурно-историческую коммуникацию*, отвечающую задачам передачи значимых культурных смыслов в формах живой памяти культуры.

Блок В. *Блок культурной идентичности* построен на одной функции (идентифицирующей) и целиком направлен на установление адекватного общественным стратегиям развития целостного состояния общества.

Блок Г. *Блок культурной устойчивости* группирует три функции: гносеологической легитимизации, нормативно-регулятивную, стабилизирующую и компенсаторную. Он направлен на достижение культурного равновесия через регулирование норм, стратегий развития, коррекцию неустойчивых состояний.

Блок Д. *Блок знаковой культурно-исторической коммуникации* строится на трех функциях: (аксиологической, знаково-семиотической и трансмиссионной). Он также направлен на передачу значимых культурных смыслов, но только в формах знаковой (оцифрованной) памяти культуры, имеющей также ценностно-смысловую значимость в обществе (Рис. 2).

Смысловые единицы подходов к культурно-исторической памяти позволили выделить в ходе их интеграции обобщённые смыслы каждого подхода, которые мы позиционируем как *концепты культурно-исторической памяти*: моральный климат памяти, социальный конструкт памяти, опыт поколений, мемориализация, воссоздание культуры, отражающие взаимодействие культуры прошлого и современности и соответствующие им *функции историко-культурной памяти*.

Смысловые единицы подходов к культурно-исторической памяти позволили выделить в ходе их интеграции обобщённые смыслы каждого подхода, которые мы позиционируем как *концепты культурно-исторической памяти*: моральный климат памяти, социальный конструкт памяти, опыт

поколений, мемориализация, воссоздание культуры, отражающие взаимодействие культуры прошлого и современности и соответствующие им *функции историко-культурной памяти*.

Рис. 2. Функциональные доминанты в структурной модели понятия «культурно-историческая память» в русле основных методологических подходов

Выводы В основе соотношения понятий, смежных с историко-культурной памятью лежит интеграция трех понятий: «культурная память», «историческая память» и «память культуры», смысловое поле которых сходится в опосредующем звене-фильтре – «культуре памяти» как значимому элементу концентрации идентичности. При этом функциональные свойства основных методологических подходов к понятию «историко-культурная память» (моральная ответственность за сохранение культурного опыта прошлого, передача историко-культурного опыта, национальная идентичность и своеобразие культурного суверенитета, культурное кодирование) основываются на смысловых единицах подходов к культурно-исторической памяти и соответствуют ее функциям.

На основании выше сказанного можно заключить, что системная интеграция смыслов, заключенных в различных научных подходах к понятию «культурно-историческая память» концептуально кристаллизует в ней состоявшийся опыт разных поколений, увековеченных в формах мемориализации, знаках и символах. Этот процесс требует неперенного воссоздания, оживления, «анимирования» культуры прошлого, которая непрерывно взаимодействует с современностью и представлениями о прошлом, постоянно находя истоки адекватного и истинного знания о культуре прошлого.

Функциональные доминанты понятия «историко-культурная память» отвечают смысловым единицам методологических подходов к нему и распределяются по пяти блокам функциональной структуры: блок культурного опыта, блок естественной культурно-исторической коммуникации, блок культурной идентичности, блок культурной устойчивости и блок знаковой культурно-исторической коммуникации.

Таким образом, историко-культурная память понимается нами как сфера общественного сознания, представляющая собой механизм обеспечения культурной преемственности и сохранения культурного единства и своеобразия посредством передачи последующим поколениям норм, ценностей, образов, символов и культурных смыслов. Историко-культурная память определяет приоритетные направления, формы способы культурной деятельности, стандарты поведения и оценки культурно-исторических феноменов. Историко-культурная память направлена на формирование культурной идентичности, тем самым помогая осмысливать и понимать события прошлого, делая актуальными (легитимизируя) культурные и исторические явления в коллективном и индивидуальном сознании людей для выработки стратегий успешного развития в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Акимов, А. А.* Историческая память как фактор консолидации российского общества / *Акимов А. А., Гамзаева Г. Ш., Казакбиева О. И.* // История. Культурология. Политология. – 2023. – № 1. – С. 1-8.
- [2] *Аликин, П. С., Мухина, А. Л.* К проблеме соотношения «культурной» и «исторической» памяти // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2017. – № 1. – С. 154-158.
- [3] *Андреев, Д. П.* Основные тенденции и темы понимания прогностической функции исторического сознания // Известия АлтГУ. – 2015. – № 3(87). – С. 157-159.
- [4] *Андреева, Е. В.* Культурное наследие как ядро культурной памяти и его роль в сохранение духовной целостности Российской цивилизации: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Москва, 2007. – 26 с.
- [5] *Аникин, Д. А.* Стратегии исторической памяти и легитимизация революционных процессов // Электронный архив УРФУ : сайт. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/42292/1/978-5-7996-1865-0_2016_03.pdf (дата обращения: 12.02.2026).
- [6] *Ассман, А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва : Новое лит. обозрение, 2014. – 328 с.
- [7] *Ассман, Я.* Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. – Москва : Языки славян. культуры. 2004. – 355 с.
- [8] *Барз, М. А.* Эпохи и идеи: становление историзма. – Москва : Мысль, 1987. – 348 с.
- [9] *Бубнов, А. Ю.* Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4. – С. 3-11.
- [10] *Выготский, Л. С.* Собрание сочинений : В 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики. – Москва : Педагогика, 1983. – 368 с.
- [11] *Гончарова, А. В.* Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2022. – № 1. – С. 134-141.
- [12] *Гулыга, А. В.* Память народа // *Гулыга, А. В.* Искусство истории. – Москва : Современник, 1980. – С. 85-125.
- [13] *Дорская, А. А.* Роль исторической памяти в системе ценностей современного мирового сообщества: правовое измерение // Площадь Лихачева : сайт. URL: <https://www.lihachev.ru/chten/2019/sec3/a-a-dorskaya-2019-2018> (дата обращения: 12.02.2026).
- [14] *Дюркгейм, Э., Мосс, М.* О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // *Мосс, М.* Общества. Обмен. Личность : Труды по социальной антропологии. – Москва : Восточ. л-ра., 1996. – С. 6-73.
- [15] Живое наследие памяти: историко-культурное наследие сословий России : кол. монография / сост., науч. ред. Д.Я. Романова. – Москва : Ин-т Наследия, 2024. – 402 с. DOI 10.34685/NI.2024.77.58.006.
- [16] *Золян, С. Т.* О модальной семантике и семиотических инструментах построения исторической памяти // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2022. – № 4, ч. 3. – С. 365-377.
- [17] *Ильин, Н. П.* Философские проблемы культурно-исторической памяти (часть 1) // Культурологический журнал. – 2017. – № 3(29). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/414.html&j_id=32 (дата обращения: 29.01.2026). – Текст : электронный.
- [18] *Ищенко, Н. С.* Культурная политика в социокультурной научной коммуникации // Текст и коммуникация в пространстве культуры : материалы I Междис. науч. конф. с междунар. участием. – Симферополь, 2018. – С. 56-59.
- [19] *Корнющенко-Ермолаева, Н. С.* Особенности смысловой трансляции коллективной исторической памяти / Н.С. Корнющенко-Ермолаева // Tempus et Memoria. – 2022. – Т. 3, № 2. – С. 30-36. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/120260>. (дата обращения: 29.01.2026). – Текст: электронный.

- [20] *Лебедева, Г. В.* Память и забвение как феномены культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Екатеринбург, 2006. – 28 с.
- [21] *Левада, Ю. А.* Историческое сознание и научный метод / Ю. А. Левада // *Философские проблемы исторической науки.* – Москва, 1984. – С. 191-193.
- [22] *Лихачев, Д. С.* О памяти // *Лихачев, Д. С.* Раздумья. – Москва, 1992. – 245 с.
- [23] *Лотман, Ю. М.* Семиосфера. Культура и взрыв. – Москва : Гнозис. 1992. – С. 152.
- [24] Методологические вопросы изучения политики памяти : Сб. науч. тр. / Отв. ред.: Миллер А. И., Ефременко Д. В. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. – 224 с.
- [25] *Релина, Л. П.* События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // *Новое прошлое / The New Past.* – 2016. – № 1. – С. 82-99.
- [26] *Релина, Л. П.* Культурная память и проблемы историописания : историографические заметки. – Москва : ГУ ВШЭ, 2003. – С. 12.
- [27] *Сорокин, П. А.* Социальная и культурная динамика / Пер. с англ. В.В. Сапова. – Москва : Акад. проект, 2020. – 988 с.
- [28] *Стрелецкий, В. Н.* Места памяти в историко-географическом нарративе (на материалах стран востока балтийского региона) // *Псковский регионологический журнал.* – 2021. – № 4(48). – С. 57-72.
- [29] *Тишков, В. А., Шабеев, Ю. П.* Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // *Известия Коми НЦ УрО РАН.* – 2019. – № 4(40). – С. 62-71.
- [30] *Тощенко, Ж. Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // *Новая и новейшая история.* – 2000. – № 4. – С. 56-59.
- [31] *Флиер, А. Я.* Культурные процессы в социальном и историческом масштабах // *Культура культуры.* – 2016. – № 1. – С. 45-52.
- [32] *Хальбвакс, М.* Социальные рамки памяти. – Москва, 2007 – 356 с.
- [33] *Хаттон, П. Х.* История как искусство памяти. – Москва : 1993. – 456 с.
- [34] *Шевцов, К. П.* Основные парадигмы концептуализации памяти в философии: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01. – Санкт-Петербург, 2016. – 44 с.
- [35] *Шуб, М. Л.* Функции культурной памяти // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств.* – 2016. – № 4(48). – С. 71-76.
- [36] *Эксле, О. Г.* Культурная память под воздействием историзма // *Одиссей: Человек в истории.* 2001. – Москва : Наука, 2001. – С. 179-180.
- [37] *Nora, P.* Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // *Representations.* –1989. – vol. 26. – P. 7-25.
- [38] *Hobsbawm, E. J.* On history. – London : Weidenfield and Nicolson, 1997.
- [39] *Huyssen, A.* Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory / A. Huyssen. – Stanford : Stanford University Press, 2003. –186 p.
- [40] *Sturken, M.* Absent Images of Memory: Remembering and Reenacting the Japanese Internment // *The Asia-Pacific War(s)* / Ed. by T. Fujitani, Geoffrey M. White, Lisa Yoneyama. - Durham, London : Duke University Press, 2001. - P. 33-49.
- [41] *Schwartz, B.* The recovery of Masada: A study in collective memory / B. Schwartz, Y. Zerubavel, B. M. Barnett // *Sociological quarterly.* – 1986. – vol. 27, № 2. – P. 147–164.

**FUNCTIONAL DOMINANTS OF THE STRUCTURAL MODEL
OF THE CONCEPT OF "CULTURAL-HISTORICAL MEMORY"
ALONG THE LINES OF BASIC METHODOLOGICAL APPROACHES**

Gorelova Julia Robertovna,
PhD in History, Associate professor,
Academic secretary, Siberian Branch of the Likhachev Russian
Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Omsk)

Khilko Nikolay Fedorovich,
D. in Pedagogics, Full professor,

Abstract. The article analyzes the problem of the functional properties of the concept of "historical and cultural memory." The main approaches to the concept of "historical and cultural memory" are considered: philosophical-ethical, historical-transmission, cultural-anthropological, systemic-sociological and hermeneutic-semiotic approaches. The novelty of the methodological approaches proposed by the authors to the declared concept is the establishment of a relationship with related concepts. The concepts of cultural and historical memory are highlighted: the moral climate of memory, the social construct of memory, the experience of generations, memorialization, and the reconstruction of culture. As a result, it is concluded that the semantic field of methodological approaches converges in the mediating filter link - the "culture of memory" as a significant element of identity concentration. Based on the semantic units of methodological approaches, the functional properties of the concept of "historical and cultural memory" are determined: moral responsibility for preserving the cultural experience of the past, transferring historical and cultural experience, national identity and originality of cultural sovereignty, constructing a space of social solidarity, cultural coding. Groups of functions identified in the structural model fully correspond to methodological approaches to the concept of "historical and cultural memory" and are distributed in blocks that form the corresponding structure of functional dominants: blocks of cultural experience, natural historical and cultural communication, cultural identity, cultural stability, iconic historical and cultural memorial communication.

Key words: functional-structural model, historical-cultural memory, historical memory, cultural memory, philosophical-ethical, historical-transmission, cultural-anthropological, system-sociological, hermeneutic-semiotic approaches.

REFERENCES

1. Akimova A.A., Gamzaeva G. SH., Kazakbieva O.I. Istoricheskaya pamyat' kak faktor konsolidatsii rossijskogo obshchestva [Historical memory as a factor in the consolidation of Russian society], *Istoriya. Kul'turologiya. Politologiya*, 2023, no. 1, pp. 1-8.
2. Alikin, P.S., Muhina A.L. K probleme sootnosheniya "kul'turnoj" i "istoricheskoy" pamyati [On the problem of the relationship between "cultural" and "historical" memory], *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki: teoriya i praktika*, 2017, no. 1, pp. 154-158.
3. Andreev D.P. Osnovnye tendentsii i temy ponimaniya prognosticheskoy funktsii istoricheskogo soznaniya [The main trends and themes in understanding the prognostic function of historical consciousness], *Izvestiya AltGU*, 2015, no. 3 (87), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-i-temy-ponimaniya-prognosticheskoy-funktsii-istoricheskogo-soznaniya> (accessed: 12.02.2026).
4. Andreeva E.V. *Kul'turnoe nasledie kak yadro kul'turnoj pamyati i ego rol' v sohranenie duhovnoj celostnosti Rossijskoj civilizatsii* [Cultural heritage as the core of cultural memory and its role in preserving the spiritual integrity of Russian civilization]: autoabstr. of cand. filosof. sc. thesis, Moscow, 2007, 26 p.
5. Anikin D.A. *Strategii istoricheskoy pamyati i legitimizatsiya revolyucionnykh processov* [Strategies of historical memory and the legitimization of revolutionary processes], 2016, available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/42292/1/978-5-7996-1865-0_2016_03.pdf (accessed: 12.02.2026).
6. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics], Moscow, Novoe lit. obozrenie, 2014, 328 p.
7. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in Ancient High Cultures], Moscow, Yazyki slavyan. kul'tury, 2004, 355 p.
8. Barg M.A. *Epohi i idei: stanovlenie istorizma* [Epochs and Ideas: The Formation of Historicism], Moscow, Mysl', 1987, 348 p.
9. Bubnov A.Yu. Istoricheskaya politika i bor'ba interpretatsiy kollektivnogo proshlogo v publichnoy sfere [Historical politics and the struggle of interpretations of the collective past in the public sphere], *Izvestiya TuGU. Gumanitarnyye nauki*, 2017, no. 4, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-politika-i-borba-interpretatsiy-kollektivnogo-proshlogo-v-publichnoy-sfere> (accessed: 03.01.2026).
10. Dorskaya A.A. Rol' istoricheskoy pamyati v sisteme cennostey sovremennogo mirovogo soobshchestva: pravovoe izmerenie [The role of historical memory in the value system of the modern world community: the legal dimension], *Likhachevskie chteniya. Ploshchad' Likhacheva*, available at: <https://www.lihachev.ru/chten/2019/sec3/a-a-dorskaya-2019-2018> (accessed: 12.02.2026).

11. Dyurkgejm E., Moss M. *O nekotoryh pervobytnykh formah klassifikatsii. K issledovaniyu kollektivnykh predstavlenij* [On some primitive forms of classification. Towards a study of collective representations], Moss M. (ed.) *Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po social'noj antropologii* [Societies. Exchange. Individuals: Works in Social Anthropology], Moscow, Vostochnyye knigi, 1996, pp. 6-73.
12. Eksle O.G. Kul'turnaya pamyat' pod vozdeystviem istorizm [Cultural memory under the influence of historicism], *Odissey: Chelovek v istorii*. 2001, Moscow, Nauka, 2001, pp. 179-180.
13. Flier A.Ya. Kul'turnye processy v social'nom i istoricheskom masshtabah [Cultural processes on a social and historical scale], *Kul'tura kul'tury*, 2016, no. 1, pp. 45-52.
14. Goncharova A.V. Istoriko-kul'turnaya pamyat' kak uslovie sohraneniya nacional'noj identichnosti [Historical and cultural memory as a condition for preserving national identity], *Nauchnyy rezultat. Social'nye i gumanitarnye issledovaniya*, 2022, no. 1, pp. 134-141.
15. Gulyga A.V. *Iskusstvo istorii* [The art of history], Moscow, Sovremennik, 1980, 288 p.
16. Hal'bvaks M. *Social'nye ramki pamyati* [Social frameworks of memory], Moscow, 2007, 356 p.
17. Hatton P.H. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an art of memory], Moscow, 1993, 456 p.
18. Hobsbawm E.J. *On history*, London, Weidenfeld and Nicolson, 1997.
19. Huyssen A. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*, Stanford, Stanford University Press, 2003, 186 p.
20. Il'in N.P. Filosofskie problemy kul'turno-istoricheskoy pamyati (chast' 1) [Philosophical Problems of Cultural and Historical Memory (Part 1)], *Journal of Cultural Research*, 2017, no. 3(29), available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/414.html&j_id=32 (accessed: 29.01.2026).
21. Ishchenko N.S. *Kul'turnaya politika v sociokul'turnoj nauchnoj kommunikatsii* [Cultural policy in socio-cultural scientific communication], *Tekst i kommunikatsiya v prostranstve kul'tury* [Text and communication in the cultural space]: conference papers, Simferopol', 2018, pp. 56-59.
22. Korniyushchenko-Ermolaeva N.S. Osobennosti smyslovoj translyatsii kollektivnoy istoricheskoy pamyati [Features of the semantic transmission of collective historical memory], *Tempus et Memoria*, 2022, no. 3, vol. 2, pp. 30-36.
23. Lebedeva G.V. *Pamyat' i zabvenie kak fenomeny kul'tury* [Memory and oblivion as cultural phenomena]: autoabstr. of cand. filosof. sc. thesis, Ekaterinburg, 2006, 28 p.
24. Levada Yu.A. Istoricheskoe soznaniye i nauchnyy metod [Historical consciousness and scientific method], *Filosofskie problemy istoricheskoy nauk*, Moscow, 1984, pp. 191-193.
25. Lihachev D.S. *Razdum'ya* [Thoughts], Moscow, 1992, 245 p.
26. Lotman Yu.M. *Semiosfera. Kul'tura i vzryv* [Semiosphere: Culture and Explosion], Moscow, Gnozis, 1992, 152 p.
27. Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.) *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr.* [Methodological issues in studying the politics of memory: Collection of scientific papers], Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018, 224 p.
28. Nora, P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire, *Representations*, 1989, vol. 26, pp. 7-25.
29. Repina L.P. Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriipisaniya (istoriograficheskie zametki) [Cultural memory and problems of historical writing (historiographic notes)], Moscow, GU VSHE, 2003, 44 p.
30. Repina L.P. Sobytiya i obrazy proshlogo v istoricheskoy i kul'turnoy pamyati [Events and images of the past in historical and cultural memory], *Novoye proshloye/The New Past*, 2016, no. 1, pp. 82-99.
31. Schwartz, B., Zerubavel Y., Barnett B. M. The recovery of Masada: A study in collective memory, *Sociological quarterly*, 1986, vol. 27, no. 2, pp. 147-164.
32. Shevcov K.P. Osnovnye paradigmy konceptualizatsii pamyati v filosofii [The main paradigms of conceptualization of memory in philosophy]: autoabstr. of cand. philos. sc. thesis, Saint Petersburg, 2016, 44 p.
33. Shub M.L. Funkcii kul'turnoy pamyati [Functions of cultural memory], *Vestnik CHGAKI*, 2016, no. 4(48), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-kulturnoy-pamyati> (accessed: 30.01.2026).
34. Sorokin P.A. *Social'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics], Moscow, Akad. proekt, 2020, 988 p.
35. Streleckiy V.N. Mesta pamyati v istoriko-geograficheskom narrative (na materialah stran vostoka baltiyskogo regiona) [Places of Memory in the Historical and Geographical Narrative (based on materials from the countries of the Eastern Baltic region)], *Pskovskiy regionologicheskij zhurnal*, 2021, no. 4(48), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesta-pamyati-v-istoriko-geograficheskom-narrative-na-materialah-stran-vostoka-baltiyskogo-regiona> (accessed: 04.01.2026).

36. Sturken M. *Absent Images of Memory: Remembering and Reenacting the Japanese Internment*, Fujitani T., White G. M., Yoneyama L. (eds.) *The Asia-Pacific War(s)*, Durham, London, Duke University Press, 2001, pp. 33-49.
37. Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. Istoricheskaya pamyat': formy sohraneniya, konstruirovaniya i prezentatsii [Historical memory: forms of preservation, construction and presentation], *Izvestiya Komi NC UrO RAN*, 2019, no. 4(40), pp. 62-71, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-formy-sohraneniya-konstruirovaniya-i-prezentatsii> (accessed: 11.02.2026).
38. Toshchenko Zh.T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennogo sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state], *Novaya i novejshaya istoriya*, 2000, no. 4, pp. 56-59.
39. Vygotskij L.S. *Sobranie sochinenij* [Collected Works], vol. 3: Problemy razvitiya psihiki. Moscow, Pedagogika, 1983, 368 p.
40. Romanova D.Ya. (ed.) *Zhivoe nasledie pamyati: istoriko-kul'turnoe nasledie soslovij Rossii* [A Living Heritage of Memory: The Historical and Cultural Heritage of the Russian Estates], Moscow, In-t Naslediya, 2024, 402 p., DOI 10.34685/HI.2024.77.58.006.
41. Zolyan S.T. O modal'noj semantike i semioticheskikh instrumentah postroeniya istoricheskoy pamyati [On modal semantics and semiotic tools for constructing historical memory], *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, 2022, no. 4, ch. 3, pp. 365-377.

© Горелова Ю.Р., Хилько Н.Ф., текст, 2026
Статья поступила в редакцию 25.06.2026.

Ссылка для цитирования:

Горелова, Ю. Р., Хилько, Н. Ф. Функциональные доминанты структурной модели понятия «культурно-историческая память» в русле основных методологических подходов. – DOI 10.34685/HI.2026.72.66.009 // Культурологический журнал. – 2026. – № 3(65). – С. 11-26. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/763.html&j_id=69. – Текст : электронный.

**СЕМИОТИКА ГЕРОЯ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ**

DOI 10.34685/HI.2026.16.64.010

Невзоров Сергей Геннадьевич,

кандидат исторических наук, доцент,
Военный учебный центр при Оренбургском
государственном университете (Оренбург)
Email: sg-nevzorov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается семиотика героя в современной массовой культуре как динамическая система знаков, соединяющая мифологические архетипы, национальные идеологемы и коммерческие стратегии. Анализ опирается на классическую и социальную семиотику, а также на архетипический подход, позволяющий описать героя как миф, бренд и коммуникативную практику одновременно. Особое внимание уделяется трансформациям героического архетипа в кино, комиксах, сериалах и цифровых медиа, включая фигуры военного героя, супергероя, антигероя и «иконы-злодея». Показано, что современный герой всё чаще конструируется как гибридный и морально амбивалентный образ, в котором пересекаются индивидуализм, коллективная ответственность и протестная риторика. Делается вывод, что фигура героя служит ключевым механизмом символического конструирования идентичности и моральных норм, а также полем борьбы за интерпретацию ценностей в условиях медиатизации и политической поляризации.

Ключевые слова: герой, семиотика, массовая культура, миф, архетип, антигерой, супергерой, национальная идентичность, идеологема, медиа.

Фигура героя в массовой культуре выступает одной из центральных семиотических конструкций современного общества, связывая индивидуальные идентичности с коллективными мифами и идеологиями. Через образ героя массовая культура кодирует представления о норме и девиации, успехе и неудаче, «своём» и «чужом», предлагая аудитории набор готовых сценариев самоинтерпретации и социального поведения. В условиях медиатизации и платформенного капитализма, где главным ресурсом становятся информационные продукты, герой становится не столько персонажем, сколько многоуровневым знаком, циркулирующим между кино, сериалами, рекламой, играми и социальными сетями.

Семиотика героя в массовой культуре представляет собой сложный узел взаимодействия классических мифологических архетипов, национальных метанарративов и коммерческих стратегий брендов [1]. Сегодня символ является определенным семантическим образованием, который покрывает предметные области нескольких научных дисциплин, вне пределов какой-либо частной научной области знания или теории [3, с. 11]. Всё это требует тщательного анализа символических значений героя, считываемых аудиторией и используемых в практиках культурного производства.

Цель статьи — теоретически и аналитически описать семиотику героя в современной массовой культуре, выделив основные типы героических кодов и механизмы их интерпретации.

Задачи исследования включают: систематизацию теоретических подходов к герою как знаку; описание современных трансформаций героического архетипа в массовых медиа; анализ символических оппозиций и ценностных матриц, структурирующих образ героя и антигероя; обсуждение национальных и глобальных контекстов (в том числе российских) интерпретации героя.

Методологически работа опирается на классическую и социальную семиотику [1; 5; 11; 22], теорию мифологии и архетипов [4; 10; 19], а также исследования массовой культуры, науки, маркетинга и медиа [15; 20].

В классической семиотике герой может быть описан как сложный синтагматический и парадигматический комплекс знаков, объединённых в устойчивый нарративный паттерн. В терминах Р. Барта миф — это вторичная семиологическая система, в которой уже готовые знаки повседневности становятся означаемыми для новых идеологических смыслов [1]. Герой, таким образом, — это не просто персонаж, но конденсация мифа о желательных социальных качествах, исторической миссии и допустимых формах насилия.

Ю. М. Лотман рассматривал героя как отдельного индивида, ключевое действующее лицо истории, чья саморефлексия и непредсказуемость дают культуре преимущество в развитии [11]. В работах московско-тартуской школы акцентируется бинарность культурного пространства: герой оказывается медиатором между «центром» и «периферией», «своими» и «чужими», «культурным» и «антикультурным». Эта бинарность активно эксплуатируется массовой культурой, которая превращает конфликт героя и антигероя в повторяющийся сюжетный шаблон [7].

Социальная семиотика смещает фокус со структуры знака на процессы производства и интерпретации смысла, подчёркивая включённость субъекта и его ценностей, предполагая выход за рамки традиционного ограничения семиотики [22]. Семиотический анализ социальных и культурных практик должен учитывать не только текст и код, но и коммуникативную ситуацию, институциональный контекст, национально-культурную специфику, а также позицию интерпретатора [2]. В этом подходе герой будет являться элементом коммуникативной практики, через который общество обсуждает вопросы ответственности, насилия, солидарности и идентичности.

Работы по социальной семиотике медийных событий демонстрируют, что фигура героя часто распределяется между коллективными акторами — протестующими, волонтерами, «обычными людьми», выходящими за пределы частного. Это смещает акцент от «уникального» героя к модели «коллективного героизма» и расширяет спектр символических значений героического [12].

Исследования архетипов в массовой культуре и маркетинге показывают устойчивость героического архетипа и его адаптацию к логике брендов и потребления [20]. В работах по теории брендинга и рекламы герой рассматривается как архетипический сценарий, который позволяет потребителю проживать миф о самопреодолении и достижении идеализированного «я». «Армейский герой» в современной рекламе — пример «архетипического смешения», когда классический герой-воин соединяется с мотивами заботы, коллективной ответственности, инклюзивности и гендерного разнообразия [18].

Таким образом, теоретические основания семиотики героя объединяют классическую концепцию мифа, социально-семиотический акцент на практике интерпретации и архетипический анализ, работающий на стыке психологии, культурологии и маркетинга.

Кино остаётся одной из ключевых сфер производства героических образов в массовой культуре, несмотря на конкуренцию сериалов и игр. Исследования современного голливудского кино фиксируют устойчивость архетипа героя, который проходит путь испытаний, трансформации и триумфа, но при этом обрывает культурно специфическими кодами — от милитаристских до технофутуристических [10].

Компаративные работы по культурным архетипам в голливудском и китайском кино показывают, что герой в этих индустриях одновременно воспроизводит универсальные мотивы (борьба, жертва, спасение) и обслуживает разные национальные идеологии и геополитические притязания [8]. В голливудских супергеройских франшизах акцент сделан на индивидуализированном спасителе, чья личная драма легитимизирует его право на исключительное насилие. В китайских блокбастерах всё чаще появляется мотив коллективного героизма, где личность растворяется в образе нации или партии.

Российские исследования семиотики героя в национальном кино отмечают смещение от «положительного героя» советской традиции к амбивалентным, травмированным и часто маргинальным персонажам, сочетающим героизм и вину, прагматизм и патриотизм. Это отражает

состояние общественного сознания, в котором героическое проблематизируется на фоне исторических разломов и политических конфликтов [14, с. 256–260].

Комикс как медиаформат оказался ключевой лабораторией для конструирования современных героев и супергероев. Работы о «национальном герое» в массовой культуре подчёркивают, что супергеройский образ функционирует как поле борьбы между национализмом, глобализмом и коммерческими интересами медиаиндустрий. В западной традиции национальные супергерои сочетают знаки национальной символики с универсалистскими ценностями, позволяющими экспортировать образ на глобальные рынки [20].

Семантика «героя» и «злодея» в супергеройских комиксах и их экранизациях всё чаще оказывается нестабильной: антигерои, морально амбивалентные персонажи и «злодеи с мотивацией» становятся центральными фигурами культурных дискуссий. Это распространяется и на российский контекст, где западные супергерои и локальные «народные» персонажи вступают в диалог и конфликт, транслируя конкурирующие модели идентичности [16].

Сериалы и потоковые платформы сформировали особый тип героического ансамбля, где традиционный «главный герой» уступает место распределённой системе персонажей, каждый из которых несёт часть героической функции. Социальная семиотика таких текстов показывает, что коллективный герой позволяет репрезентировать сложные социальные конфликты, избегая однозначной морализаторской позиции [6].

В нарративах о войне, катастрофах, пандемиях и технологических рисках герой всё чаще выступает как «обычный человек», принимающий локальные решения в ситуации глобальной угрозы. Это соответствует повороту к «ответственной технологии» и «ответственному гражданству», где героическое — это готовность взять на себя ответственность, а не обладание сверхспособностями.

Образ военного героя традиционно ассоциирован с маскулинной моделью героизма: храбрость, готовность к жертве, дисциплина, физическая сила. Современные исследования героизма в военном образовании и медиа-нарративах подчёркивают, что этот образ переживает кризис, столкнувшись с изменением гендерных норм, пацифистскими настроениями и критикой милитаризма.

Дискурс-мифологический анализ «армейского героя» в современной рекламе показывает, что героическое теперь конструируется как гибрид индивидуальной и коллективной ответственности, где герой является не только воином, но и членом семьи, гражданином, коллегой. Реклама «расщепляет» маскулинность, демонстрируя разные типы мужского героизма, включая уязвимость, заботу и эмоциональную открытость. При этом часть образов сохраняет традиционную связку героизма и насилия, воспроизводя патриархальные иерархии [21].

В массовой культуре последних лет необходимо указать одну общую характеристику: это тот факт, что она сложилась в процессе индустриализации и урбанизации общества, являясь культурой позднего индустриального социума, придя на смену традиционным культурам и культурам элит. [9, с. 19].

Исследования визуальных кодов в графических нарративах и комиксах указывают, что одежда и атрибуты женских персонажей функционируют как центральные семиотические маркеры, позволяющие одновременно артикулировать силу, агентность и принадлежность к феминности. Это подрывает прежнее противопоставление «мужского» героизма и «женской» декоративности, хотя коммерческая индустрия часто переосмысляет феминистские символы в маркетинговых целях.

Особое место в семиотике массовой культуры занимают антигерой и злодей, чья символика нередко оказывается более притягательной для аудитории, чем образ «правильного» героя. Исследования коммуникативного поведения и медийного образа «икон-злодеев» демонстрируют, что такие персонажи выступают не просто носителями девиации, а фигурами, которые артикулируют социальные фрустрации, ощущение несправедливости и отчуждения [2].

Коммуникативные паттерны злодея — ирония, цинизм, демонстративное нарушение норм — превращаются в ресурсы идентификации для части молодёжной аудитории. В результате граница

между героем и антигероем в массовой культуре размывается: героическое всё чаще ассоциируется не с послушанием нормам, а с радикальным жестом против системы, что может быть интерпретировано как критический потенциал, но и как легитимация разрушительного поведения [17].

На уровне структурного анализа герой в массовой культуре задаётся через сеть оппозиций: герой/злодей, свой/чужой, порядок/хаос, жертва/агрессор. Эти бинарности, описанные в классической семиотике и структурной антропологии, в массовой культуре часто упрощаются, но именно благодаря этому становятся пригодными для быстрого считывания и коммерческого использования [1].

Современные исследования подчёркивают, что бинарные оппозиции перестают быть жёсткими: герой может нарушать закон, а злодей иметь рациональную и этически мотивированную позицию. В рекламных и кинотекстах это реализуется через приёмы «архетипического смешения», через совмещения героического и трюкстерского, жертвенного и нарциссического начал в одном образе [16].

Герой культуры, как правило, представлен в описывающем его жизнь и поступки тексте или группе текстов. Причем сам по себе «герой культуры» часто является лишь образцом ожидаемого поведения определенного известного персонажа [13, с. 300].

В глобализированной медиа-среде эти национальные идеологемы вступают в диалог и конфликт с транснациональными архетипами, продуцируемыми голливудской и другой массовой индустрией. Герой может оказываться одновременно носителем локальной идентичности и участником универсального мифа о свободе, справедливости или технологическом прогрессе. Такая многослойность усложняет интерпретацию символических значений героя, особенно в условиях политической поляризации.

К особым признакам символа, как обязательным, так и дополнительным относят такие понятия как: «векторность» — определенная направленность символизации; «запредельность» — выход за границы личного бытия; размытость семантических границ, многогранность; необходимость энергичной работы мысли и воображения; закодированность скрытого смысла; интуитивность; мобилизующая сила; идеологичность. К факультативным свойствам символа относят эстетическую привлекательность; социально-культурную значимость и характерную для архаических символов — архетипичность [3, с. 11].

Лингвистические исследования языка и культуры отмечают, что в интернет-дискурсе формируются новые устойчивые выражения и идеологемы, связанные с героическим и антигероическим — от иронических прозвищ до сложных смысловых конструкций [5]. Это указывает на постоянную «работу» языка по переработке героических кодов, их демократизации и пародийной критике.

Современные исследования военного героизма подчёркивают его центральную роль в национальных нарративах и системах воспитания. Герой-солдат, герой-офицер, герой-ветеран становятся фигурой для моделирования маскулинности, гражданской ответственности и жертвенности. Однако в медиа-культуре этот образ амбивалентен: с одной стороны, он репрезентируется как носитель высших ценностей, с другой — подвергается критике и деконструкции в антивоенных нарративах [21].

Дискурс-мифологический анализ медиа-представлений военных героев показывает, что в современных текстах происходит смещение акцента с безупречного героизма к человеческой уязвимости, психологическим травмам, моральным дилеммам. Это расширяет диапазон интерпретаций героя, превращая его в площадку обсуждения этики войны, посттравматического опыта и гражданской ответственности.

Супергеройский жанр в кино и комиксах представляет собой наиболее коммерчески успешную форму современного героического мифа. Компаративные исследования показывают, что супергерои воплощают универсальные архетипы (воин, спаситель, мессия), но интерпретируются через локальные культурные коды и политические контексты. В голливудской традиции супергерой часто оказывается носителем либерального индивидуализма, технооптимизма и веры в прогресс.

Семиотический анализ образов супергероев выявляет устойчивый набор визуальных маркеров: эмблемы, костюмы, цветовые схемы, которые легко тиражируются и превращаются в бренды. Визуальные исследования подчёркивают, что одежда и атрибуты супергероя выполняют не только декоративную, но и семиотическую функцию, кодируя принадлежность к определённой идеологии, группе или ценностному полю [16].

Феномен ценностно-смыслового содержания массовой культуры заключается в преобладании индивидуальных гедонистических и материальных ценностей, при этом сама по себе массовая культура зачастую стремится к упрощению своей продукции вплоть до гламуризации зла и насилия. Исследование коммуникативного поведения злодейского персонажа и его влияния на деструктивное поведение молодёжи показывает, что медийный образ может способствовать легитимации агрессии, цинизма и социального нигилизма [2].

При этом привлекательность таких персонажей связана не только с эстетизацией насилия, но и с артикуляцией глубинного чувства несправедливости, отчуждения и кризиса доверия к институтам. Семиотически злодей оказывается фигурой, которая «говорит правду» о системе, но предлагает деструктивный путь её преодоления. Для массовой культуры это создаёт напряжение между коммерческой выгодой и социальной ответственностью [17].

* * *

Исследования лингвокультуры и идеологием показывают, что сближение архаического и современного массового способов рассматривать общую картину мира в частичном приравнивании функций «культурного героя» и «героя культуры» [13, с. 302]. Лингвокультурологический анализ выражений типа «герой нашего времени», «народный герой», «герой-одиночка» выявляет сложную сеть ассоциаций, где героическое то противопоставляется массовому, то растворяется в «народности».

Филологические и культурологические работы подчёркивают, что российская традиция часто связывает героизм с трагизмом и невостребованностью: герой может быть не признан современниками, но обрести «посмертное» признание в культурной памяти. Это отражается и в современном массовом кино, где феномен экранного героя рождается на стыке тысячелетнего канона репрезентации исторического образа культурного героя и новейших специфических выразительных средств экрана [14, с. 262].

Исследования современных тенденций российского кино указывают на сосуществование патриотических и критических нарративов героизма. С одной стороны, развивается линия героев-защитников, укоренённых в историческом или военном контексте, где героизм связан с защитой Родины и коллективной памяти. С другой — усиливается присутствие героев, критически настроенных к институтам власти и общества, чьи действия проблематизируют саму возможность героизма в условиях системного кризиса.

Семиотика героя в массовой культуре представляет собой динамичное поле, где пересекаются мифологические архетипы, национальные идеологемы, коммерческие стратегии и индивидуальные практики интерпретации. Герой оказывается не фиксированной фигурой, а подвижной конфигурацией знаков, чьи значения определяются контекстом медиа-производства, политической конъюнктурой и языковыми практиками аудитории.

Современная массовая культура, функционирующая по принципу коммерциализации культуры, зачастую превращая ценности в стандартизированные продукты, демонстрирует тенденцию к гибридизации героического: военный герой соединяется с гражданским активистом, супергерой — с травмированным антигероем, «национальный герой» — с глобальным брендом. Это расширяет диапазон возможных идентификаций, но одновременно усложняет этическую оценку героизма и повышает риск нормализации насилия и цинизма через привлекательные образы антигероев.

Для культурологии ключевым становится анализ не только содержания героических образов, но и их циркуляции: как героические коды транслируются через медиа, образование, маркетинг, как они переосмысливаются в мемах, фанатских практиках и повседневном языке. Именно на этом уровне

можно увидеть, какие формы героизма становятся нормативными, какие — маргинализируются и как через фигуру героя общество договаривается о допустимых формах ответственности, сопротивления и солидарности.

Таким образом, проведённый анализ семиотики героя в массовой культуре, рассматриваемый как носитель символических значений, открывает путь к более глубокому осмыслению процессов порождения смыслов, коммуникации и воздействия культурных явлений в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с.
- [2] *Буряковская, В. А.* Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. — Волгоград, 2015. — 43 с.
- [3] *Воркачев, С. Г.* Семиотика символа по данным российского научного дискурса // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2021. — Т. 7, № 3. — С. 3–14.
- [4] *Дюран, Ж.* Уникальная Россия : пер. с фр. — Москва : Culture & Cooperation : Центр междунар. культур. связей и иностр. яз., 2006. — 202 с.
- [5] *Заботкина, В. И.* В четырёхмерном пространстве языка и культуры // Критика и семиотика. — 2021. — № 1. — С. 94–106.
- [6] *Зайцева, С. А.* Жанр телевизионного сериала как культурный текст: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. — Москва, 2001. — С. 102–115.
- [7] *Иванова, Е. В.* Мифологическое смыслообразование: образ культурного героя: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. — Екатеринбург, 2005. — С. 14–15.
- [8] *Караваев, Д. Л.* Феномен «китайского взлёта» в мировом кинематографе 80-х — 90-х годов (1984–1996): автореф. дис. ... канд. искусствовед.: 17.00.03. — Москва, 1997. — С. 19–21.
- [9] *Королев, К. М.* Поиски национальной идентичности в советской и постсоветской массовой культуре: славянский метасюжет в отечественном культурном пространстве. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — 376 с.
- [10] *Кэмпбелл, Дж.* Тысячеликий герой : пер. с англ. О. Ю. Чекчурина. — Санкт-Петербург : Питер, 2021. — 536 с.
- [11] *Лотман, Ю. М.* Семиосфера. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. — 704 с.
- [12] *Луговая, Ю. А.* Семиотика медийного текста в культурфилософском измерении: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. — Москва, 2013. — 148 с.
- [13] *Найдорф, М. И.* «Герой культуры» в картине мира: к теории культурологического исследования // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2013. — Т. 14, № 4. — С. 293–304.
- [14] *Петрова, А. П.* Культурный герой и экранный герой: сущностные характеристики образа // Художественная культура. — 2021. — № 1(36). — С. 244–264.
- [15] *Пирсон, К.* Наука и обязанности гражданина : пер. К. А. Тимирязева / 2-е изд. — Москва : Лит.-изд. отд. Нар. ком. по просвещению, 1918. — 64 с.
- [16] *Самойлова, В. Е.* Трансформация образа трикстера в современной массовой культуре : на материале комиксов о супергероях : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.14. — Санкт-Петербург, 2013. — 27 с.
- [17] *Соколов, Е. Г.* Аналитика массовой культуры: дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01. — Санкт-Петербург, 2002. — 321 с.
- [18] *Шапинская, Е. Н.* Массовая культура: семиотические и культурологические подходы. — Москва : Согласие, 2017. — 386 с.
- [19] *Юнг, К. Г.* Феномен самости : пер. с нем. А. Чечиной. — Москва : АСТ, 2020. — 218 с.
- [20] *Campbell, R.* Media & Culture: Mass Communication in a Digital Age / R. Campbell, C. R. Martin, B. Fabos. — Bedford : St. Martin's, 2013. — 544 p.
- [21] *Marly da Costa Magalhães, S.* The hero in military education and media narrative: Possibilities of development of values by media education // Security and Defence Quarterly. — 2025. — P. 94–111.
- [22] *Tulchinskii, G. L.* Social semiotics: communicative and socio-cultural practices. The Russian-speaking contribution to the development of social semiotics in 1970–2000s // Russian Journal of Communication. — 2021. — Vol. 13, no. 3. — P. 203–221.

SEMIOTICS OF THE HERO IN POPULAR CULTURE: INTERPRETING SYMBOLIC MEANINGS

Nevzorov Sergey Gennadievich,

PhD in History, Associate Professor,

Military Training Center at Orenburg State University (Orenburg)

Abstract. The article examines the semiotics of the hero in modern mass culture as a dynamic system of signs that combines mythological archetypes, national ideologems, and commercial strategies. The analysis draws on classical and social semiotics, as well as the archetypal approach, which allows for the description of the hero as a myth, a brand, and a communicative practice simultaneously. Special attention is given to the transformations of the heroic archetype in cinema, comics, TV series, and digital media, including the figures of the war hero, the superhero, the antihero, and the "villain icon." It is shown that the modern hero is increasingly being constructed as a hybrid and morally ambivalent image that combines individualism, collective responsibility, and protest rhetoric. The article concludes that the hero figure serves as a key mechanism for the symbolic construction of identity and moral norms, as well as a battleground for the interpretation of values in a context of mediatization and political polarization.

Keywords: hero, semiotics, mass culture, myth, archetype, antihero, superhero, national identity, ideologeme, media.

REFERENCES

1. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics], Moscow, Progress, 1989, 616 p.
2. Buryakovskaya V.A. *Kommunikativnye kharakteristiki massovoi kul'tury v mediinom diskurse (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov)* [Communicative characteristics of mass culture in media discourse (based on the Russian and English languages)]: autoabstr. of doct. philol. sc. thesis, Volgograd, 2015, 43 p.
3. Campbell R., Martin C.R., Fabos B. *Media & Culture: Mass Communication in a Digital Age*, Bedford, St. Martin's, 2013, 544 p.
4. Dyuran Zh. *Unikal'naya Rossiya* [Unique Russia], Moscow, Tsentr mezhdunar. kul'tur. svyazei i inostr. yaz, 2006, 202 p.
5. Ivanova E.V. *Mifologicheskoe smysloobrazovanie: obraz kul'turnogo geroya* [Mythological meaning-making: the image of a cultural hero]: autoabstr. of doct. philol. sc. thesis, Ekaterinburg, 2005, pp. 14–15.
6. Karavaev D.L. *Fenomen "kitaiskogo vzleta" v mirovom kinematografe 80-kh — 90-kh godov (1984–1996)* [The phenomenon of the "Chinese takeoff" in world cinema of the 1980s and 1990s (1984–1996)]: autoabstr. of cand. art history thesis, Moscow, 1997, pp. 19–21.
7. Kempbell Dzh. *Tysyachelikiy geroy* [The Hero with a Thousand Faces], Saint Petersburg, Piter, 2021, 536 p.
8. Korolev K.M. *Poiski natsional'noi identichnosti v sovetskoj i postsovetskoj massovoi kul'ture: slavyanskii metasyuzhet v otechestvennom kul'turnom prostranstve* [The Search for National Identity in Soviet and Post-Soviet Mass Culture: The Slavic Metaplot in the Domestic Cultural Space], Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2019, 376 p.
9. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere], Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2000, 704 p.
10. Lugovaya Yu.A. *Semiotika mediinogo teksta v kul'turfilosofskom izmerenii* [Semiotics of media text in the cultural-philosophical dimension]: autoabstr. of cand. philos. sc. thesis, Moscow, 2013, 148 p.
11. Marly da Costa Magalhães, S. *The hero in military education and media narrative: Possibilities of development of values by media education*, Security and Defence Quarterly, 2025, pp. 94–111.
12. Naidorf M.I. "Geroy kul'tury" v kartine mira: k teorii kul'turologicheskogo issledovaniya [The "Hero of Culture" in the worldview: Toward a theory of cultural studies], *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2013, vol. 14, no 4, pp. 293–304.
13. Petrova A.P. Kul'turnyi geroy i ekrannyi geroy: sushchnostnye kharakteristiki obraza [Cultural hero and screen hero: essential characteristics of the image], *Khudozhestvennaya kul'tura*, 2021, no 1 (36), pp. 244–264.
14. Pirson K. *Nauka i obyazannosti grazhdanina* [Science and the Duties of Citizenship], Moscow, Lit.-izd. otd. Nar. kom. po prosveshcheniyu, 1918, 64 p.
15. Samoilova V.E. *Transformatsiya obraza trikstera v sovremennoi massovoi kul'ture: na materiale komiksov o supergeroyakh* [The transformation of the trickster image in modern popular culture: based on superhero comics]: autoabstr. of cand. philos. sc. thesis, Saint Petersburg, 2013, 27 p.

16. Shapinskaya E.N. *Massovaya kul'tura: semioticheskie i kul'turologicheskie podkhody* [Mass culture: semiotic and cultural approaches], Moscow, Soglasie, 2017, 386 p.
17. Sokolov E.G. *Analitika massovoi kul'tury Analytics of popular culture* [Analytics of popular culture] : doct. philol. sc. thesis, Saint Petersburg, 2002, 321 p.
18. Tulchinskii G.L. Social semiotics: communicative and socio-cultural practices. The Russian-speaking contribution to the development of social semiotics in 1970–2000s, *Russian Journal of Communication*, 2021, vol. 13, no. 3, pp. 203–221.
19. Vorkachev S.G. Semiotika simvola po dannym rossiiskogo nauchnogo diskursa [Semiotics of the symbol according to Russian scientific discourse], *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki*, 2021, vol. 7, no 3, pp. 3–14.
20. Yung K.G. *Fenomen samosti* [The phenomenon of self], Moscow, AST, 2020, 218 p.
21. Zabotkina V.I. V chetyrehmernom prostranstve yazyka i kul'tury [In the four-dimensional space of language and culture], *Kritika i semiotika*, 2021, no 1, pp. 94–106.
22. Zaitseva S.A. *Zhanr televizionnogo seriala kak kul'turnyi tekst* [The television series genre as a cultural text] : cand. philos. sc. thesis, Moscow, 2001, 152 p.

© Невзоров С. Г., текст, 2026
Статья поступила в редакцию 01.06.2026.

Ссылка для цитирования:

Невзоров, С. Г. Семиотика героя в массовой культуре: интерпретация символических значений. – DOI 10.34685/HI.2026.30.84.012 // Культурологический журнал. – 2026. – № 3(65). – С. 27-34.
URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/764.html&j_id=69. – Текст : электронный.

**МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ
В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

DOI 10.34685/HI.2026.30.49.011

Петрова Софья Игоревна,
кандидат культурологии, доцент,
Академия маркетинга и социально-
информационных технологий – ИМСИТ (Краснодар)
Email: Sofya8888@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования выступают факторы детерминации социокультурной динамики. Научная новизна заключается в уточнении современных механизмов и тенденций динамики социально-культурных процессов. В ходе исследования выявлены структурное различие между культурами и метакультурами. Установлено – глобализация предстает как многовекторный процесс культурной гибридизации, создающий новые синтетические формы, не сводимые к исходным элементам.

Ключевые слова: глобализация, культура, динамика, динамика культуры, механизмы культурной динамики, социокультурная динамика, трансформация.

В настоящее время мир воспринимается не в качестве разрозненных стран, а как единая взаимосвязанная система. Современные социальные трансформации обусловлены сменой фундаментальных принципов организации общечеловеческого пространства. Важнейшими инструментами создания такого планетарного единства выступают объединение денежных систем, рост товарообмена и расширение культурно-коммуникационных взаимодействий. Происходят комплексные синергические явления, представляющие собой изменчивые механизмы самоструктурирования глобальной системы в ее движении к более высокой ступени эволюции.

Объективный глобализационный процесс создает беспрецедентные возможности для межкультурного диалога и технологического обмена. Это способствует формированию новых механизмов взаимодействия между различными акторами международных отношений. Информационные технологии, развитие транспорта и коммуникационных сетей создает основу для более тесной интеграции экономических систем и культурного обмена. Параллельно наблюдается усложнение архитектуры международных отношений, где традиционные иерархические модели дополняются сетевыми формами взаимодействия. Возникают новые форматы партнерства – от региональных интеграционных объединений до глобальных технологических альянсов. Особую роль приобретает феномен культурной конвергенции при сохранении цивилизационного многообразия, что создает предпосылки для выработки универсальных подходов к решению общечеловеческих проблем при уважении национальных особенностей и традиций. Все это свидетельствует об актуальности темы исследования.

Проблемам отдельных аспектов глобализации посвятили свои работы зарубежные ученые: в социальной сфере – У. Бек, Э. Гидденс, Р. Робертсон; в сфере экономики – И. Валлерстайн, Т. Левит; в политике – Э. Гидденс, К. Крауч, У. Томпсон, Д. Хелд; в культуре – У. Ганнерс, С. Лэш, М. Фезерстоун и др. Российские ученые также внесли существенный вклад в ее осмысление. Так, Г.А. Аванесова рассматривала глобализацию в контексте культурологических процессов и трансформации культурной идентичности. Е. Бажанов и К. Боришполец анализировали международно-политические аспекты глобализационных процессов. Ю.Н. Гладкий акцентировал внимание на географических и геополитических измерениях глобализации. Г.Г. Дилигенский исследовал социально-психологические аспекты глобальных трансформаций и их влияние на массовое сознание. В.М. Межуев разрабатывал философско-культурологический подход к пониманию глобализации, рассматривая ее через призму диалектики универсального и локального в культуре. А. Панарин предложил критический анализ

глобализации с позиций цивилизационного подхода, уделяя особое внимание проблеме сохранения культурного многообразия.

В настоящее время авторы обращают внимание на различные аспекты социокультурной динамики в глобализационном контексте. Так, В.М. Москалюк определяет влияние глобализации на культурное многообразие и идентичность в парадигме приоритетов ценностей коллективного Запада [17], Е.А. Авдеев рассматривает взаимодействие и трансформацию национальных культур в современном глобализирующемся мире [1], И.С. Семененко анализирует влияние глобализации на личность, общество и культуру [18], О.Ю. Колосова и Е.Е. Несмеянов исследуют социокультурные трансформации в условиях глобализации и др. [11] Однако, несмотря на большое количество публикаций, посвященных исследованию глобализационных процессов, проблема социокультурной динамики в контексте глобализации остается слабо разработанной.

Целью статьи является теоретический анализ современных процессов социокультурной динамики в контексте глобализации. Для достижения цели поставлены следующие задачи: охарактеризовать влияние глобализации на динамику социокультурных процессов; выявить структурное различие между культурами и метакультурами; исследовать тенденции социокультурной динамики в современном обществе.

Предметом исследования выступают факторы и механизмы детерминации социокультурной динамики в процессе глобализации. Исследование основано на комплексном междисциплинарном подходе, интегрирующем принципы философии, социологии и культурологии. В качестве основных исследовательских методов в статье используются структурно-функциональный анализ, аксиологический и аналитический методы. Источниковой базой выступают научные публикации, посвященные социально-культурной динамике и ее глобализационным детерминантам.

* * *

Социокультурный аспект глобализации, символом которого часто выступает «макдональдизация», затрагивает глубинные основы идентичности и повседневных практик. Распространение унифицированных стандартов потребления и поведения вызывает наиболее острые дискуссии о соотношении глобального и локального, универсального и уникального в современной культуре.

Вопрос о суверенитете в эпоху глобализации становится особенно сложным. С одной стороны, взаимозависимость государств объективно возрастает, что требует координации усилий и выработки общих правил. С другой – попытки использовать механизмы глобализации для продвижения партикулярных интересов под видом универсальных культурных ценностей вызывают обоснованное сопротивление и стремление защитить национальный суверенитет.

Глобализация представляет собой многомерный феномен, что порождает множественность исследовательских подходов и интерпретаций. Эта концептуальная неоднородность отражает объективную сложность самого процесса, который охватывает практически все сферы человеческой деятельности [3]. Методологический плюрализм в изучении глобализации отражает не только сложность объекта исследования, но и различия в ценностных установках и теоретических традициях различных научных школ. На наш взгляд, определение глобализации как комплекса трансграничных взаимодействий схватывает сущность этого феномена. Особенно важно подчеркнуть многообразие акторов – от индивидов до институциональных структур, что указывает на многоуровневый характер глобализационных процессов.

На ранних этапах истории жизнь людей была ограничена небольшими локальными сообществами – деревнями или племенами, где все знали друг друга лично. Затем возникновение городов создало более крупные центры торговли и культурного обмена. Формирование государств и империй древности – от Римской империи до китайских династий – впервые объединило обширные территории под единым управлением и создало условия для взаимодействия между удаленными регионами.

Эпоха великих географических открытий XV-XVI веков стала переломным моментом, впервые связав между собой континенты и создав предпосылки для формирования мировой экономики. Колониальная

система, при всей ее противоречивости и трагичности, объективно способствовала созданию глобальных торговых сетей.

Промышленная революция и развитие транспорта в XIX веке – железные дороги, пароходы, а затем авиация – радикально сократили время и стоимость перемещения товаров и людей. Телеграф, телефон, а затем интернет сделали возможной мгновенную коммуникацию на любых расстояниях.

Таким образом, современная глобализация представляется логическим продолжением долгосрочной исторической тенденции к расширению пространства человеческого взаимодействия.

Концепция Джорджа Модельски о «пульсирующем» характере развития мировой системы представляет важную альтернативу упрощенным линейным моделям [21]. Идея чередования фаз централизации и децентрализации помогает объяснить многие исторические феномены. Например, упадок Римской империи и последующий подъем «варварской» периферии, или закат средиземноморских торговых республик и возвышение атлантических держав после Великих географических открытий.

Пол Кеннеди в работе «Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г.» [10] показывает, как экономическое могущество постепенно перемещается от одних центров силы к другим – от Испании XVI века к Нидерландам, затем к Британии и далее к США. При этом бывшие гегемоны часто страдают от «имперского перенапряжения», когда военные и административные расходы на поддержание глобального доминирования подрывают экономическую базу их могущества. Эта динамика заставляет переосмыслить саму природу глобализации – не как однонаправленное распространение влияния неизменного центра, а как сложный процесс трансформации всех участников мировой системы.

Следует затронуть принципиально важный аспект понимания глобализации, который демонстрирует несостоятельность упрощенных линейных моделей этого процесса. Представление о глобализации как односторонней вестернизации оказалось глубоко ошибочным. Культурные практики и ценности, даже будучи заимствованными, подвергаются глубокой трансформации в новом контексте. Японский опыт, например модернизации эпохи Мэйдзи, прекрасно иллюстрирует это: заимствуя западные технологии и институты, Япония создала уникальную модель развития, сохранившую национальную специфику.

Концепция «глобальной деревни» Герберта Маршалла Маклюэна предполагала технологически обусловленную конвергенцию культур, но реальность оказалась сложнее [14]. Современные коммуникационные технологии не только соединяют, но и позволяют артикулировать различия, создавать новые формы идентичности. Особенно интересен феномен «обратной культурной диффузии» – влияние незападных практик на западное общество. Распространение йоги, медитации, восточных боевых искусств, альтернативной медицины представляет собой не просто моду, а поиск ответов на экзистенциальные вызовы постиндустриального общества. Западная рациональность обнаруживает свои пределы и обращается к иным способам познания и бытия. Таким образом, глобализация предстает как многовекторный процесс культурной гибридизации, создающий новые синтетические формы, не сводимые к исходным элементам.

Трансформация метафорических конструктов в операциональные категории отражает фундаментальный сдвиг в структуре социально-культурного бытия. «Гражданин мира» из космополитической утопии Просвещения превращается в практическую необходимость для профессионалов, работающих в транснациональных корпорациях, ученых, участвующих в международных проектах, активистов глобальных движений [9].

Парадигма человеческого развития, артикулированная в докладах ООН, выходит за рамки экономического редукционизма, интегрируя качественные параметры существования. Долголетие, здоровье, творческая самореализация становятся универсальными критериями прогресса, преодолевающими культурную специфику. Это создает основу для формирования глобального социального контракта, где достоинство человека признается независимо от географических и политических границ.

Ключевое отличие нынешней интеграции от предыдущих попыток создания универсальных империй заключается в ее сетевом, а не иерархическом характере, что делает этот процесс более устойчивым и адаптивным. Специализация регионов не исчезает, а становится основой их ценности в общей системе. Как органы в живом организме, каждый выполняет свою уникальную функцию, и именно эта специфичность делает их незаменимыми. Это парадоксальная природа современной глобализации – единство не через унификацию, а через взаимодополняемость различий. И здесь метафора космического взгляда на Землю особенно удачна – из космоса видна целостность планеты, непрерывность океанов и атмосферы, отсутствие видимых границ между государствами [8]. Это не означает, что различия исчезают, просто становится очевидным, что они существуют внутри единой системы, где циклон, зародившийся над одним континентом, влияет на погоду другого, где экономический кризис в одном регионе создает волны по всей планете.

Фундаментальный парадокс глобализационного дискурса – диалектическое напряжение между стремлением к универсальному и необходимостью партикулярного, между снятием границ и их конститутивной ролью в формировании идентичности. От космополитизма стоиков, через кантовскую идею всемирного гражданского состояния, к гегелевскому мировому духу прослеживается устойчивая философско-культурологическая интенция к универсальному. Но именно Г.В. Гегель показал, что всеобщее не существует без особенного, что снятие «отмена» (*Aufhebung*) означает одновременно отрицание и сохранение. Граница у него – не просто разделение, а момент определения: нечто есть то, что оно есть, именно через свою границу с иным [7].

Марксова критика капитала парадоксальным образом предвосхищает глобализацию (капитал по природе космополитичен) и обнажает ее внутреннее противоречие, стремление к безграничной экспансии порождает новые формы ограничения и исключения [15]. Прогрессивно-неоконсервативная утопия «мира без границ» сталкивается с онтологической проблемой: абсолютная детерриториализация ведет к утрате различий, а значит – к исчезновению самой возможности смысла, который всегда возникает через различие [17]. Глобальное, лишённое локального, обращается в пустую абстракцию, в то самое гегелевское «ночное безразличие, в котором все кошки серы» [7].

Фундаментальный парадокс глобализационной эпохи – одновременное расширение и фрагментация идентичности. Персоналистская идентификация представляет собой радикальный отход от традиционных моделей самоопределения через принадлежность к устойчивым коллективным структурам. Это явление можно осмыслить через концепцию Клода Леви-Стросса: субъект конструирует себя из разнородных культурных элементов, создавая уникальную конфигурацию смыслов [12]. Индивид становится своего рода культурным кочевником, свободно перемещающимся между различными символическими пространствами, заимствуя и адаптируя элементы «чужого опыта» для построения собственной экзистенциальной культурной архитектуры. Однако эта кажущаяся свобода самоконструирования порождает новую форму тревожности – «онтологическую неуверенность», в терминологии Рональда Лэйнгома [13].

Отсутствие заданных культурных координат превращает идентичность в непрерывный проект, требующий постоянной рефлексивной работы. Субъект оказывается обреченным на перманентное самоизобретение, что создает специфическое напряжение между стремлением к аутентичности и необходимостью социальной адаптации через освоение множественных ролевых репертуаров. «Человек биологически предопределен к конструированию мира, в котором он живет с другими. Этот мир становится для него доминирующей и определяющей реальностью. Ее границы установлены природой, но стоит этому миру возникнуть, и он оказывает на природу обратное воздействие. В диалектике природы и социально сконструированного мира трансформируется сам человеческий организм. В той же диалектике человек творит реальность и тем самым творит самого себя» – эта цитата Питера Бергера и Томаса Лукмана раскрывает центральный парадокс человеческого существования: будучи биологическим существом, человек одновременно является творцом социально-культурной реальности, которая, в свою очередь, формирует его самого [4]. Здесь схвачена диалектическая природа социального конструирования, где субъект и объект находятся в отношениях взаимного конституирования. Ключевое понятие – «биологическая предопределенность к конструированию». В отличие от животных с их инстинктивно заданной средой обитания, человек характеризуется тем, что Арнольд Гелен называл «инстинктивной недостаточностью» [20].

Эта антропологическая неполнота компенсируется культурным творчеством. Человек вынужден достраивать себя через создание символических порядков. Социальная реальность выступает как экстернализация человеческой деятельности, которая затем через процессы объективации и интернализации становится принудительной силой, формирующей самого человека. Особенно важен тезис о трансформации человеческого организма в диалектике природы и культуры. Это не просто метафора: социально сконструированная реальность буквально переформатирует телесность, восприятие, когнитивные структуры. Габитус, в понимании Пьер Бурдьё, представляет собой именно такую инкорпорированную социальность, где культурные схемы становятся второй природой, неотличимой от биологической основы [5].

Манипулятивные технологии в этом контексте эксплуатируют именно когнитивную перегрузку и дезориентацию. Алгоритмы персонализации создают «информационные пузыри», усиливая поляризацию и препятствуя формированию общего пространства диалога. Стандартизация культурных ценностей под видом их плюрализации представляет собой изоцированную форму символического насилия, где иллюзия выбора маскирует сужение горизонта возможного. Дезориентация и душевная усталость становятся фоновым состоянием, порождаемым постоянным давлением унифицирующих моделей. Это парадоксальная динамика современного культурного ландшафта.

Концепция «культурного империализма» занимает центральное место в критическом дискурсе о глобализации. Метафора Бернардо Бертолуччи о «культурном тоталитаризме» отражает тревогу творческих элит перед лицом того, что воспринимается как монополизация символического пространства американской массовой культурой [2]. Механизм этого доминирования опирается на экономическую мощь голливудской индустрии, технологическое превосходство в сфере медиа и особую способность американской культуры к созданию универсальных нарративов, апеллирующих к базовым эмоциям и упрощенным архетипам. Продукты этой культурной машины, от блокбастеров до франшиз быстрого питания, формируют глобальные паттерны потребления и восприятия. Однако представление о полной культурной гегемонии США требует нюансировки. Локальные культуры демонстрируют удивительную резистентность, творчески адаптируя и переосмысливая американские культурные продукты. Феномен «глокализации» показывает, что глобальное неизбежно преломляется через призму локального, порождая гибридные формы. Более того, сама американская массовая культура не монолитна, она активно абсорбирует и коммодифицирует элементы других культур, превращая их в товар для глобального рынка. Этот процесс взаимного, хотя и асимметричного, обмена создает сложную картину культурных потоков, не сводимую к простой схеме доминирования–подчинения.

Американская индустрия развлечений обладает беспрецедентным охватом – от голливудских блокбастеров до стриминговых платформ, которые формируют визуальный язык и нарративные паттерны массовой культуры по всему миру. Английский язык функционирует как язык современности, что создает определенные преимущества для англоязычного контента. Это не просто вопрос языковой доступности, но и формирования когнитивных рамок. Через язык транслируются специфические культурные концепты, метафоры и способы осмысления реальности: «Язык как социальный феномен, раскрывающий мир другой культуры, является необходимым и важнейшим средством коммуникации, особенно в эпоху современности» [19].

Глобализация и связанные с ней социокультурные проблемы породили антиглобалистское движение, представляющее собой сложный феномен с множественными акторами и мотивациями. Оно является важным аспектом современной социокультурной динамики, формирующее различные формы сопротивления глобализационным процессам. Стоит отметить двойственную природу этого сопротивления. С одной стороны, существует организованное движение с институциональной поддержкой, которое часто фокусируется на экономических и политических аспектах глобализации. С другой стороны, наблюдается более органичное, низовое стремление к сохранению локальной идентичности и культурных практик. Парадокс заключается в том, что само антиглобалистское движение часто использует глобальные инструменты коммуникации и координации. Социальные сети, международные форумы, транснациональные альянсы – все это инструменты той же глобализации, против которой направлен протест.

Возрождение интереса к локальным традициям можно рассматривать как форму «глокализации» – процесса, в котором глобальное и локальное не столько противостоят друг другу, сколько создают

новые гибридные формы. Традиции при этом часто переизобретаются, адаптируясь к современным условиям, что ставит вопрос об их «подлинности» в новом контексте. Важный парадокс глобализации заключается в том, что наиболее успешными в сохранении культурной самобытности оказываются именно те страны, которые активно участвуют в глобальных процессах, а не изолируются от них. Пример Японии особенно показателен. Страна, пережившая радикальную модернизацию в эпоху Мэйдзи (1868-1912 гг.) и послевоенную американизацию, сумела не только сохранить, но и укрепить свою культурную идентичность. Японская культура стала одним из самых успешных глобальных экспортных продуктов – от традиционных искусств до современной поп-культуры, при этом внутри страны сохраняется глубокое уважение к традициям. Другой пример: Франция, демонстрирующая активную культурную политику, защищающую национальный язык и культуру через систему квот, субсидий и образовательных программ. Концепция «культурного исключения» позволяет французам участвовать в глобализации, сохраняя при этом особую культурную идентичность. Этот феномен объясняется тем, что сильная культурная идентичность и уверенность в собственных ценностях позволяют более свободно взаимодействовать с другими культурами, заимствуя полезное без страха утраты собственной самобытности. Культурная открытость парадоксальным образом укрепляет, а не ослабляет национальную идентичность.

Феномен культурной гибридизации в эпоху глобализации создает беспрецедентную ситуацию культурного смешения, где традиционные границы между «своим» и «чужим» становятся все более условными. Современный человек может начать день с японского чая матча, работать в американской корпорации, обедать итальянской пиццей, практиковать индийскую йогу вечером и засыпать под корейскую поп-музыку. Такая эклектичность стала нормой повседневности, особенно в крупных городах.

Параллельно с интеграционными процессами мы наблюдаем мощную волну партикуляризма и стремления к культурной автономии. Это явление получило название «глокализация» – парадоксальное сочетание глобального и локального. Чем сильнее давление унифицирующих тенденций, тем острее защитная реакция локальных идентичностей. Мы видим это в возрождении региональных языков, в требованиях культурной автономии, в росте интереса к традиционным практикам и верованиям. Фундаментализм в этом контексте часто выступает как форма сопротивления культурной гомогенизации. Это не просто возврат к корням, а активное конструирование идентичности в противовес воспринимаемой угрозе растворения в глобальном «плавильном котле». В демократических обществах это напряжение чаще разрешается через механизмы диалога и компромисса – мультикультурализм, федерализм, различные формы автономии. Но даже там мы видим рост популистских движений, апеллирующих к «утраченной аутентичности».

Необратимость глобализации как исторического процесса определяется объективными факторами технологического развития, информационной революции и углубления экономической взаимозависимости. При этом конкретные формы и направления этого процесса остаются предметом выбора и могут быть трансформированы через изменение приоритетов развития. Гуманизация глобализации предполагает переориентацию с чисто экономических критериев эффективности на более широкие показатели человеческого развития, включающие социальную справедливость, культурное разнообразие, экологическую устойчивость и расширение возможностей для самореализации людей независимо от их географического положения.

Когда социум переживает экзистенциальную угрозу или находится в процессе формирования своей идентичности, механизмы самосохранения культуры активизируются с особой силой. В такие периоды люди часто готовы пожертвовать личными интересами и даже моральными принципами ради того, что воспринимается как выживание или благо целого. Это важный аспект социокультурной динамики – феномен, когда в критические моменты истории индивидуальное сознание может подчиняться коллективным императивам. Подобная закономерность проявлялась в разные эпохи: от архаичных ритуалов жертвоприношения до массовых движений более поздних времен. Парадокс в том, что действия, направленные на сохранение культуры, могут противоречить тем самым гуманистическим ценностям, которые эта культура в спокойные времена провозглашает. Понимание этого механизма не означает его оправдания, но позволяет глубже осмыслить природу социальных процессов и то, как культура через людей реализует свои программы выживания и развития.

Переход от традиционных национально-культурных образований к чему-то принципиально новому происходит на наших глазах. Метакультуры формируются вокруг общих практик и ценностей, которые пересекают традиционные границы. Корпоративная культура транснациональных компаний, глобальные профессиональные сообщества, цифровые субкультуры – все это примеры новых форм организации человеческой деятельности и идентичности.

Предлагаемая ниже *классификация метакультур*, на наш взгляд, очень точно схватывает разные принципы организации глобальных социальных образований. Особенно значимо то, что эти суперорганизмы накладываются друг на друга, создавая сложную многомерную структуру:

- политические метакультуры XX века формировали целостные системы со своей идеологией, экономическими моделями и социальными институтами. Хотя биполярная система ушла в прошлое, ее наследие продолжает влиять на современные процессы;
- регионально-хозяйственные метакультуры демонстрируют, как экономическая интеграция создает новые формы общности. ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР, Евразийский экономический союз формируют не только торговые пространства, но и общие регулятивные рамки, стандарты, а часто и ценностные ориентиры;
- конфессиональные метакультуры интересны тем, что существуют поверх государственных границ уже многие столетия, но в эпоху глобализации приобретают новое значение. Они создают альтернативные каналы солидарности и идентичности;
- планетарная метакультура – самый амбициозный проект, воплощающийся через ООН, международное право, глобальные экологические инициативы.

И здесь логично возникает вопрос: возможна ли действительно единая метакультура без утраты разнообразия, которое само по себе является ценностью и ресурсом развития?

Вторая половина XX века стала переломной точкой в истории человеческой цивилизации именно благодаря радикальному изменению технологического базиса и пространственно-временных параметров социально-культурного взаимодействия.

Выделим *технологический базис трансформации культурных систем*:

- компрессия пространства-времени через транспортные системы создала феномен «глобальной деревни» Г. М. Маклюэна. Авиация превратила межконтинентальные путешествия из многонедельных экспедиций в часовые перелеты. Это не просто ускорение – это качественная трансформация самого понимания расстояния и доступности;
- информационная революция через электронные СМИ и особенно Интернет создала принципиально новый тип культурного пространства: виртуальное, где географические границы теряют свое определяющее значение. Культурные продукты теперь распространяются мгновенно и глобально;
- экономическая интеграция через транснациональные корпорации и глобальные финансовые системы создала новый тип зависимостей, когда локальные культуры оказываются встроенными в мировые цепочки производства и потребления.

Особенно важно то, что даже деструктивные феномены (ядерная угроза, терроризм) становятся факторами культурной трансформации, заставляя вырабатывать новые формы международной кооперации и солидарности перед лицом общих угроз.

Основное структурное различие между культурами и метакультурами – разница уровней организации и типа субстрата. Если традиционные культуры оперируют на уровне индивидов и социальных групп, создавая институты для удовлетворения человеческих потребностей, то метакультуры работают с целыми культурами и государствами как базовыми элементами. Это качественно иной масштаб

организации, где прежде автономные социокультурные системы становятся функциональными элементами более сложной структуры. Думается, аналогия с биологической эволюцией здесь будет особенно продуктивна: как многоклеточные организмы потребовали специализации клеток и создания систем их жизнеобеспечения, так метакультуры создают инфраструктуру для обеспечения потребностей входящих в них культур. Международные финансовые институты, системы глобальной логистики, транснациональные корпорации – все это можно рассматривать как «органы» метакультурного организма, обеспечивающие циркуляцию ресурсов между культурами-элементами.

Процесс специализации культур внутри метакультуры уже наблюдается: одни страны становятся технологическими центрами, другие – производственными площадками, третьи – поставщиками ресурсов или туристическими дестинациями. Эта функциональная дифференциация трансформирует внутреннюю структуру самих культур, подстраивая их под выполнение определенных ролей в метакультурном разделении труда.

* * *

Таким образом, один из важнейших механизмов культурной динамики в современной глобализации проявляется в том, что, когда сложность деятельности перерастает существующие границы и требует вовлечения разнообразных культурных ресурсов, происходит качественный скачок. Например, создание современного смартфона требует редкоземельных металлов из Африки, дизайна из Калифорнии, производства в Азии и программного обеспечения, написанного распределенными командами по всему миру. Сама функция производства становится принципиально транскультурной. Она уже не может существовать в рамках одной культурной традиции.

Парадоксальным образом усложнение заставляет культуры становиться более проницаемыми именно для того, чтобы сохранить свою продуктивность. Японская корпоративная культура, например, вынуждена была интегрировать западные практики менеджмента, но при этом обогатила мировую практику своими подходами к качеству и организации производства. Творческий процесс становится своего рода «переводчиком» между культурами. Когда индийский программист работает над финским проектом для китайского рынка, он создает новые культурные гибриды, которые не принадлежат полностью ни одной традиции. Накопленный потенциал категории культуры здесь работает как своеобразная «грамматика» для понимания этих процессов, позволяя видеть не хаос смешения, а новые паттерны организации человеческой деятельности.

Двойственность культуры кроется в том, что она одновременно является и устойчивой структурой накопленного опыта, и живым процессом постоянной реинтерпретации. Ключевой момент здесь – диалектика абстрактного и конкретного. Культура существует как обобщенная форма, как своеобразный «банк возможностей» человеческой деятельности. Но эта форма – не мертвая схема, она постоянно актуализируется через конкретные проблемные ситуации. Когда врач сталкивается с новой пандемией, он обращается к накопленному медицинскому опыту, но интерпретирует его в контексте специфики нового вируса, доступных технологий, социальных условий. Для обеспечения культурной идентичности в глобализованном мире необходимо развивать сотрудничество в области культуры, направленное на понимание и уважение культурных различий, развитие культурной идентичности и ее сохранение.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Авдеев, Е. А.* Социокультурная динамика в эпоху глобализации: унификация или гетерогенность // Гуманитарные и юридические исследования. – 2014 – № 2. – С. 120-124.
- [2] *Андрианова, Т. В.* Геополитика и культура : Аналитический обзор / Отв. ред. Галинская И. Л. – Москва : ИНИОН РАН, 2001. – 92 с.
- [3] Атлас глобализации: попытка осмысления современного мирового пространства / *Мари-Франсуаза Дюран* [и др.]; пер. с фр. – Москва: Прогресс-Традиция, 2014. – 184 с.
- [4] *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности : Трактат по социол. знания. – Москва : Моск. филос. фонд, 1995. – С. 294.
- [5] *Бурдьё, П.* Практический смысл / Общ. ред. Н. А. Шматко. – Санкт-Петербург : Алетеия; Москва : Ин-т эксперимент. социологии, 2001. – 562 с.

- [6] Гегель, Г. В. Ф. Вера и знание : работы ранних лет / пер. с нем. ; изд. 2-е, испр. – Москва: Умозрение, 2024. – 384 с.
- [7] Гегель, Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. – Москва : Мысль, 1990. – 524 с.
- [8] Глобализация: человеческое измерение / отв. ред. А. В. Торкунов. – Москва: РОССПЭН, 2002. – 110 с.
- [9] Голдсмит, О. Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке. – Москва: Наука, 1974. – 383 с.
- [10] Кеннеди, П. Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. – Екатеринбург : Гонзо, 2018. – 848 с.
- [11] Колосова, О. Ю., Несмеянов, Е. Е. Социокультурные трансформации в условиях глобализационных процессов // Фундаментальные исследования. – 2015.– № 2(14). – С. 3201-3204.
- [12] Леви-Строс, К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – Москва : Республика, 1994. – 384 с.
- [13] Лэйн, Р. Д. Расколотое «Я»: экзистенциальное исследование «нормальности» и безумия; Феноменология переживания и Райская птичка / Рональд Д. Лэнг. – Москва : ИОИ, 2017. – 345 с.
- [14] Маклюэн, М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. – Москва : Акад. проект, 2005. – 495 с.
- [15] Маркс, К. К критике политической экономии : изд. 2-е. – Москва : Либроком, 2011. – 176 с.
- [16] Москалюк, В. М. Проблема идентичности и многообразия культур в условиях мировой глобализации // Культурная жизнь юга России. – 2024. – № 3(94). – С. 15-24.
- [17] Пабст, А. Цивилизация и либеральная демократия // Полис: Политические исследования. – 2021. – № 4. – С. 26–42.
- [18] Семенов, И. С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис: Политические исследования. – 2003. – № 1. – С. 5-23.
- [19] Фурманова, В. П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1993. – С. 123.
- [20] Хузина, Э. М. Философская антропология по замыслу А. Гелена // Молодой ученый. – 2020. – № 25 (315). – С. 494-496.
- [21] Modelski, G. Long cycles in world politics / George Modelski. – Seattle ; London : Univ. of Washington press, 1987. – 244 p.

MECHANISMS OF CULTURAL DYNAMICS IN THE MODERN GLOBALIZATION SPACE

Petrova Sofya Igorevna,
PhD in Cultural Research, Associate Professor,
Academy of Marketing and Social
and Information Technologies – IMSIT (Krasnodar)

Abstract. *The subject of the study is the factors determining socio-cultural dynamics. The scientific novelty lies in clarifying modern mechanisms and trends in the dynamics of socio-cultural processes. The study revealed a structural difference between cultures and metacultures. It has been established that globalization appears as a multi-vector process of cultural hybridization, creating new synthetic forms that cannot be reduced to their original elements.*

Keywords: *globalization, culture, dynamics, cultural dynamics, mechanisms of cultural dynamics, socio-cultural dynamics, transformation.*

REFERENCES

1. Andrianova T.V. *Geopolitika i kultura: Analiticheskiy obzor* [Geopolitics and culture: analytical review], Moscow, INION RAN, 2001, 92 p.

2. Avdeev E.A. Sotsiokulturnaya dinamika v epokhu globalizatsii: unifikatsiya ili geterogennost' [Sociocultural dynamics in the era of globalization: unification or heterogeneity], *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2014, no. 2, pp.120-124.
3. Berger P. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti: Traktat po sotsiol. znaniya* [Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge], Moscow, Mosk. filos. fond, 1995, 294 p.
4. Burd'ye P. *Prakticheskiy smysl* [Practical meaning], Saint Petersburg, Aleteiya, Moscow, In-t eksperiment. sotsiologii, 2001, 562 p.
5. Durand M.-F. [et al.] *Atlas globalizatsii: popytka osmysleniya sovremennogo mirovogo prostranstva* [Atlas of globalization: an attempt to comprehend the modern world space], Moscow, Progress-Traditsiya, 2014, 184 p.
6. Furmanova V.P. *Mezhkulturnaya kommunikatsiya i lingvokulturovedenie v teorii i praktike obucheniya inostrannym yazykam* [Intercultural communication and cultural linguistics in the theory and practice of teaching foreign languages], Saransk, Izd-vo Mordov. un-ta, 1993, 123 p.
7. Gegel G.V.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of law], Moscow, Mysl', 1990, 524 p.
8. Gegel G.V.F. *Vera i znanie: Raboty rannikh let* [Faith and knowledge: Works of the early years], Moscow, Umozrenie, 2024, 384 p.
9. Goldsmit O. *Grazhdanin mira, ili Pisma kitayskogo filosofa, prozhivayushchego v Londone, svojim druž'yam na Vostoke* [Citizen of the World, or Letters from a Chinese Philosopher Living in London to His Friends in the East], Moscow, Nauka, 1974, 383 p.
10. Kennedi P. *Vzlety i padeniya velikikh derzhav: Ekonomicheskie izmeneniya i voennye konflikty v formirovanii mirovykh tsentrov vlasti s 1500 po 2000 g* [Rise and Fall of Great Powers: Economic Change and Military Conflict in the Shaping of World Centers of Power from 1500 to 2000.], Ekaterinburg, Gonzo, 2018, 848 p.
11. Khuzina, E.M. Filosofskaya antropologiya po zamyslu A. Gelena [Philosophical anthropology as conceived by A. Gehlen], *Molodoy uchenyy*, 2020, no. 25(315), pp. 494-496.
12. Kolosova O.Y., Nesmeyanov E.E. Sotsio-kulturnye transformatsii v usloviyakh globalizatsionnykh protsessov [Sociocultural transformations in the context of globalization processes], *Fundamentalnye issledovaniya*, 2015, no. 2 (14), pp. 3201-3204.
13. Levi-Stros K. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking], Moscow, Respublika, 1994, 384 p.
14. Leyng R.D. *Raskolotoe "Ya": ekzistentsialnoe issledovanie "normalnosti" i bezumiya. Fenomenologiya perezhivaniya i Rayskaya ptichka* [Fractured "Self": an existential study of "normal" and madness. Phenomenology of experience and the Bird of paradise], Moscow, IOI, 2017, 345 p.
15. Maklyuen M. *Galaktika Gutenberga: stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [Gutenberg galaxy: the making of a typing man], Moscow, Akad. proekt, 2005, 495 p.
16. Marks K. *K kritike politicheskoy ekonomii* [Towards a critique of political economy], Moscow, Librokom, 2011, 176 p.
17. Modelski G. *Long cycles in world politics*, Seattle, London, Univ. of Washington press, 1987, 244 p.
18. Moskalyuk V.M. Problema identichnosti i mnogoobraziya kultur v usloviyakh mirovoy globalizatsii [Problem of identity and diversity of cultures in the context of world globalization], *Kulturnaya zhizn' yuga Rossii*, 2024, no. 3(94), pp. 15-24.
19. Pabst A. Tsivilizatsiya i liberalnaya demokratiya [Civilization and liberal democracy], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2021, no. 4, pp. 26–42.
20. Semenenko I.S. Globalizatsiya i sotsiokulturnaya dinamika: lichnost, obshchestvo, kultura [Globalization and sociocultural dynamics: personality, society, culture], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2003, no. 1, pp. 5-23.
21. Torkunov A.V. (ed.) *Globalizatsiya: chelovecheskoe izmerenie* [Globalization: the human dimension], Moscow, ROSSPEN, 2002, 110 p.

© Петрова С.И., текст, 2026
Статья поступила в редакцию 17.08.2026.

Ссылка для цитирования:

Петрова, С. И. Механизмы культурной динамики в современном глобализационном пространстве. – DOI 10.34685/HI.2026.30.49.011 // Культурологический журнал. – 2026. – № 3(65). – С. 35-44. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/765.html&j_id=69. – Текст : электронный.

**УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ: СОЗИДАНИЕ РУССКОГО СВЕТА
В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА**

DOI 10.34685/ИИ.2026.30.84.012

Марков Александр Викторович,
доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Email: markovius@gmail.com

Штайн Оксана Александровна,
кандидат философских наук, доцент,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)
Email: shtaynshtayn@gmail.com

Аннотация. В статье уличный фонарь впервые рассматривается как сложный и многогранный феномен русской и мировой культуры, выходящий далеко за пределы своей утилитарной функции. Авторы показывают, что фонарь является не просто источником света, но и активным участником формирования культурного кода города, точкой пересечения технологических новаций, социальных практик и художественных образов. Особое внимание уделяется уникальному пути России в истории освещения — от петровских «образцовых фонарей» 1718 года до первого в Европе полностью электрифицированного города — Царского Села (1896). На этом материале раскрывается, как заимствованные европейские технологии переосмысливались на русской почве, встраиваясь в государственную, военную и эстетическую логику имперского строительства. Через обращение к русской поэзии (А. Блок, В. Маяковский) демонстрируется, как образ фонаря становится ключом к пониманию экзистенциальных и историософских вопросов. Вводя понятие «гибридного объекта», авторы показывают, что фонарь материализует неразрывную связь технологии, мифа, социального ритуала и художественного опыта. Делается вывод, что философия фонаря — это практическая философия русской культуры, способной к синтезу разнородных начал и созданию антропогенного космоса в самых обыденных элементах городской среды.

Ключевые слова: код русской культуры, уличный фонарь, семантика света, история освещения в России, Царское Село, урбанистическая антропология, фонарщик, А. Блок, гибридный объект, всемирная отзывчивость.

Уличный фонарь, кажущийся воплощением простой утилитарности, на поверку оказывается одним из наиболее культурно насыщенных объектов городской среды. Традиционный подход, рассматривающий его через призму фундаментальных оппозиций (свет/тьма, порядок/хаос, видимое/невидимое), хотя и продуктивен, но недостаточен. Он оставляет в тени ключевую способность фонаря преодолевать и синтезировать эти противоположности, создавая не просто границу, но новое, третье пространство — пространство встречи, перехода и смещения. Наша статья ставит целью показать, что философия фонаря — это культурология гибридизации, где технологический артефакт становится узлом сплетения разнородных смыслов, практик и культурных кодов.

Можно рассматривать фонарь как символ, иллюзию, метафору, аллюзию, вспомнить фонарь Диогена [8], а можно посмотреть на него с культурфилософской точки зрения как на вещь. У В.И. Даля вещь это «нечто, предмет, отдельная единица, всякая неодушевленная особь», менее употребимое это «дело, поступок, случай, происшествие». Фонарь это и происшествие, и событие и бытие света, историческая эпоха. Вещь, продолжает Даль, также относится к веществу, вещественному, то есть некоторому качеству, что образует ее. Фонарь образует свет? И еще интереснее, вещь как речь, вещание, вещий Олег, вещий сон. Валерий Подорога в работе «Вопрос о вещи» резюмирует ареал обитания вещи (в нашем случае, фонаря на улицах, проспектах больших, а в XX веке и малых городов): «Первая группа

связана с начальным, метафизическим определением вещи. Здесь, вещь и дело, и предмет, и слово, и дух (как «вещь-в-себе»)» [7, с. 22]. Сущность вещи состоит в ее употреблении. Фонарь не только освещает, оберегает, транслирует культуру, он создает тайную связь: «Тайная магия вещи притягивает всегда, и часто она так долго удерживается потому, что является следствием двух трудно совместимых измерений опыта» [7, с. 25]. Фонарь совмещает в себе опыт света/тьмы, бодрствования/сна, повседневного/праздничного, обычного/сказочного. Фонарь, как и аура, это не просто то, что движется, это то, что светит, сияет. Подорога обращается к В. Беньямину, который описывал ауру как оптический эффект: «Странное сплетение места и времени: уникальное ощущение дали, как бы близок при этом рассматриваемый предмет ни был» [7, с. 52]. Происходит игра дистанций. Освещение фонарей делает заснеженные улицы города сказочными, приморские спуски — туманными.

Чаще всего фонарь носит общественный характер, не бывает частных фонарей, это всегда территория за пределами личных вещей. Фонарь не приручить и не купить, он — национальное достояние. Им гордятся, его обслуживают коммунальные службы от времен военного гарнизона Петра I до современных ЖКХ. Чтобы показать вещь как весть, мы сознательно смещаем фокус с классической европейской парадигмы. Во-первых, в качестве основного исторического примера будет рассмотрена российская (петербургская) традиция уличного освещения, начиная с указа Петра I 1706 года и «образцовых» фонарей Ж.-Б. Леблона 1718 года. Эта традиция представляет собой уникальный пример культурно-технологического синтеза: заимствованные европейские формы (газовое освещение, пришедшее в Петербург в 1835 г.) наполнялись локальной семантикой и утилитарными практиками (военные фонарики, «траурные» факельщики), порождая новые феномены, такие как первый в Европе полностью электрифицированный город — Царское Село (1896).

Во-вторых, мы выходим за рамки евроцентричного дискурса, привлекая неевропейские контексты. Семантика цвета будет рассмотрена в сравнении с европейскими аналогами как глобальный феномен преодоления чисто осветительной функции в пользу мощного социального и морального маркера. Образ фонарика также будет проанализирован не только через хасидскую притчу и европейский романтизм, но и через призму коллективных практик освещения в городах Восточной Азии. В последней части и заключении мы предложим концепцию фонаря как «гибридного объекта» [4; 5], материализующего неразрывную связь природы и культуры, техники и мифа, дисциплины и поэзии.

Российский опыт: технологический трансфер как акт культурного синтеза

История уличного освещения в России, и особенно в Санкт-Петербурге, является наглядной иллюстрацией того, как технологический прогресс становится средством не простого копирования, а глубокого культурного синтеза, преодолевающего бинарность «своего» и «чужого». Начало было сугубо утилитарным и имперским: указ Петра I 1706 года о фонарях на домах у Петропавловской крепости и приглашение архитектора Жана-Батиста Леблона, разработавшего к 1718 году «образцовый» фонарь. Однако уже здесь проявилась характерная черта: технология (масляная лампа) и форма (европейский дизайн) были западными, а исполнение и организация — сугубо местными. Первые фонарики набирались из нижних военных чинов, что встраивало систему освещения в логику государственной дисциплины и иерархии, а не городского самоуправления, как в Амстердаме Яна ван дер Хейдена (1668 г.). Факельщики, известные в Европе как платные спутники (*linkboys*), в Петербурге довольно быстро трансформировались в «траурщиков», сопровождающих похоронные процессии, что указывает на переосмысление функции света в рамках местных ритуальных практик.

Расцвет екатерининской эпохи — это уже не просто заимствование, а эстетическая гибридизация как во дворцах [6], так и на улице. Более 3600 фонарей работы Растрелли, Фельтена, Монферрана превратили утилитарный объект в элемент архитектурного ансамбля Петербурга [9]. Их причудливые формы материализовали барокко как стиль, преодолевающий строгие оппозиции формы и украшения, функции и избытка.

Переход к газу в 1830-х годах и к электричеству в 1880-х также носил характер прагматического синтеза, а не слепого следования тренду [1]. Дороговизна газового освещения (в 5 раз дороже масляного) компенсировалась его престижностью и символическим капиталом «европейскости». При этом электрификация развивалась не линейно, а очагами: первые испытания на Невском (1883), освещение Гатчинского дворца (1881) и, наконец, полная электрификация Царского Села к 1896 году, сделавшая его первым таким городом в Европе. Этот факт красноречиво свидетельствует: Россия не

догоняла Европу, а в отдельных точках создавала опережающие гибридные модели, где передовая технология встраивалась в комплекс дворцово-паркового пространства, создавая новое качество световой среды. Таким образом, российский путь демонстрирует, как фонарь становится местом встречи и трансформации различных логик: военно-административной, эстетико-имперской, технологически-прагматической. Он преодолевает противоположность прогресса и отставания, создавая собственную, синтетическую темпоральность.

Преодоление простых оппозиций: неевропейские контексты фонарей

Классическая оппозиция света и тьмы и сближение истории фонарей с историей Просвещения [15] оказывается слишком грубым инструментом для анализа, когда мы сталкиваемся с семантикой цвета в освещении.

Вспомним морально неоднозначный, но преодолевающий утилитарность глобальный феномен, — «кварталы красных фонарей». Это явление, возникшее независимо в разных культурах (Ёсивара в Эдо (Токио) с начала XVII века, Симабара в Киото, Де Валлен в Амстердаме, Репербан в Гамбурге), демонстрирует удивительный синтез в работе такой машины зрения [3]. Красный свет выполняет сразу несколько функций, сливая воедино противоположности: практическую и символическую, приватную и публичную, запретную и притягательную. Этот синтез создает особую топографию соблазна, где свет не противостоит тьме греха, а становится его знаком и условием. Фонарь здесь — не медиатор между добром и злом, а активный соучастник создания гибридной реальности, где экономический обмен, телесность, социальный контроль и городской фольклор образуют неразрывное целое.

Феномен «красных фонарей» — лишь частный случай более общего принципа машины зрения, где цвет освещения становится активным семиотическим инструментом, преодолевающим базовую бинарность «свет vs тьма». В разных культурах цветовая кодировка создает сложные системы маркировки пространства, времени и социальных норм, синтезируя практическую функцию, эстетику и символический порядок. Если в западной традиции холодный белый электрический свет долгое время ассоциировался с прогрессом, гигиеной и безопасностью, то в восточноазиатском контексте, особенно в Японии, этот же свет получил дополнительное символическое измерение [11; 13]. Широкое использование яркого белого света в общественных пространствах Токио или Осаки связано не только с энергоэффективностью, но и с культурной установкой на чистоту (*kirei*), порядок и визуальную ясность. В то же время, синий свет (*aoi*), активно внедряемый на некоторых железнодорожных станциях, приобрел неожиданную социально-психологическую функцию: исследования указывают на его потенциальное влияние на снижение уровня суицидальности [14]. Здесь цвет преодолевает чисто осветительную задачу, вторгаясь в область публичного психического здоровья, и становится гибридом технологии, урбанистического дизайна и социальной политики. Теплый желтый свет газовых фонарей, воспринимаемый в Европе XIX века как признак современности, в XXI веке глобально перекодировался в знак историчности, аутентичности и комфорта, синтезируя прошлое и настоящее, ностальгию и коммерцию. Иную функцию теплый желтый свет выполняет в скандинавских странах в период полярной ночи: здесь его психологическая роль — противодействие депрессии — делает его элементом био-социальной адаптации.

Современные технологии порождают динамические цветовые коды, еще дальше уходящие от логики простых оппозиций. Пурпурные или фиолетовые оттенки, иногда возникающие как побочный эффект деградации некоторых типов светодиодных покрытий в уличных фонарях городов Северной Америки, были стихийно восприняты жителями не как поломка, а как присвоение пространства, создание уникальной местной идентичности [12]. Это пример того, как технологическая «ошибка» преодолевает замысел проектировщиков и синтезируется с локальным сообществом, порождая новую культурную форму.

Преодоление простых оппозиций можно найти и в неевропейских практиках организации освещения. Если в Восточной Европе фигура фонащика часто романтизировалась как одинокого меланхоличного стража, то в городах средневековой Японии, например, поддержание ночных огней могло быть коллективной обязанностью жителей квартала (*chōnai*) [13]. В Китае праздничное употребление фонарей было почти литургическим, и одновременно преодолевающим возмездие через мимирию, стирающую привычные оппозиции. Согласно мифологии, жители местности Тай Ханг убили любимого гуся Нефритового императора, и в наказание он намеревался сжечь селение. Однако жители обманули

его и зажгли тысячи фонарей, имитируя пожар. Увидев «пылающую» местность, император отказался от мести. В память об этом событии китайцы зажигают фонари каждый год в знак чудесного спасения [2, с. 220]. Это порождало не экзистенциальный образ отчужденного служителя системы, а практику общинной солидарности. Свет здесь был элементом горизонтального социального договора, связывающего сообщество. Такой контраст позволяет увидеть, что сама дихотомия «порядок vs. хаос» является культурно обусловленной и может быть заменена моделью «коллективный договор vs. индивидуальная ответственность».

Фонарь в культуре: от циклического времени к разрыву

В художественном и философском дискурсе фонарь также становится точкой преодоления ключевых оппозиций, прежде всего – линейного и циклического времени, смысла и бессмыслицы, горизонтали и вертикали. В стихотворении А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (1912) фонарь – часть застывшего, кошмарного пейзажа «страшного мира». Его «бессмысленный и тусклый свет» освещает не путь, а безысходный цикл «умрёшь — начнёшь опять сначала». Здесь свет не противостоит тьме небытия, а, наоборот, подчеркивает ее, выхватывая из мрака абсурдную повторяемость. Фонарь становится соучастником метафизического тупика, преодолевая оппозицию жизни и смерти, поскольку освещает сам механизм их бессмысленной смены.

У В. Маяковского фонарь оказывается футуристическим вариантом архетипа мирового древа [10, с. 19], соединяя горизонталь улицы с вертикалью неба. Противоположный, но также синтезирующий образ дает детективный жанр, в частности, российский сериал «Улицы разбитых фонарей» (1998–2019). Разбитый фонарь – это уже не рабочий инструмент порядка, а знак его нарушения, сбой, возникшей лакуны в системе контроля. Однако именно эта точка поломки становится местом события, расследования, восстановления смысла. Фонарь здесь – место встречи устоявшегося порядка и вторгшегося хаоса, а его не-рабочее состояние запускает процесс, ведущий к новому синтезу – раскрытию тайны и восстановлению справедливости.

Особый путь преодоления инструментального восприятия фонарщика демонстрирует хасидская мистическая традиция, где этот образ получил глубокое духовное измерение. В притчах, восходящих к учению рабби Исраэля Бааль-Шем-Това, фонарщик предстает не как служитель муниципальной системы, а как аллегория духовного наставника-цадика. Его задача – не просто зажечь уличный фонарь, а «зажечь души», найти «закопченные светильники» – заблудшие или утратившие веру сердца – и вернуть им способность гореть. В этой парадигме преодолевается ключевая оппозиция внешнего и внутреннего: действие с материальным объектом становится сакральным актом, направленным на преобразование невидимой реальности.

Этот мистический образ оказал глубокое влияние на светскую литературную традицию Центральной и Восточной Европы. Ярчайшим воплощением этой рецепции стала новелла Генрика Сенкевича «На маяке» (1881), в которой образ фонарщика приобрел черты культурного хранителя и меланхолического странника. Ее герой, старый поляк-скиталец Скавинский, получая должность смотрителя маяка на далеком острове, воспринимает ее как последнее пристанище и высшее призвание — хранить свет в океане тьмы. Сюжетная катастрофа наступает в момент, когда он, получив том «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича, погружается в чтение, охваченный волной национальной памяти, и забывает зажечь маяк. Это экзистенциальный конфликт двух «светов»: внутреннего, духовного света памяти и внешнего, практического долга. В его реальности эти света оказываются взаимоисключающими: вспыхнувшая внутренняя жизнь приводит к катастрофическому угасанию внешнего, функционального света.

Одноименный рассказ Болеслава Пруса (1909) — философская притча, где фонарщик лишен не только имени и лица, но и самой материальности. Он — «существо, показывающееся лишь в сумерки, зажигающее огонь, а затем исчезающее, как тень». Его ежевечерний ритуал борьбы с «армией теней» — это аллегория сизифова труда культуры против хаоса и небытия. В отличие от хасидского цадика, прусский фонарщик лишен не только голоса, но и какой-либо коммуникации с миром, который он освещает. Его бытие полностью исчерпывается невидимым для других актом творения видимости. Это уже не человек с фонарем, а фонарь, принимающий форму человека – предельное воплощение идеи медиации. Фонарщик — меланхолический цивилизатор, последний алхимик в мире машин, анонимный маг урбанистического ритуала.

Фонарь как гибридный объект

Предыдущие разделы наглядно продемонстрировали, как уличный фонарь постоянно ускользает от однозначных категориальных определений. Он не является ни чисто техническим артефактом, ни исключительно культурным символом, ни просто элементом инфраструктуры. Для его адекватного описания необходима концепция, преодолевающая эти дуализмы. Такой концепцией может стать понимание фонаря как «гибридного объекта» или «квази-объекта» [4; 5], который существует не сам по себе, а как узел в сети гетерогенных связей.

Фонарь как гибридный объект — это материальный синтез, постоянно порождаемый и поддерживаемый пересечением разнородных траекторий: технологической (металл, стекло, принципы горения или электрического разряда); природной (сопротивление материалов, погодные условия, циклы дня и ночи); социальной (муниципальные указы, труд фонарщика, налоги горожан, практики безопасности); семиотической и мифопоэтической (культурные коды, литературные образы, мистические аллегории, коллективные страхи и надежды).

Фонарь не «имеет» эти аспекты — он есть их сплетение в конкретной точке пространства-времени. Газовый фонарь XIX века был гибридом химической реакции, колониальной экономики, полицейской дисциплины и романтической меланхолии. Электрический фонарь — гибриды электродинамики, капиталовложений городской управы, эстетики модернизма и экзистенциальной тоски, описанной Блоком. Его цветовая кодировка — не свойство, а эффект взаимодействия технологии, социальных конвенций и психофизиологии восприятия.

В этом ключе фигура фонарщика предстает не как человек, «обслуживающий» объект, а как обязательный человеческий компонент самого гибрида в определенную историческую эпоху. Его исчезновение с автоматизацией — не устранение человека из системы, а замена одного типа актора (рабочий с лестницей) на другой (инженер-электрик, диспетчер цифровой сети). Гибрид не разрушается, а пересобирается, включая в себя новые элементы: датчики движения, программное обеспечение, алгоритмы энергосбережения.

Таким образом, сила культурфилософского подхода к фонарю заключается в его способности материализовать сетевое мышление, далекое от простых оппозиций. Фонарь заставляет нас видеть мир как плоскость сборок, где кажущиеся стабильными объекты на деле являются динамическими узлами, чье существование зависит от постоянного поддержания связей между законами физики, экономическими потоками, поэтическими образами и повседневными практиками. Такая гибридная онтология позволяет окончательно преодолеть все рассмотренные ранее простые оппозиции. Свет фонаря — это не победа культуры над природной тьмой, а новая гибридная реальность, где электрический разряд становится смыслом, а коллективный страх — частью городского ландшафта. Фонарь — это не метафора, а конкретный артефакт, в котором и через который сплетаются и творятся миры.

* * *

Проведенный анализ позволяет утверждать, что философия уличного фонаря не исчерпывается его ролью медиатора бинарных оппозиций. Напротив, фонарь предстает как материальный оператор синтеза, сложный гибридный объект, в узле которого сходятся и трансформируются разнородные элементы.

Историко-технологический случай России показывает, как фонарь становится полем культурного синтеза, где заимствованные формы наполняются новым содержанием, порождая уникальные, опережающие модели (Царское Село). Расширенный анализ цветовых кодировок света — от сакральных практик Китая до био-социального синего Японии — окончательно убеждает в том, что фонарь является ключевым семиотическим ресурсом города. Он не просто делает пространство видимым, но наделяет его сложными, культурно-специфическими значениями, преодолевая универсалистские претензии чистой технологии. Неевропейские контексты (практики коллективного освещения в Японии, мифологические практики в Китае) предлагают альтернативные, небинарные модели организации световой среды, основанные на общинной, а не государственной логике. Наконец, художественные репрезентации (Блок, Маяковский, Сенкевич, Прус) раскрывают способность фонаря быть точкой схождения и трансформации времени, памяти, смысла и бессмыслицы.

Сквозь призму концепции фонаря как гибридного объекта весь предшествующий анализ обретает единое теоретическое основание. История его технологических трансформаций, семантика цветовых кодов, литературные и мистические метаморфозы — все это предстает не как ряд внешних интерпретаций, а как внутренние, конститутивные связи самой сети, материальным узлом которой является фонарь. Его культурологическая значимость заключается в том, что он, будучи самым обыденным элементом урбанистической среды, принудительно демонстрирует нам неразрывность того, что традиционная мысль привыкла разделять: материи и значения, техники и мифа, власти и поэзии, природы и города. Фонарь как гибрид — это молчаливый манифест неклассической культурологии, утверждающей, что мы живем не среди готовых объектов, а в процессе их перманентной сборки из гетерогенных элементов.

Если бы фонарь мог говорить, его речь звучала бы примерно так: «Я — свидетель и соучастник. Я не истина (солнце) и не заблуждение (тьма). Я — условие видимости пути в нынешний час. Я создаю пространство встречи и одиночества, договора и преступления. Я — точка сборки городского практического нарратива: подо мной признаются в любви, теряют ключи, назначают свидания, совершают сделки. Я — аванпост человеческого мира в царстве нечеловеческого времени. Мой свет — это приглашение к форме, но и напоминание о бездне, которая начинается сразу за его границей. Фонащик, зажигающий меня, — мой жрец и пленник; горожанин, идущий в моем круге, — мой соавтор. Мы вместе пишем бесконечную поэму порядка на фоне вечного хаоса. Я горю, следовательно, мы существуем — здесь и сейчас, в этом оазисе ясности, купленном ценой вечной бдительности».

Таким образом, фонарь оказывается ключевой фигурой неклассической культурологии города. Он не разделяет, а соединяет; не противопоставляет свет тьме, а создает из их смешения новое качество пространства — пространство возможности, события и постоянного становления. Он материализует принцип «и-и», преодолевая логику исключаящего «или-или», и в этом его главный культурфилософский потенциал для осмысления современного города как пространства сложных, нередуцируемых гибридов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Боровских, В. А. Противоборство газового и электрического освещения: история технологий / В. А. Боровских // Вестник Костромского государственного университета. — 2025. — Т. 31, № 1. — С. 124–131. — DOI 10.34216/1998-0817-2025-31-1-124-131.
- [2] Болдырева, Е. М., Асафьева, Е. В. Культурная символика образа фонаря в русской и китайской поэзии. Часть 1 // Ярославский педагогический вестник. — 2023. — № 4(133). — С. 218–229. — DOI 10.20323/1813-145X_2023_4_133_218.
- [3] Вирильо, П. Машина зрения / П. Вирильо ; пер. с фр. А. В. Шестакова. — Санкт-Петербург : Наука, 2004. — 144 с.
- [4] Латур, Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. — Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. — 240 с.
- [5] Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур ; пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко. — Москва : ВШЭ, 2014. — 384 с.
- [6] Митник, М. А. Люстра как вид потолочного светильника и ее типологические особенности (вторая половина XVII века — первая половина XIX века). Ч. 2: Россия / М. А. Митник // Артикульт. — 2019. — № 1(33). — С. 50–59. — DOI 10.28995/2227-6165-2019-1-50-59.
- [7] Подорога, В. А. Вопрос о вещи: опыты по аналитической антропологии / В. А. Подорога. — Москва : Grundrisse, 2016. — 407 с.
- [8] Стародубцева, Л. В. Философия «от фонаря» / Л. В. Стародубцева // Вопросы философии. — 2003. — № 2. — С. 171–180.
- [9] Семенович, Г. Л. Уличное освещение города С.-Петербурга: очерк развития освещения столицы с ее основания по 1914 г. / Г. Л. Семенович. — Петроград, 1914. — 42 с.
- [10] Силаева, М. В. Несколько слов о фонарях: к вопросу о многоаспектности образной системы В. Маяковского / М. В. Силаева // Отечественная филология. — 2023. — № 3. — С. 18–25. — DOI 10.18384/2310-7278-2023-3-18-25.
- [11] Ashihara, Y. The Hidden Order: Tokyo through the Twentieth Century / Y. Ashihara. — Tokyo : Kodansha International, 1989. — 158 p.
- [12] Bogard, P. The End of Night: Searching for Natural Darkness in an Age of Artificial Light / P. Bogard. — New York : Little, Brown and Company, 2013. — 420 p.

[13] Jinnai, H. Tokyo: A Spatial Anthropology / H. Jinnai. – Berkeley : Univ. of California Press, 1995. – 236 p.

[14] Matsubayashi, T. Does the Installation of Blue Lights on Train Platforms Prevent Suicide? / T. Matsubayashi, M. Ueda, K. Yoshikawa // Journal of Affective Disorders. – 2013. – Vol. 147. – P. 42–47. – DOI 10.1016/j.jad.2012.10.001.

[15] Schivelbusch, W. Disenchanted Night: The Industrialization of Light in the Nineteenth Century / W. Schivelbusch. – Berkeley : Univ. of California Press, 1988. – 227 p.

THE STREETLAMP: MAKING OF RUSSIAN LIGHT IN THE CULTURAL SPACE OF THE CITY

Markov Alexander Viktorovich,

D.in Philology, Full Professor,
Russian State University for the Humanities (Moscow)

Shtayn Oksana Alexandrovna,

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Abstract. This article offers the first sustained cultural-philosophical examination of the streetlamp as a complex and multifaceted phenomenon within Russian and global urban culture. Moving beyond its conventional interpretation as a mere utilitarian device, the authors argue that the streetlamp functions as an active agent in the formation of the city's cultural code—a nodal point where technological innovation, social practice, and artistic imagination intersect. Particular attention is devoted to Russia's distinctive trajectory in the history of illumination, from Peter the Great's "standard lanterns" of 1718 to Tsarskoye Selo's emergence in 1896 as the first fully electrified city in Europe. This history reveals how imported European technologies were not simply replicated but fundamentally reinterpreted within the Russian context, becoming embedded in the military, administrative, and aesthetic logics of imperial state-building. Through readings of Russian poetry (Blok, Mayakovsky), the article demonstrates how the image of the lantern becomes central to existential and historiosophical reflection. Introducing the concept of the "hybrid object," the authors show that the streetlamp materializes the inextricable entanglement of technology, myth, social ritual, and aesthetic experience. The philosophy of the streetlamp, it is argued, constitutes a practical philosophy of Russian culture itself—a culture capable of synthesizing heterogeneous elements and fashioning an anthropogenic cosmos from the most ordinary elements of the urban environment.

Key words: Russian cultural code, streetlamp, semantics of light, history of lighting in Russia, Tsarskoye Selo, urban anthropology, lamplighter, Alexander Blok, hybrid object, universal responsiveness.

REFERENCES

1. Ashihara Y. *The Hidden Order: Tokyo through the Twentieth Century*, Tokyo, Kodansha International, 1989, 158 p.
2. Bogard P. *The End of Night: Searching for Natural Darkness in an Age of Artificial Light*, New York, Little, Brown and Company, 2013, 420 p.
3. Boldyreva E.M., Asafyeva E.V. Kul'turnaya simbolika obraza fonarya v russkoi i kitaiskoi poezii. Chast' 1 [Cultural symbolism of the lantern image in Russian and Chinese Poetry. Part 1], *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2023, no. 4 (133), pp. 218–229, DOI 10.20323/1813-145X_2023_4_133_218.
4. Borovskikh V.A. Protivoborstvo gazovogo i elektricheskogo osveshcheniya: istoriya tekhnologii [Confrontation of gas and electric lighting: history of technologies], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 124–131, DOI 10.34216/1998-0817-2025-31-1-124-131.
5. Jinnai H. *Tokyo: A Spatial Anthropology*, Berkeley, Univ. of California Press, 1995, 236 p.
6. Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We have never been modern. Essays on symmetrical anthropology], Saint Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2006, 240 p.
7. Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory], Moscow, VSE, 2014, 384 p.
8. Matsubayashi T., Ueda M., Yoshikawa K. Does the installation of blue lights on train platforms prevent suicide?, *Journal of Affective Disorders*, 2013, vol. 147, pp. 42–47, DOI 10.1016/j.jad.2012.10.001.

9. Mitnik M.A. Lyustra kak vid potolochnogo svetil'nika i ee tipologicheskie osobennosti (vtoraya polovina XVII veka – pervaya polovina XIX veka). Chast' 2 Rossiya [Chandelier as a Type of ceiling lamp and its typological features (second half of the 17th century – first half of the 19th Century). Part 2 Russia], *Artikult*, 2019, no. 1 (33), pp. 50–59, DOI 10.28995/2227-6165-2019-1-50-59.
10. Podoroga V.A. *Vopros o veshchi: opyty po analiticheskoi antropologii* [Question of the thing: experiments in analytical anthropology], Moscow, Grundrisse, 2016, 407 p.
11. Schivelbusch W. *Disenchanted Night: The Industrialization of Light in the Nineteenth Century*, Berkeley, Univ. of California Press, 1988, 227 p.
12. Semenov G.L. *Ulichnoe osveshchenie goroda S.-Peterburga: ocherk razvitiya osveshcheniya stolitsy s ee osnovaniya po 1914 g.* [Street Lighting of the city of St. Petersburg: An Essay on the development of lighting of the capital from its foundation to 1914], Petrograd, 1914, 42 p.
13. Silaeva M.V. Neskol'ko slov o fonaryakh: k voprosu o mnogoaspektnosti obraznoi sistemy V. Mayakovskogo [A Few Words about Lanterns: On the Question of the Multidimensionality of V. Mayakovsky's Image System], *Otechestvennaya filologiya*, 2023, no. 3, pp. 18–25, DOI 10.18384/2310-7278-2023-3-18-25.
14. Starodubtseva L.V. Filosofiya "ot fonarya" [A "flashlight" philosophy], *Voprosy filosofii*, 2003, no. 2, pp. 171–180.
15. Virilio P. *Mashina zreniya* [Vision Machine], Saint Petersburg, Nauka, 2004, 144 p.

© Марков А.В., Штайн О.А., текст, 2026
Статья поступила в редакцию 01.06.2026.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка для цитирования:

Марков, А. В., Штайн, О. А. Уличный фонарь: созидание русского света в культурном пространстве города. – DOI 10.34685/НЛ.2026.30.84.012 // Культурологический журнал. – 2026. – № 3(65). – С. 45-52. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/766.html&j_id=69. – Текст : электронный.

**КОМСОМОЛЕЦ НА СОВЕТСКОМ ПЛАКАТЕ 1918–1941 ГГ.:
ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА**

DOI 10.34685/NI.2026.84.34.013

Слесарчук Владислав Алексеевич,

старший научный сотрудник

Нижегородского государственного историко-архитектурного

музея-заповедника (Нижний Новгород)

Email: stalker7503@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена образу комсомольца в советском политическом плакате в предвоенный период (1918–1941). Плакат использовался советской властью в качестве одного из основных средств убеждения населения, обладавшего свойством кратко и доходчиво доносить необходимую информацию. В соответствии с колебанием линии партии изменения претерпевал и образ комсомольца. Автор на широком визуальном материале рассматривает специфику художественных приемов, тем и образов визуальной пропаганды. Язык плаката показывал молодому человеку основные жизненные стратегии в широком диапазоне: от организации досуга до навыков военной службы. Сделан вывод о высокой эффективности визуальной пропаганды, сыгравшей важную роль не только в общепросветительском аспекте, но и подготовке молодежи к Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: комсомол, образ комсомольца, советский плакат, советская пропаганда.

Партийно-государственная пропаганда являлась важной составляющей жизни всего советского общества, особенно в те предвоенные десятилетия, речь о которых идет в заглавии. Далеко не последнее место в системе ее образов и идейных посылов зрителю – рядовому советскому гражданину – занимала модель если не идеального, то «правильного» человека. Правильные советские гражданин и гражданка любого возраста обитали в художественных текстах, живописных полотнах, кадрах кинофильмов, передовицах газет, плакатных листах – словом, в окружавшей человека массовой культуре, создававшейся как единый проект.

Объективная реальность вокруг нас, сложная геополитическая обстановка постсоветского пространства и связанные с этим вызовы заставляют активно исследовать практики социалистического общества, в том числе – советский опыт воспитания «человека созидającego». Несмотря на противоречивые отношения к последнему в наше время, надо признать: советский проект имел как слабые, так и сильные стороны, скрывавшие в себе определенный потенциал, который не был использован должным образом. Комсомол был важной ступенью на жизненном пути молодого человека; помимо поставщика кадрового резерва для партии, Союз молодежи служил местом, где индивид глубже вливался в коллектив, проходя социализацию.

Цель данной работы – подробно исследовать образ советского комсомольца в его развитии в предвоенные десятилетия.

Вкупе с семиотическим разбором визуального материала (один из основных источников – плакаты комсомольской тематики) использован и классический диахронный метод. Также в силу специфики темы считаем необходимым привлечение в качестве инструментария методов диалектики, позволяющей проследить взаимовлияние пропаганды на сознание масс и воплощение соответствующих поведенческих моделей в реальной жизни.

Историография вопроса довольно объемна в части, касающейся более широких аспектов пропаганды. Вопросам образов комсомольской пропаганды посвящены работы А.Н. Соболевой [17; 18]. Проблемы более общих теоретических и практических аспектов создания новой личности затрагивает Е.С. Молостова [11]. Важной составляющей была военная подготовка молодежи, значимой частью

которой был пропагандистский компонент, раскрываемый целым рядом отечественных исследователей: Н.П. Панковым, В.И. Мосеевым, Н.В. Черкуновой [19]. Эффективность механизмов пропаганды так или иначе осмысливается большинством авторов (Н.Б. Арнаутов [1], Н.Н. Билим [2], К.А. Якимов [21]), рассматривающих комсомол в качестве института управления молодым поколением. Если же обращаться к визуальному материалу, то одно из первых фундаментальных исследований советского плаката «по свежим следам» было выполнено В.П. Полонским [15], имевшим непосредственное отношение к системе изобразительной пропаганды в годы Гражданской войны. Б.С. Бутник-Сиверский каталогизировал раннесоветский плакат времен Гражданской войны по темам и авторам [3]. Позднее фундаментальное сочинение по изобразительной пропаганде было создано Г.Л. Демосфеновой [6].

Кроме того, сами мастера советского плаката в жанре соцреализма (В.С. Иванов) показывали создание плаката «изнутри», с особенностями художественной формы и идеологического наполнения [8]. Современные исследователи А.В. Рябов [16] и Н.В. Чаус [19] отмечают, что, учитывая слабую развитость до определенного момента альтернативных средств пропаганды, плакат можно считать одним из главных рупоров государственного голоса. Тематический диапазон его был широк; советскому человеку разъяснялись необходимые базовые постулаты: от функционирования государственной системы СССР и международного положения до аспектов культурно-бытового строительства и узких специализированных тем. В.Ю. Михайлин с соавторами выделяют ряд особенностей воздействия на зрителя, заключающихся в специальных механизмах, усиливающих своего рода «вовлечение» смотрящего в особое художественное пространство, где происходит соответствующее идеологическое перевоспитание [10]. Сравнительный анализ визуального материала Гражданской войны и его стилей проводит Е.А. Орех [13]. Таким образом, важность плаката в качестве коммуникационного канала для зрителей в диапазоне от юности до преклонного возраста, особенно, в первые годы после революции и Гражданской войны, трудно переоценить. Зарубежные исследователи (В. Боннелл [22], П. Кенез [23]) также отмечали эффективность воздействия через визуальную пропаганду, во многом благодаря невысокой грамотности и культурной специфике восприятия изображения.

Многие государственные деятели Страны Советов отдавали себе отчет в важности просвещения миллионов людей путем не только централизованного обучения, но и емкого, лаконичного убеждения в привлекательной внешней форме. Этому служил план монументальной пропаганды [5], тем же самым, но в более стремительном темпе, должен был заняться, в том числе, и советский плакат. Примечательна беседа А.В. Луначарского с В.И. Лениным в 1918 г. относительно конкретных пропагандистских шагов искусства, о которой нарком просвещения рассказал в своих воспоминаниях. По задумке Ленина «надо было украсить здания, заборы и т.п. места, где обыкновенно бывают афиши, большими революционными надписями» [9, с. 306]. Данный шаг действительно представлялся более осуществимым в условиях острой нехватки кадров и ресурсов, особенно в сравнении с затратами на строительство скульптурных изваяний, пусть и небольших. Словом, тогда были намечены основные точки приложения визуальной пропаганды, главным воплощением которой и стал плакат, сочетавший яркий художественный образ в купе с запоминающимся, эффективным лозунгом или текстом.

Плакат в первые годы после революции и в период до Великой Отечественной войны являлся одним из важнейших инструментов пропаганды, учитывая отсутствие во многих местностях кино- и радиофицированных пунктов. Восприятие изображенного на плакате варьировалось в зависимости от местности: если городской житель ранее был как-то приучен к подобному зрелищу пестротой красочных афиш и вывесок улиц, то крестьянин, очевидно, воспринимал плакат острее, учитывая, что в деревенской среде предметы изобразительного искусства встречались в основном в виде икон или лубка. Теперь же, зачастую сохраняя притягивающую художественную форму, необходимо было полностью поменять идейное содержание, сделав его «правильным», отвечающим государственным задачам. Уже упомянутый выше В.П. Полонский писал: «Он [плакат] кричит с забора, со стены, с витрины. Он нагло прыгает прохожему в зрачки. Хочет прохожий того или не хочет, занят он или нет, спешит или убивает время – плакат внимание на себя обратил. <...> Его задача – выйти из ряда, пробиться вперед из массы листов, афиш, объявлений, облепивших заборы и стены. И то, что хочет, плакат должен сказать в один прием, без разжевыванья, без размышлений» [15, с. 7]. В этом экспрессивном описании, тем не менее, доходчиво описаны основные преимущества плаката – «ударное» воздействие на зрителя, яркая гамма, выделяющаяся на общем фоне, возможность тиражирования и широкого распространения. Последнее было особенно важным в условиях невысокой

грамотности населения. Предположим, что именно в силу указанных причин: дефицита привлекательного визуального материала, отсутствия «насмотренности» и богатого зрительского опыта, – более или менее профессионально исполненное изображение на плакате воспринималось ярче, чем информация по обычному каналу связи, будь то спешно нарисованный лозунг или речь агитатора (что, впрочем, не исключает дополнения одного другим).

О восприятии плакатного искусства зрителем тех лет наглядно говорят не только воспоминания, но и художественные тексты – например, повесть А. Рыбакова «Кортик» (1948), один из главных героев которой замороженно рассматривает агитплакаты на стене вагона военного эшелона, «в картинках» рассказывающие о ходе революции, Гражданской войны и интервенции, – все это показывает универсальность воздействия изображения как на взрослую, так и малолетнюю аудиторию. Вероятнее всего, в этом отрывке нашел отражение личный опыт автора, чьи детские впечатления легли в основу текста.

Известны также примеры мотивации с помощью плакатов и более взрослого зрителя – и, несмотря на относительную конъюнктурность источника, они достаточно показательны для своего времени. Так, в прошедшем «литературную обработку» коллективном сборнике мемуаров бывших участников Волжской военной флотилии описывается эпизод на Сормовском заводе, когда в критические месяцы 1918–1920 гг. вопрос с невыполнением производственного плана решается агитаторами путем именно визуальной пропаганды: «Сними в конторе бесполезно висящий плакат с красным красноармейцем и приколи его против рабочего места того формовщика. Пусть красноармеец спросит его: “Что ты сделал для фронта?”. Через день этот формовщик дал выработку в три раза больше» [4, с. 208]. Притчей во языцех стал известный плакат Д. Моора «Ты записался добровольцем?» (1920) и почти сверхъестественная способность изображенного на нем красноармейца смотреть зрителю прямо в глаза благодаря простому, но эффектному художественному приему.

Комсомолец в качестве главного героя плаката (и сам комсомольский плакат как таковой) фиксируются уже в годы Гражданской войны. Плакат предлагал несколько моделей поведения конкретно для молодого строителя коммунизма: в начальный период Гражданской войны и становления советской власти – солдат, по первому требованию партии встающий на защиту социализма; в более размеренной, мирной обстановке – активный член и строитель социалистического общества, способный выступить в качестве политагитатора; технически подкованный, инициативный гражданин – причем владеющий разнообразными навыками как в мирной, так и военной сфере. Готовность встать в строй не отменяла одновременной необходимости осваивать азы грамоты (в т.ч. политической), о чем говорят многие плакаты предвоенного периода. Приметой времени служит апелляция к международному молодежному движению в лице КИМ (Коммунистического интернационала молодежи) – отголосок несостоявшейся общеевропейской революции. Ранние выявленные листки несут на себе следы творческого поиска и «разноголосицы» первых послереволюционных лет. Технически они исполнены на весьма различных уровнях, что, опять же, говорит о нехватке ресурсов и обученных художественных кадров. Также при выявлении следует учесть, что на первых порах могли иметь место локальные варианты плакатов, не расходившиеся дальше территории какой-либо губернии, в отличие от более поздних массовых образцов.

В большей степени плакат показывал человеку его дальнейшие жизненные стратегии. Широко применялся метод визуального противопоставления: например, плакат «Иди в наш стан, пока не поздно. Учись работать, жить учись!» (неизв. автор, 1919; ГК-2371906; здесь и далее приводятся ссылки на индивидуальный номер предмета в Государственном каталоге Музейного фонда РФ. – В.С.) выстраивает подобную антитезу через показ разных условий труда и рабочего досуга до революции и в новом обществе, сопровождая картины нового быта поэтическим комментарием Д. Бедного. «Читая» визуальный текст слева направо, зритель через неприглядные картины плохой организации труда и повального пьянства после работы приходит к «норме» в виде колонны рабочих, идущих в опрятное здание с красным флагом (клуб) на фоне ровных шеренг заводских труб. Похожую схему противопоставления старого и нового быта использует работа «Юноши и девушки! Все в союз коммунистической молодежи!» (Н. Купреянов, 1920–1921; ГК-44178823). На плакате неизвестного автора «К пролетарской молодежи» (1920; Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (далее – НГИАМЗ). ГОМ-15446/33) сопоставление пролетариата России и Запада (где наглядно демонстрируются преимущества первого) усилено за счет опять-таки поэтического текста, призывающего к вступлению в РКСМ. Несколько оторванной от общего контекста выглядит

лаконичная работа «Все под красное знамя Союза» (Г. Любарский, 1920), выполненная в более символистском ключе, изображающая двух полуобнаженных антикизированных (стилизованных под античность. – Ред.) юношей под огромным алым стягом.

Ранний период комсомольского плаката активно задействовал интернационалистский контекст, вовлекая отечественный Союз молодежи в общемировой процесс классовой борьбы; советская молодежь получала напоминание о наличии аналогичных прогрессивных движений за рубежом (в 1919 г. была учреждена молодежная секция Коминтерна). Художественно плакаты на данную тему

использовали мотив единения в цепь трудящейся молодежи всего мира подчеркнуто разных национальностей (работы «Да здравствует международный праздник молодежи» (неизв. автор, 1917–1922; ГК-44671988), «Коммунистический интернационал молодежи – заря будущего» (неизв. автор, 1920-е), «КИМ наше знамя» (А. Страхов-Брацлавский, 1925) или одиночной фигуры, поднимающей народные массы, топчущие символику старого, «капиталистического» мира («Коммунистический интернационал молодежи зовет в свои ряды угнетенную молодежь всех стран» (неизв. автор, 1921–1925; ГК-23689087)) (Рис. 1). Центральный персонаж здесь имеет подчеркнуто «рабочее» происхождение, при этом художественно отличаясь от масс лишь более подробной проработкой деталей.

Одним из главных по значимости и повторяемости на плакате концептов была тема готовности к мобилизации и активному участию в жизни вооруженных сил. В годы Гражданской войны это выражалось в прямом призыве к вступлению в ряды армии («Красная молодежь должна уничтожить польскую помещичью гадину, чтобы вернуться скорее к труду» (неизв. автор, 1918–1920)), в авангардном стиле сочетания ярких цветовых пятен и ломаных линий. Дальнейшее развитие темы

сконцентрировалось на пропаганде поддержки армии и флота, тем более что на V съезде РКСМ (1922) комсомол официально взял шефство над РККА. Иногда это композиционно сложное произведение, структурно представляющее инфографику: например, в работе «Комсомол – шеф над красным флотом» (неизв. автор, 1924; ГК-20521598), с использованием новаторского на тот момент приема фотоколлажа (сочетание рисунка и фото реальных людей и объектов). Идеино сюда же примыкают темы всеобщего и военной подготовки.

Количество соответствующих печатных листов гораздо больше уже в следующее десятилетие. Символически они зачастую содержат образы идеализированных молодых людей в сочетании с демонстрацией тактических навыков, необходимых для усвоения («Каждая комсомолка должна овладеть боевой техникой обороны СССР» (М. Бри-Бейн, 1932; ГК-14315274); «Комсомольцы! Военный экзамен сдадим на отлично» (Н. Кочергин, 1934); «Комсомольцы! Выполним требования товарища Ворошилова» (В. Елкин, 1932; ГК-13627429) или же непосредственно военная техника (как правило, самолет): показательна работа «Молодежь – на самолеты» (Г. Клуцис, 1934), где едва ли не довлеющее положение на плакате занимает самолет-гигант АНТ-20, на который обращены взоры советской молодежи, призванной «освоить» чудо инженерной мысли. Связка «молодежь – техника» (самолет, трактор, станок или же общий индустриальный пейзаж) в принципе является расхожей не только на плакате, но и шире – в изобразительном искусстве (что, на наш взгляд, является задачей для отдельного исследования), дополнительно подчеркивая прогрессивный характер молодого поколения и роли, которая на него возлагалась в то время.

К началу 1930-х гг. относится важная веха в эволюции плаката как инструмента пропаганды: выход постановления ЦК ВКП(б) «О плакатной литературе» (1931), введившего более упорядоченные механизмы создания, утверждения агитматериалов, которыми отныне занимался ИЗОГИЗ. Данный

документ необходимо рассматривать в контексте общих процессов начала 1930-х гг. по централизации работы «инженеров человеческих душ»: кинематографистов, писателей, художников. В одном из посвященных плакатному искусству изданий его авторы отмечали по-прежнему сохранявшиеся проблемы в этой сфере: неясные лозунги, формалистские приемы, отсутствие кадров, слабая работа по адаптации визуальных материалов для национальных республик [7]. Любопытно, что авторы сборника критикуют в принципе творческий метод создания плакатов по сравнению с годами Гражданской войны, объясняя это тем, что если десятилетием ранее для огромной массы людей плакат был чем-то прогрессивным, то в 1930-е гг. он уже является обыденностью, не имеющей такого сильного воздействия на массы [Там же, с. 116]. Замечание можно считать отчасти справедливым, учитывая постепенное распространение в это время радио и кино, однако, на наш взгляд, технические новшества в жизни советского человека не конкурировали с традиционным плакатом, а, скорее, дополняли и усиливали его сигналы.

Пропаганда участия комсомольцев во всех кампаниях новой власти перетекает из предыдущего десятилетия далее, в 1930-е гг. Группа плакатов с призывами к проявлению своей активности довольно разнообразна: здесь фигурирует промкооперация: «Комсомол, готовь культурных кооперативных работников» (неизв. автор, 1927; ГК-12032322), «Комсомольцы! Усильте свое участие в кооперации...» (В. Гранди, 1926–1929; ГК-53970445); почину в области организации сельского хозяйства: «Комсомольцы, в первые шеренги в борьбе за большевистские темпы, за овладение техникой, за организационно-хозяйственное укрепление колхозов» (В. Люшин, 1932; ГК-11968910), «Комсомольцы – в первые ряды большевистского ударного сева» (К. Елисеев, 1930; ГК-49685608), «Коммунисты, комсомольцы и ударники колхозов, совхозов и МТС, овладевайте агротехникой, укрепляйте колхозные бригады, боритесь за высокий урожай, за своевременное выполнение производственных заданий!» (Б. Шварц, 1933; ГК-48184883), «Комсомолец, изучай и береги трактор» (неизв. автор, 1930-е; ГК-46123313), «100 процентов деревенских комсомольцев – в колхоз» (неизв. автор, 1930; ГК-35415215). Особенно ярким выглядит последний образец, где символическим указующим жестом рабочий направляет колонны комсомольцев под красными знаменами на обработку целины; отражением процесса механизации служит повторяющийся ритмичный мотив трактора как символа прогресса. Притом механизм не представлен «вещью в себе» – изображенный в связке с комсомольцем-трактористом он предстает инструментом преобразования действительности на социалистических принципах.

Отдельной категорией в плакатном искусстве выступает сюжет, прославляющий сам по себе комсомол, международное молодежное движение, а шире – правильно организованную молодежь, занятую созидательным трудом, интеллектуально и физически развитую, которая всегда находит себе применение в рамках советского общества, равно как и готова выполнить любое указание руководства. Работы вкупе с лозунгами, таким образом, должны были подчеркнуть высокую ответственность звания комсомольца, напоминая о преемственности от старших к младшим – партии и пионерии. Подобные нарративы прослеживаются все предвоенные десятилетия: «Да здравствует комсомол!» (А. Самохвалов, 1924, (Рис. 2); НГИАМЗ. ГОМ-23498/10), «За многомиллионный Ленинградский комсомол!» (С. Сенькин, 1931; ГК-56277625), «Весь комсомол – одна ударная бригада» (неизв. автор, 1931; ГК-11967960), «Комсомол – ударная бригада пятилетки» (В. Люшин, 1931; ГК-46457494), «Ленинскому комсомолу достойную смену» (С. Сенькин, 1933; ГК-14314091), «Да здравствует многомиллионный дважды орденоносный Ленинско-Сталинский комсомол!» (А. Мартынов, 1938; ГК-51375986), «Шагай вперед, комсомольское племя...» (Е. Мельникова, 1938; ГК-46125665), «Комсомольский билет – ответственнейшее обязательство...» (неизв.

автор, 1932; ГК-14396144). Молодые люди изображены коллективно, порой может быть выделен один или несколько человек, но всегда они мыслятся как часть целого: бригады, экипажа, праздничной колонны и т.п. Выделялась ответственность держателя комсомольского билета, выделенного в качестве знаковой, почти сакральной вещи. Как правило, сюжетно значимые символы, персонажи размещены в центральной части композиции, привлекающей внимание зрителя. Подчеркнута обязанность участия в локальных выборах в органы власти – хотя подобный сюжет нельзя назвать слишком распространенным (в отличие от визуализаций тем труда, военной службы, саморазвития) и

приурочен был он, как правило, к конкретным выборам, например, в Верховный Совет: «За счастливую юность голосует советская молодежь!» (В. Корецкий, 1937; ГК-36602224).

Стоит также выделить исключительно текстовый вариант, который, обладая пусть и не такой силой воздействия, как классический печатный плакат, тем не менее, был в употреблении. Можно заметить, что в некоторых случаях текст воспроизводил лозунг какого-либо известного плаката, что позволяет предположить их бытование в качестве своеобразного усиления или «напоминания» зрителю уже известного ему красочного листка. Очевидно, что подобные постеры могли быть выполнены для агитации на местах без привлечения профессиональных художников: «Коммунистический союз молодежи – залог великого будущего советской России!» (1920-е; ГК-28005672), «Да здравствует Ленинский комсомол – шеф морского и воздушного флота» (1930-е; ГК-14591119), «Да здравствует комсомол – верный помощник большевистской партии!» (1939; ГК-16825489), «Девушка, работница и крестьянка, иди в ряды комсомола...» (1928; ГК-32955641), «Коммунистический интернационал молодежи – заря будущего» (1920-е; ГК-10029914), «Профсоюзы и комсомол должны усилить работу...» (1928–1932, *Рис. 3*; НГИАМЗ. ГОМ-2747/45), «Комсомолец, что ты сделал для успешного выполнения финансового плана?» (1928–1932, *Рис. 4*; НГИАМЗ. ГОМ-2747/136), «Комсомолец! – будь застрельщиком...» (1928–1932, *Рис. 5*; НГИАМЗ. ГОМ-2748/111). В целом же подобный вид источника в силу его специфики (не столько плакат, сколько в большей степени листовки) можно рассматривать в качестве отдельного объекта исследования.

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Таким образом, плакат всецело был подчинен задачам политики государства по разным направлениям. После стихийного всплеска работ в разных стилях в 1920-е гг. в следующее десятилетие создание плаката становится более контролируемым процессом, растет его тематический охват, стиль находит свою сдержанную, но доходчивую интонацию; вместе с тем все более заметна подготовка к возможным военным конфликтам. Авангардные, яркие работы постепенно уступают место более сдержанным постерам в жанре соцреализма. Плакат показывал в

основном идеализированную картину реальности, которую, однако, стоит на наш взгляд воспринимать не только как соцреалистическую «лакировку действительности», а в качестве призыва к конструктивному изменению зрителем этой самой действительности в лучшую сторону. Главные герои, без которых немислимы все позитивные изменения – юный комсомолец (комсомолка) улыбки, физически здоровы, изображены в процессе труда (социально одобряемого и понятного зрителю) или в статичной позе, выражающей уверенность и спокойствие. Если написанный художником образ был идеализированным (хотя и отталкивался, вероятно, от реальных натурщиков), то использование техники фотомонтажа приносило в плакат толику документальности и реализма. С отпечатка смотрел на зрителя уже не абстрактный персонаж, а живой человек, с которым было проще себя отождествлять. Плакат в 1930-е гг. воздействовал не сам по себе, но в единой образной системе пропаганды, донося в связке вместе с другими артефактами культуры и искусства общий посыл. Плакаты же последующего периода – 1940-х гг. – усиливали и актуализировали уже заложенные десятилетием ранее поведенческие модели в экстремальных условиях военного времени.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арнаут, Н. Б. Система образов в агитационно-пропагандистских кампаниях консолидационного типа (1935–1937 гг.) // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2013. – С. 348–366.
- [2] Билим, Н. Н. Молодёжная политика СССР и её реализация на Советском Дальнем Востоке (ноябрь 1922 г. – июнь 1941 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Астрахань, 2015. – 38 с.
- [3] Бутник-Сиверский, Б. С. Советский плакат эпохи Гражданской войны. 1918–1921. – Москва : Всесоюз. кн. палата, 1960. – 695 с.

- [4] Вспоминая былые походы : Сборник воспоминаний ветеранов Волж. Воен. флотилии (1918–1920). – Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1968. – 216 с.
- [5] Декрет о памятниках Республики // Электронная библиотека исторических документов : сайт. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9065-dekrety-sovetskoj-vlasti-t-ii-17-marta-10-iyulya-1918-g#mode/inspect/page/104/zoom/4> (дата обращения: 01.01.2026).
- [6] *Демосфенова, Г. Л.* Советский политический плакат. – Москва : Искусство, 1962. – 442 с.
- [7] За большевистский плакат. Задачи изоискусства в связи с решением ЦК ВКП(б) о плакатной литературе. – Москва : ОГИЗ; Ленинград : ИЗОГИЗ, 1932. – С. 26-29.
- [8] *Иванов, В. С.* Советский политический плакат. – Москва : Искусство, 1952. – 72 с.
- [9] Ленин о культуре и искусстве : сб. ст. / сост. *М. Лифшиц*. – Ленинград : Изогиз, 1938. – 324 с.
- [10] *Михайлин, В. Ю.* Шершавым языком : антропология советского политического плаката / В. Ю. Михайлин, Г. А. Беляева, А. В. Нестеров. – Саратов ; Санкт-Петербург : Лиска, 2013. – 124 с. – (Труды Лаборатории исторической, социальной и культурной антропологии. Вып. 20).
- [11] *Молостова, Е. С.* Модели «нового человека» в советский период: подступы к трансгуманизму // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – Т. 28, № 9(180). – С. 168-175.
- [12] *Мосеев, В. И.* Военно-патриотическое воспитание и подготовка молодежи к защите Отечества в 1921–1941 гг.: на материалах Петрограда-Ленинграда и Ленинградской области: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Санкт-Петербург, 2002. – 190 с.
- [13] *Орех, Е. А.* Гражданская война в образах визуальной пропаганды. – Санкт-Петербург : Скифия-Принт, 2018. – 176 с.
- [14] *Панков, Н. П.* Военно-патриотическое воспитание советской молодежи в 1929 – июнь 1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Москва, 2013. – 21 с.
- [15] *Полонский, В. П.* Русский революционный плакат. – Москва : Гос. изд-во, 1925. – 192 с.
- [16] *Рябов, А. В.* Из истории советского политического плаката // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2017. – № 1. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/07SFK117.pdf>. – Текст : электронный (дата обращения: 01.01.2026).
- [17] *Соболева, А. Н.* Пропаганда как форма воспитания советской молодежи в 1920–1930-е гг.: на материалах Бурят-Монгольской АССР // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12(74). Ч. 1. – С. 165-168.
- [18] *Соболева, А. Н.* Формирование образа героя и врага у советской молодежи в 1920 и 1930-е гг. // Политика и общество. – 2017. – № 10. – С. 78-87;
- [19] *Чаус, Н. В.* Советские плакаты 1917–1920 гг. – основное средство пропаганды социалистической идеологии // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – №6(22). – С. 220-223.
- [20] *Черкунова, Н. В.* Формирование образа героя в 1930-е гг. в СССР как способ военизации сознания молодежи // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 1085-1088.
- [21] *Якимов, К. А.* Особенности политического воспитания в комсомоле 1937–1938 гг. // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 5. – С. 148-165.
- [22] *Bonnell, V. E.* Iconography of Power: soviet political posters under Lenin and Stalin. – University of California Press, 1998. – 385 p.
- [23] *Kenez, P.* The Birth of the Propaganda State. Soviet methods of mass mobilization, 1917–1929. – Cambridge University Press, 1985. – 328 p.

YOUNG COMMUNIST ON A SOVIET POLITICAL POSTER: MAIN PECULIARITIES AND EVOLUTION OF THE IMAGE (1918–1941)

Slesarchuk Vladislav Alexeevich,
Senior Researcher, Nizhny Novgorod State Historical
and Architectural Museum Reserve(Nizhny Novgorod)

Abstract. The article is devoted to the image of a young communist (Komsomol member) in Soviet political posters during the pre-war period (1918–1941). Posters were used by the Soviet government as one of the main tools of communicating and persuading the population, and they had the ability to convey necessary information briefly. The author explores the specific techniques, themes, and images used in such propaganda through a wide thematic range of visual materials. Through their language, posters showed young people's basic life strategies, from leisure activities to military skills. The author concludes that visual propaganda was highly effective, playing an important role not only in education but also in preparing young people for future war conflicts.

Keywords: komsomol, image of young communist, Soviet poster, Soviet propaganda.

REFERENCES

1. Arnautov N.B. *Sistema obrazov v agitatsionno-propagandistskikh kampaniyakh konsolidatsionnogo tipa (1935–1937 gg.)* [The education system in consolidation-type propaganda campaigns (1935–1937)], Krasilnikov S.A. (eds.) *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)* [Social mobilization in Stalinist society (late 1920s–1930s)], Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, 2013, pp. 348–366.
2. Bilim N.N. *Molodezhnaya politika SSSR i ee realizatsiya na Sovetskom Dal'nem Vostoke (noyabr' 1922 g. – iyun' 1941 g.)* [Youth policy of the USSR and its implementation in the Soviet Far East: November 1922 – June 1941]: autoabstr. of cand. hist. sc. thesis, Astrakhan, 2015, 38 p.
3. Bonnell V.E. *Iconography of Power: soviet political posters under Lenin and Stalin*, Los Angeles, University of California Press, 1998, 385 p.
4. Butnik-Siverskij B.S. *Sovetskii plakat epokhi Grazhdanskoi voyny. 1918–1921* [Soviet poster of the Civil War. 1918–1921], Moscow, Vsesoyuz. kn. palata, 1960, 695 p.
5. Chaus N.V. *Sovetskie plakaty 1917–1920 gg. – osnovnoe sredstvo propagandy sotsialisticheskoi ideologii* [Soviet posters of 1917–1920s as main medium of propaganda of socialist ideology], *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2010, no. 6(22), pp. 220–223.
6. Cherkunova N.V. *Formirovanie obraza geroya v 1930-e gg. v SSSR kak sposob voenizatsii soznaniya molodezhi* [Forming of the image of the hero in the 1930s in the USSR as a result of militarization of youth consciousness], *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, 2012, no. 27, pp. 1085–1088.
7. Dekret o pamyatnikakh Respubliki [Decree on the monuments of the Republic], available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9065-dekrety-sovetskoy-vlasti-t-ii-17-marta-10-iyulya-1918-g#mode/inspect/page/104/zoom/4> (accessed: 01.01.2026).
8. Demosfenova G.L. *Sovetskii politicheskii plakat* [Soviet political poster], Moscow, Iskusstvo, 1962, 442 p.
9. Ivanov V.S. *Sovetskii politicheskii plakat* [Soviet political poster], Moscow, Iskusstvo, 1952, 72 p.
10. Kenez P. *The Birth of the Propaganda State. Soviet methods of mass mobilization, 1917–1929*, Cambridge University Press, 1985, 328 p.
11. Lifshits M. (ed.) *Lenin o kul'ture i iskusstve* [Lenin about culture and art], Leningrad, Izogiz, 1938, 324 p.
12. Mikhailin V.Yu., Belyaeva G.A., Nesterov A.V. *Shershavym yazykom: antropologiya sovetskogo politicheskogo plakata* [By rough tongue: the anthropology of the soviet political poster], Saratov, Saint Petersburg, Liska, 2013, 124 p.
13. Molostova E.S. *Modeli «novogo cheloveka» v sovetskii period: podstupy k transgumanizmu* [Models of the “New Human” in soviet time: traits of trans-humanism], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 2014, vol. 28, no. 9(180), pp. 168–175.
14. Moseev V.I. *Voenno-patrioticheskoe vospitanie i podgotovka molodezhi k zashchite Otechestva v 1921–1941 gg.: na materialakh Petrograda-Leningrada i Leningradskoi oblasti* [Military-patriotic education and preparation of youth for the defense of the Fatherland in 1921–1941: based on the materials of Petrograd-Leningrad and the Leningrad region]: cand. hist. sc. thesis, Saint Petersburg, 2002, 190 p.
15. Orekh E.A. *Grazhdanskaya voyna v obrazakh vizual'noi propagandy* [Civil War in the images of the visual propaganda], Saint Petersburg, Skifiya-Print, 2018, 176 p.
16. Pankov N.P. *Voenno-patrioticheskoe vospitanie sovetskoi molodezhi v 1929 – iyun' 1941 gg.* [Military-patriotic education of Soviet youth in 1929 – June 1941]: autoabstr. of cand. hist. sc. thesis, Moscow, 2013, 21 p.
17. Polonskiy V.P. *Russkii revolyutsionnyi plakat* [Russian revolutionary poster], Moscow, 1925, 192 p.

18. Ryabov A.V. Iz istorii sovetskogo politicheskogo plakata [From the history of the soviet political poster], *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*, 2017, no. 1, available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/07SFK117.pdf> (accessed: 01.01.2026).
19. Soboleva A.N. Formirovanie obraza geroya i vraga u sovetskoi molodezhi v 1920 i 1930-e gg. [Formation of the image of hero and enemy among Soviet youth in the 1920s and 1930s.], *Politika i obshchestvo*, 2017, no. 10, pp. 78–87, DOI 10.7256/2454-0684.2017.10.22816.
20. Soboleva A.N. Propaganda kak forma vospitaniya sovetskoi molodezhi v 1920–1930-e gg.: na materialakh Buryat-Mongol'skoi ASSR [Propaganda as a form of the soviet youth education in the 1920 (by the material of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic)], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 12(74), vol. 1, pp. 165–168.
21. *Vospominaniya o proshlykh kampaniyakh: Sbornik vospominanij veteranov Volzh. voyen. flotilii (1918–1920)* [Remembering Past Campaigns: A Collection of Memories of Veterans of the Volga Military Flotilla (1918–1920)], Gorky, Volgo-Vyat. kn. izd-vo, 1968, 208 p.
22. Yakimov K.A. Osobennosti politicheskogo vospitaniya v komsomole 1937–1938 gg. [Features of political education in the Komsomol (1937–1938)], *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 2016, no. 5, pp. 148–165.
23. *Za bol'shevistskii plakat. Zadachi izoiskusstva v svyazi s resheniem TsK VKP(b) o plakatnoi literature* [For the Bolshevik poster. The tasks of art in connection with the decision of the Central Committee of the AUCP(b) on poster literature], Moscow, OGIZ, Leningrad, IZOGIZ, 1932, 130 p.

© Слесарчук В.А., текст, ил., 2026
Статья поступила в редакцию 01.06.2026.

Ссылка для цитирования:

Слесарчук, В. А. Комсомолец на советском плакате 1918–1941 гг.: основные черты и эволюция образа. — DOI 10.34685/ИИ.2026.84.34.013 // Культурологический журнал. — 2026. — № 3(65). — С. 53-61. — URL: http://journal.ru/rus/journals/767.html&j_id=69. — Текст : электронный.

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА СОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРОЯВЛЕНИЯМ МЕСТНОГО НАЦИОНАЛИЗМА
НА ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ В 1944 – СЕРЕДИНЕ 1950-Х ГГ.**

DOI 10.34685/ИИ.2026.64.51.008

Степанова Елена Евгеньевна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра Военного университета
имени князя Александра Невского (Москва)
Email: step40871@mail.ru

Аннотация. Проведен комплексный анализ идеологической работы советских государственно-политических органов по противодействию украинскому национализму в первое послевоенное десятилетие. Доказано, что эта деятельность носила системный характер, включала в себя политические, социальные и воспитательные меры. На основе анализа исторических документов вскрыты проблемные аспекты организации идеологической работы, которые были вызваны объективными факторами и культурно-историческими особенностями западных областей УССР.

Ключевые слова: украинский национализм, Западная Украина, идеологическая работа, агитация, пропаганда.

Проблема местного национализма в современной Украине результат сложного переплетения исторических, политических и культурных факторов, развитие которых обусловлено внешними влияниями, внутренними противоречиями и спецификой региона. Начало формирования украинского национализма относится к середине XIX в., когда на территории Австро-Венгрии (Галиция) и Российской империи галицийские украинцы подверглись политике ополячивания и ассимиляции. В ответ на социальное и религиозное притеснение началась консолидация по национальному признаку, которая привела к усилению националистических настроений. После окончания Первой мировой войны и распада Австро-Венгрии политика Польши, в состав которой вошла Западная Украина, еще более усилила полонизацию местного населения, что привело в 1929 г. к созданию Организации украинских националистов (далее – ОУН), ставшей центром сепаратистских настроений, все более и более набиравших популярность среди украинских патриотов. Идеология ОУН формировалась под влиянием интегрального национализма, отвергавшего либеральные подходы и призывавшего к решительным действиям. Важную роль в формировании этой особенности сыграли Д.И. Донцов [4] и Н. Сциборский [22], заложившие основы тоталитарной модели украинского государства, основанной на принципе «Украина для украинцев».

С началом Великой Отечественной войны ОУН сделала ставку на Германию, как союзника в борьбе против СССР. Контакты с нацистскими спецслужбами (абвер, СД) были установлены еще до начала военной агрессии нацистской Германии на СССР. Сразу после оккупации Западной Украины немцами ОУН(б) (фракция С. Бандеры) провозгласила «Украинское государство», но поддержки Германии эта инициатива не получила. В 1943 г. стремление ОУН(б) усилить свое влияние среди украинского населения Западных областей Украины вылилось в создание Украинской повстанческой армии (далее – УПА), основной задачей которой ставилась борьба за независимость – «как от немцев, так и от большевиков». Довольно быстро действия УПА стали направлены преимущественно против Красной армии и местного населения, лояльного советской власти.

С лета 1941 по осень 1944 г. наибольшее распространение получили радикальные, наиболее агрессивные проявления украинского национализма. После освобождения Украины от немецкой оккупации в 1944 г., в условиях жесткого противостояния со стороны советских властей, он сохранял свое влияние в различных формах – от дискриминации представителей других национальностей, до физического уничтожения русских, поляков, евреев. Позднее террор стал переноситься и на украинцев, не являвшихся сторонниками ОУН.

Советскими государственно-политическими органами для подавления украинского националистического движения предпринимались масштабные меры. Главную роль в этом процессе, безусловно, сыграли военно-милиейские и судебно-административные мероприятия. Основная тяжесть борьбы с националистическими формированиями ОУН и УПА легла на воинские части внутренних и пограничных войск НКВД СССР. Однако ставка делалась не только на карательные мероприятия. Центральные органы власти принимали решения, в соответствии с которыми идеологическая работа «в освобожденных районах должна стать повседневной, боевой и действенной» [25, Л. 335-336].

О том, что органы государственно-политического управления СССР относились к украинскому национализму в высшей степени непримиримо, свидетельствует радикальное изменение отношения И.В. Сталина к основоположнику украинского советского киноискусства А.П. Довженко. В ноябре 1928 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) И.В. Сталин назвал его фильм «Арсенал» «настоящей революционной романтикой», в 1934 г. принял режиссера в своем кремлевском кабинете, в 1935 г. дал положительную оценку фильму «Аэроград». За создание фильма «Щорс» (1939 г.) А.П. Довженко получил Сталинскую премию первой степени. Положительная оценка его киноработ резко изменилась после создания в 1943 г. киноповести «Украина в огне», которая подверглась жесткой критике со стороны советской власти. Ее издание в ноябре 1943 г. сначала было запрещено всем советским издательствам и журналам [1, с. 500-501]. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 31 января 1944 г. И.В. Сталин лично обвинил А.П. Довженко в «ярком проявлении национализма, узкой национальной ограниченности» [12, с. 61].

После освобождения Западной Украины от немецкой оккупации идеологическая работа советских государственно-политических органов по противодействию местному национализму являлась частью системной деятельности по советизации региона, включавшей политические, экономические, социальные и воспитательные меры. Целью являлась дискредитация националистической идеологии, формирование лояльности местного населения к советской власти и интеграции в социалистическую систему. Для организации и проведения идеологической работы разрабатывались особые указания, предусматривающие «активное противодействие пропаганде национализма» и разоблачению националистов, «как пособников немецких оккупантов» [6, с. 634].

Основными средствами идеологической работы являлись агитация и пропаганда. В советской пропагандистской риторике повсеместно использовался термин «украинско-немецкие» националисты. Его введение приписывают Н.С. Хрущеву, который в докладе «Освобождение украинских земель от немецких захватчиков и очередные задачи восстановления народного хозяйства» на VI сессии Верховного Совета УССР 1 марта 1944 г. отмечал: «Украинских националистов мы называем украинско-немецкими потому, что они являются верными псами и помощниками немцев в порабощении украинского народа. <...> Они являются агентами немцев в украинской среде». Здесь же Н.С. Хрущев открыто признал существование проблемы украинского национализма, «расцветшего во время оккупации» [13, с. 89].

Исторические факты свидетельствуют, что после освобождения Украины от немецкой оккупации идеологическая работа местных партийных организаций с населением по противодействию проявлениям национализма была организована неудовлетворительно. Практически полностью отсутствовала материально-техническая база агитации и пропаганды. По состоянию на конец лета – начало осени 1944 г. восстановление библиотек и их снабжение политической, художественной и научной литературой оставалось недостаточным. Из числа имевшихся в УССР 791 киноустановок работало всего 12 [21, с. 408]. В сентябре 1944 г. начальник организационно-инструкторского отдела ГлавПУ РККА генерал-майор В.В. Золотухин в докладе о политических настроениях населения Львовской и Дрогобычской областей начальнику ГлавПУ РККА А.С. Щербакову отмечал: «...Когда части переднего края уходят на запад, политическая работа с местным населением совсем ослабевает. Поэтому значительная часть населения остается не распропагандированной и легко поддается влиянию вражеской агитации, а также воздействию со стороны националистических банд» [20, Л. 104].

Вся серьезность сложившейся ситуации в области организации идеологической работы нашла отражение в постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) «О недостатках в политической работе среди населения западных областей УССР» от 27 сентября 1944 г. В документе отмечались серьезные

упущения партийных организаций западных областей Украины в организации политического информирования населения, недостатка культурно-просветительских учреждений, низкой эффективности агитационной работы, отсутствии марксистской литературы по истории Украины. Особо указывалось на широкое распространение антисоветской литературы. В постановлении предписывалось принять все меры по укреплению советских порядков, усилить политическую и идеологическую работу против украинско-немецких националистов, чтобы показать населению, что «именно эти враги украинского народа срывают восстановление нормальной жизни в регионе» [26, с. 890].

Выполнять эти задачи приходилось в условиях разрушения пропагандистской материально-технической базы и «незначительного» политического влияния ВКП(б) на население по причине «отсутствия актива, который бы связывал малочисленные [партийные] организации с массами» [24, Л. 31]. Ряд объективных факторов серьезно снижал эффективность идеологической работы. В первую очередь – это широкомасштабная сепаратистская деятельность отрядов ОУН-УПА. В 1944–1945 гг. общий уровень их активности в западноукраинских областях оставался очень высоким, а самым значительным среди жертв бандитизма являлись мирные жители, лояльные советской власти (более 80%). С февраля по декабрь 1944 г. на Западной Украине было зарегистрировано 2471 фактов активности формирований УПА и их пособников, в результате которых было убито 4748 человек. Основная часть потерь – 2953 человек – пришлась на мирное население [23, с. 86, 91, 92].

Но не только страх людей перед физической расправой снижал эффективность советского пропагандистского воздействия. Значительная часть населения продолжала симпатизировать националистам, а социально-экономические и идейно-культурные преобразования, проводимые силовыми методами и без учета национальной и религиозной специфики, усугубляли оппозиционные настроения. Оуновская агитация и пропаганда особенно эффективно воздействовала на основную массу населения – крестьянство, а также находила широкий отклик среди сельской интеллигенции, особенно учителей [26, с. 872]. Этому способствовало обращение ОУН к героическим и трагическим событиям истории украинского народа. Повсеместно использовалось распространение провокационных слухов о насильственной коллективизации, неизбежной конфискации личной собственности, изъятию детей из семей и другие дестабилизирующие общественное мнение темы [26, с. 872].

Пропаганда ОУН среди местного населения Западной Украины усилилась в конце 1945 г. в связи с предстоящими выборами в Верховный совет СССР. Заместитель заведующего организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) М.А. Шамберг в записке Г.М. Маленкову в ноябре 1945 г. приводил многочисленные факты пропагандистской деятельности ОУН-УПА и запугивания местного населения. Исторические документы свидетельствуют, что в селе Храси Колковского района Волынской области на следующий день после проведения агитаторами бесед об избирательном законе были обнаружены антисоветские лозунги: «Геть Московски вибори», «На вибори не ходити, ховайтесь в лис» и др. Такие же лозунги обнаружены в селах Каменюха, Лисова, Костюхновка, Колодки. В селе Зарайск Самборского района бандиты под угрозой оружия собрали крестьян и предупредили их, что «кто будет голосовать за Советы, те будут уничтожены». В селе Баличи-Подорожни Стрыйского района оуновцы пришли 10 ноября 1945 г. на квартиру агитатора – директора школы Гуляка, забрали у него всю агитационную литературу и предупредили, что если он будет проводить занятия с крестьянами, то они его убьют [18, Л. 17].

Ответной мерой противодействия стало усиление советской агитации и пропаганды. Центральные и местные партийные органы в рамках единовременных агитационных кампаний проводили разъяснение задач первой послевоенной пятилетки, ознакомление с Конституцией СССР, избирательным законом, разъясняли принципы советской демократии. Основными формами устного воздействия являлись индивидуальные и групповые беседы, митинги, собрания, вечера вопросов и ответов, различные культурно-развлекательные мероприятия. Особое значение уделялось изучению Положения о выборах в трудовых коллективах. Для оказания помощи местным партийным организациям в агитационно-пропагандистской работе с населением в связи с выборами в Верховный совет СССР в Волынскую, Дрогобычскую, Тернопольскую и Львовскую области Украинской ССР в декабре 1945 г. были направлены пропагандистские группы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) [18, Л. 20].

В местах дислокации воинских частей Украинского военного округа систематическая агитационно-пропагандистская работа среди местного населения Западной Украины проводилась политическими отделами частей и соединений. В ходе массовой политической агитации применялись разнообразные формы и методы работы: печать и распространение листовок, публикация пропагандистских статей, выступления с публичными лекциями, в которых разоблачалась антиукраинская деятельность боевиков и идеологов ОУН-УПА. Небезынтересно в этом аспекте обратиться к опыту применения внутренних войск НКВД-МГБ-МВД СССР на Западной Украине, который использовался в ходе борьбы с националистическим подпольем и его вооруженными бандформированиями: «В форме короткого призыва-лозунга, написанного на стене хаты, яркой и душевной беседы бойца или командира с селянами на собраниях, митингах, в лекциях и на концертах – всюду участники националистического подполья разоблачались как предатели украинского народа. Вся массово-разъяснительная работа среди местного населения проводилась в тесном контакте с местными партийными органами – областными и районными комитетами КП(б) Украины» [7].

Несовместимой с мероприятиями советских и партийных органов западных областей Украины стала деятельность Украинской греко-католической церкви (далее – УГКЦ), которая отрицательно отнеслась ко многим аспектам советской политики. Руководство СССР в полной мере осознавало, что для жителей Западной Украины УГКЦ исторически являлась духовной и мировоззренческой отдушиной во время имперского владычества Австро-Венгрии, правления шовинистического режима Пилсудского, и продолжала составлять фундамент национальной и региональной самоидентификации после освобождения советскими войсками западноукраинских земель от немецкой оккупации. Кроме того, ухудшение отношений советского руководства с Ватиканом и начало деятельной борьбы с Римским престолом делало недопустимым наличие на Западной Украине церковной структуры, находящейся в административно-каноническом подчинении церковному центру, находящемуся за пределами СССР.

Стратегия государственных и политических органов управления СССР была направлена на ликвидацию унии на Западной Украине, ее слияния с Русской Православной Церковью (далее – РПЦ) с целью создания благоприятных условий для изменения мировоззрения галицийских украинцев в рамках триады «православный – русский – советский». Взятый курс на ликвидацию УГКЦ был реализован на состоявшемся 8-10 марта 1946 г. Львовском соборе, принявшем решение о ликвидации Брестской унии 1596 г. и о воссоединении с РПЦ.

Первые практические шаги по ликвидации униатства на западных территориях Украины были начаты еще до окончания Великой Отечественной войны. В апреле 1945 г. были арестованы митрополит Иосиф Слипый, епископы Чернецкий, Бутка, Хомышин, Лятышевский и другие священнослужители. Позднее в печатных средствах массовой информации и «Журнале Московской Патриархии» появились публикации, в которых им было предъявлено обвинение в «активной предательской и пособнической деятельности в период немецко-фашистской оккупации». Об этих арестах в интервью корреспонденту ТАСС сообщил 9 апреля 1946 г. протопресвитер Г. Костельник и епископы Станиславский Антоний и Драгобычский Михаил [5, с. 35-37; 10]. В рамках этой агитационно-пропагандистской кампании разоблачался антисоветский характер деятельности униатов, приводились факты, подтверждающие прямой сговор руководящей верхушки УГКЦ с нацистами еще до начала Великой Отечественной войны, вскрывались связи униатских священников с подпольем ОУН-УПА, их помощь в укрывательстве участников и главарей преступных группировок, финансировании националистического подполья и пропаганды нацистской идеологии.

О необходимости дальнейшего совершенствования идеологической работы с населением свидетельствует принятое 25 ноября 1947 г. постановление политбюро ЦК КП(б) Украины «Об улучшении работы отделов пропаганды и агитации обкомов, горкомов, райкомов и Управления пропаганды и агитации ЦК КП(б)У». На практике это нашло выражение лишь в развертывании массового изучения работ классиков марксизма-ленинизма, биографий вождей революции и публичном разъяснении тезиса, что только советская власть может стать действительно народной, обеспечить подлинную свободу и защитить интересы трудящихся. Очередная попытка усилить идеологическую работу на Западной Украине была связана с переходом к сплошной коллективизации. XVI съезд КП(б) Украины, состоявшийся в январе 1949 г., поставил перед коммунистами западных областей задачу завершить коллективизацию. Партийные и комсомольские организации, сельские советы приступили к повсеместной организации групповых и индивидуальных бесед с крестьянами-единоличниками, чтению лекций и докладов о социалистическом образе жизни.

Несмотря на все предпринимаемые меры, политическое состояние западных областей Украины оставалось крайне неблагоприятным и в начале 1950-х гг. 16 мая 1953 г. министр внутренних дел СССР Л.П. Берия в докладе Президиуму ЦК КПСС о ситуации в западных областях Украинской ССР отмечал, что борьба с «остатками антисоветского националистического подполья» и его «шпионско-террористическими бандами» находится «на низком уровне» [11]. О необходимости усиления идеологической работы местных партийных и советских органов Львовской, Дрогобычской, Тернопольской, Станиславской, Волынской, Ровенской, Закарпатской, Измаильской, Черновицкой областей говорилось в постановлении Президиума ЦК КПСС от 26 мая 1953 г. «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР» [8, с. 46-49]. На высшем государственном уровне было признано массовое недовольство населения западных областей Украины хозяйственными, политическими и культурными действиями местных органов власти. Органами военной цензуры было выявлено, что только за три месяца 1953 г. в 195 тыс. писем, адресованных за границу из западных областей Украины, содержались отрицательные высказывания о действиях местных органов власти [8, с. 46].

Очевидно, что «обеспечить переход от одной общественно-экономической формации к другой – более прогрессивной» [17, Л. 116] должен был четко работающий аппарат пропагандистов и агитаторов. Однако, начиная с освобождения западных областей Украины от немецкой оккупации, именно кадровая проблема в сфере организации идеологической работы стояла настолько остро, что вопросы подбора и расстановки кандидатов на должности в наркоматах и центральных организациях Украины рассматривались на высшем партийном уровне. 15 марта 1944 г. на заседании Политбюро ЦК КП(б) УССР отмечалось, что в западных областях республики повсеместно на руководящие должности привлекались люди малообразованные или сотрудничавшие с немцами во время оккупации, а практика подготовки кадрового резерва отсутствовала [9, с. 493]. Ошибки и недостатки работы местных партийных организаций, некомпетентность и отсутствие марксистско-ленинской подготовки агитаторов и пропагандистов приводило к тому, что население большинства городов и, особенно, сел не получало практически никакой советской политической информации. Совершенно не использовались такие формы работы, как политические беседы и доклады.

После окончания Великой Отечественной войны деятельность по устранению недостатка кадров руководящего партийно-советского актива была продолжена. Однако созданные партийные школы и краткосрочные курсы, предназначенные для подготовки агитаторов и пропагандистов для западных областей Украины, работали неэффективно. Укомплектовать их квалифицированными преподавателями и необходимой учебно-материальной базой не удалось. Кандидаты, отобранные для зачисления, в большинстве «не имели опыта партийной и советской работы». По состоянию на июль 1946 г. ЦК КП(б) Украинской ССР признавал, что «подбор кадров в западные области проводился без достаточной проверки, на руководящую работу попадали зачастую политически малограмотные, а иногда и случайные люди» [27]. Фактически «социалистическая перестройка» здесь осуществлялась за счет партийных, советских и комсомольских работников, прибывших из центральных и восточных областей Украины и других республик СССР. На XIII пленуме ЦК КП(б) УССР, который состоялся в августе 1946 г., отмечалось, что на Западную Украину было откомандировано 86 тыс. человек [15, Л. 65-68].

Необходимо признать, рекрутирование в партийные и советские организации кадров «со стороны» эффективность идеологической работы не повысило. Инспектор ЦК ВКП(б) Н.И. Гусаров в 1946 г. выявил «серьезные недостатки и ошибки в идеологической работе на Украине» [19, Л. 33]. Низкий уровень марксистско-ленинской подготовки, отсутствие понимания специфики региона и незнание украинского языка приводили к тому, что «вместо кропотливой, упорной, ежедневной работы среди населения» часть из них «стала на более легкий, но вредный путь, на путь администрирования» [15, Л. 65-68].

Попытки устранить кадровую проблему в идеологической сфере на Западной Украине продолжились и в 1947 г., после назначения первым секретарем КП(б) Украинской ССР Л.М. Кагановича. Судя по Постановлению Политбюро ЦК КП(б) республики от 12 ноября 1947 г. состояние руководящих партийных кадров на Западной Украине удалось «значительно улучшить» [9, с. 495]. Однако в 1949 г. этот вопрос вновь был поднят. Республиканские партийные органы отмечали, что при подборе партийных руководящих кадров из местного населения сохраняется ориентация на «присылку работников из восточных областей» [9, с. 495].

Незнание украинского языка значительно снижало эффективность идеологической работы с населением. Первый секретарь ЦК КП(б) УССР Н.С. Хрущев неоднократно подчеркивал, что читать доклады и лекции только на русском языке нельзя, поскольку он просто непонятен местному населению. Тот факт, что командированные из восточных областей агитаторы не владели украинским языком, он считал серьезным недостатком в работе: «Это подарок нашим врагам. Они используют это и говорят, что украинская культура попирается...» [16, Л. 98]. И действительно, в руководящем партийно-советском активе кадры работников из числа западных украинцев составляли незначительную часть, а почти все руководящие посты в партийных и советских органах были заняты работниками, командированными из восточных областей УССР и из других республик Советского Союза. Из 311 руководящих работников областных, городских и районных партийных органов западных областей Украины только 18 человек являлись представителями западноукраинского населения [8, с. 46].

После смерти И.В. Сталина ЦК КП Украинской ССР было рекомендовано усилить идеологическую работу среди западноукраинской интеллигенции, а также широко развернуть массовую политическую и агитационно-разъяснительную работу среди населения. Преимущественное право на замещение руководящих должностей, включая партийные и советские организации, начали предоставлять местным кадрам. То, что к этому времени кадровый резерв из выходцев Западной Украины еще не был сформирован, как правило, не учитывалось. Этот процесс совпал с волной массовой реабилитации украинских националистов, осужденных «за контрреволюционную деятельность» после окончания Великой Отечественной войны.

Освобожденные по реабилитирующим основаниям сторонники украинского национализма со временем получили доступ в образовательные и научные учреждения, творческие союзы и общественные объединения, откуда для них открылись возможности вступить в партию, а затем и попасть в органы власти. Так и произошло. После разгрома УПА в первой половине 1950-х гг. в последующие годы о радикальном украинском национализме не принято было говорить в средствах массовой информации и вести научные дискуссии, поскольку, этот «предмет для обсуждения» не считался актуальным. Более того, критика украинского национализма в советской историографии на украинском языке являлась распространенной практикой [2; 3; 14].

Однако в середине 80-х гг. XX в., с началом перестройки, внедренные в советские и партийные органы «законсервированные» сторонники бандеровской идеологии начали добиваться реализации основного ее положения – независимости Украины. Ренессанс радикального украинского национализма оказался столь ярким, что очищение современного украинского общества от влияния нацистской и националистической идеологии является фундаментальной целью специальной военной операции Вооруженных Сил Российской Федерации на Украине. И очевидно, что опыт деятельности советских государственно-политических органов по противодействию проявлениям местного национализма на Западной Украине в 1944 – середине 1950-х гг., его объективные достижения и недостатки имеют в современных условиях очевидное практическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Сост.: А. Артизов, О. Наумов. – Москва : МФД, 1999. – 872 с.
- [2] *Дмитрук, К. Е.* Жовто-блакитні банкроти. – Київ : Дніпро, 1982. – 399 с.
- [3] *Дмитрук, К. Е.* Під штандартами реакції і фашизму. – Київ : Наукова думка, 1976. – 379 с.
- [4] *Донцов, Д.* Націоналізм. – Львів : Нове життя, 1926. – 255 с.
- [5] Журнал Московской Патриархии. – 1946. – № 4.
- [6] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : в 6-ти т. Т. 4: Изгнание врага из пределов Советского Союза и начало освобождения народов Европы от фашистского ига : (1944 г.) / пред. ред. и авт. кол. М. М. Миносян. – Москва : Воениздат, 1962. – 728 с.
- [7] *Климов, А., Андреев, К.* Опыт применения внутренних войск НКВД-МГБ-МВД СССР на Западной Украине в 1944–1953 годах // Красная Звезда. – 2023, 18 янв.
- [8] Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева. – Москва, 1999. – 512 с.

- [9] Лагно, А. Р. Руководящие кадры для Западной Украины (1945-1949): идеалы и реальность // *Historia provinciae* : журнал региональной истории. – 2023. – Т. 7, – № 2. – С. 487–526.
- [10] Львовская правда. – 1946, 1 мар.
- [11] Максименков, Л. Неуслышанное предупреждение. Меморандум Лаврентия Берии о положении на Западной Украине в 1953 году // *Независимая газета*. – 2004, 3 дек.
- [12] Марьямов, Г. Б. Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. – Москва : Киноцентр, 1992. – 128 с.
- [13] Политическое руководство Украины, 1938-1989 / Сост.: В.Ю. Васильев, Р.Ю. Подкур, Х. Куромия [и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 542 с.
- [14] Римаренко, Ю. І. Жовто-блакитний «месія» (Про шовіністичну й расистську сутність українського буржуазного націоналізму). – Київ, 1969. – 49 с.
- [15] Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 52. Оп. 1. Д. 61.
- [16] Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 52. Оп. 1. Д. 67.
- [17] Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 52. Оп. 1. Д. 86.
- [18] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 335.
- [19] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 405.
- [20] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 235.
- [21] Сеницын, Ф. Л. Советская нация и война: национальный вопрос в СССР: 1933-1945. – Москва : Центрполиграф, 2018. – 542 с.
- [22] Сциборский, Н. Нациократия / пер. с укр. М.О. Сциборского. – Москва, 2023. – 200 с.
- [23] Турицын, И. В. Герои и зрадники: реализация бандеровского проекта украинской нации в годы Второй мировой войны // *Современная научная мысль*. – 2015. – № 4. – С. 67-108.
- [24] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 109.
- [25] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 104.
- [26] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933-1945. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 1095 с.
- [27] ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945-1953. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 496 с.

IDEOLOGICAL WORK OF THE SOVIET STATE AND POLITICAL BODIES TO COUNTER ACTS OF LOCAL NATIONALISM IN WESTERN UKRAINE IN 1944 – MID-1950S

Stepanova Elena Evgenievna,

D. in History, Leading Researcher,
Prince Alexander Nevsky Military University (Moscow)

Abstract. *This article provides a comprehensive analysis of the ideological work carried out by Soviet state and political bodies to counter Ukrainian nationalism in the first post-war decade. It demonstrates that this work was systematic and included political, social, and educational measures. Based on the analysis of historical documents, the article reveals the problematic aspects of the organization of ideological work, which were caused by objective factors and the cultural and historical characteristics of the western regions of the Ukrainian Soviet Socialist Republic.*

Keywords: *Ukrainian nationalism, Western Ukraine, ideological work, agitation, propaganda.*

REFERENCES

1. Artizov A., Naumov O. (ed.) *Vlast' i hudozhestvennaya intelligenciya. Dokumenty CK RKP(b)-VKP(b), VCHK-OGPU-NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953* [Power and the artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the Russian Communist Party (b)-All-Union Communist Party (b), the Cheka-OGPU-NKVD on Cultural Policy. 1917–1953], Moscow, MFD, 1999, 872 p.

2. *Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], coll. 32, aids. 11302, f. 104.
3. *Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], coll. 32, aids. 11302, f. 109.
4. Dmitruk K.E. *Pid shtandartami reakcii i fashizmu* [Under the standards of reaction and fascism], Kiiv, Naukova dumka, 1976, 379 p. (In Ukr.)
5. Dmitruk K.E. *Zhovto-blakitni bankroty* [Yellow-blue bankrupts], Kiiv, Dnipro, 1982, 399 p. (In Ukr.)
6. Doncov D. *Nacionalizm* [Nationalism], L'viv, Nove zhittya, 1926, 255 p.
7. Klimov A., Andreev K. *Opyt primeneniya vnutrennih vojsk NKVD-MGB-MVD SSSR na Zapadnoj Ukraine v 1944–1953 godakh* [Experience of using the NKVD-MGB-MIA internal troops in Western Ukraine in 1944–1953], *Krasnaya Zvezda*, Jan. 18, 2023.
8. Lagno A.R. *Rukovodyashchie kadry dlya Zapadnoj Ukrainy (1945–1949): idealy i real'nost'* [Leadership in Western Ukraine (1945–1949): ideals and reality], *Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii*, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 487–526.
9. *L'vovskaya Pravda* [Lvov Pravda], Mar. 1, 1946.
10. Maksimenkov L. *Neuslyshannoe preduprezhdenie. Memorandum Lavrentiya Berii o polozhenii na Zapadnoj Ukraine v 1953 godu* [An unheard warning. Lavrenty Beria's memorandum on the situation in Western Ukraine in 1953], *Nezavisimaya gazeta*, Dec. 3, 2004.
11. Mar'yamov G.B. *Kremlevskij cenzor: Stalin smotrit kino* [Kremlin Censor: Stalin is watching a movie], Moscow, Kinocentr, 1992, 128 p.
12. Minosyan M. M. (ed.) *Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg.* [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941–1945], vol. 4, Moscow, Voenizdat, 1962, 728 p.
13. Rimarenko Yu.I. *Zhovto-blakitnij "mesiya": Pro shovinistichnu j rasists'ku sutnist' ukraïns'kogo burzhuaznogo nacionalizmu* [Yellow-blue «messiah»: about the chauvinistic and racist essence of Ukrainian bourgeois nationalism], Kiiv, 1969, 49 p. (In Ukr.)
14. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii* [Russian State Archive of Modern History], coll. 52, aids. 1, f. 61.
15. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii* [Russian State Archive of Modern History], coll. 52, aids. 1, f. 67.
16. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii* [Russian State Archive of Modern History], coll. 52, aids. 1, f. 87.
17. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], coll. 17, aids. 125, f. 235.
18. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], coll. 17, aids. 125, f. 335.
19. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], coll. 17, aids. 125, f. 405.
20. Sciborskij N., Scibor'skij M.O. (ed.) *Naciokratiya* [Nationocracy], Moscow, 2023, 200 p.
21. Sinicyn F.L. *Sovetskaya naciya i vojna: nacional'nyj vopros v SSSR: 1933–1945* [Soviet nation and War: The national question in the USSR, 1933–1945], Moscow, Centrpoligraf, 2018, 542 p.
22. *TsK VKP(b) i nacional'nyj vopros* [Central Committee of the All-Union Communist Party (b) and the national question], book 2, Moscow, ROSSPEN, 2009, 1095 p.
23. *TsK VKP(b) i regional'nye partijnye komitety. 1945–1953* [Central Committee of the All-Union Communist Party (b) and regional party committees. 1945–1953], Moscow, ROSSPEN, 2004, 496 p.
24. Turicyn, I.V. *Geroi i zradniki: realizaciya banderovskogo proekta ukraïnskoj nacii v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Heroes and Traitors: The Implementation of the banderite project of the Ukrainian nation during World War II], *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 2015, no 4, pp. 67–108.
25. Vasil'ev V.Yu., Podkur R.Yu., Kuromiya X. (et al.) *Politicheskoe rukovodstvo Ukrainy, 1938–1989* [Political Leadership of Ukraine, 1938–1989], Moscow, ROSSPEN, 2006, 542 p.
26. Yakovlev A.N. (ed.) *Lavrentij Beriia. 1953. Stenogramma iyul'skogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty* [Lavrenty Beria. 1953. Transcript of the July Plenum of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and other documents], Moscow, 1999, 512 p.
27. *Zhurnal Moskovskoj Patriarhii* [Moscow Patriarchate Magazine], 1946, no. 4.

Ссылка для цитирования:

Степанова, Е. Е. Идеологическая работа советских государственно-политических органов по противодействию проявлениям местного национализма на Западной Украине в 1944 – середине 1950-х гг. – DOI 10.34685/НЛ.2026.64.51.008 // Культурологический журнал. – 2026. – № 3(65). – С.62-70. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/775.html&j_id=69. – Текст : электронный.

**СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАЦИИ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПЛАТФОРМ
В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ:
ЭФФЕКТИВНЫЕ ПОДХОДЫ В ПРОДВИЖЕНИИ**

DOI 10.34685/HI.2026.74.23.001

Бычкова Ольга Ивановна,

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный Южного филиала

Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (Краснодар)

Email: bychkovaoi@mail.ru

Коренной Александр Сергеевич,

кандидат культурологии, ведущий специалист
Южного филиала Российского

научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (Краснодар)

Email: akorennoy@mail.ru

Аннотация. Стратегия продвижения услуг учреждений культуры на цифровых коммуникационных платформах должна опираться на создание контента, который не только передает информацию, но и активно вовлекает пользователей, стимулируя их к ее дальнейшему распространению. Целью исследования является изучение сетевых сообществ, формирующихся учреждениями культуры на базе популярных социальных медиаплатформ. Обосновывается мнение, что для культурно-образовательной деятельности учреждений культуры эти платформы устраняют барьеры между пользователями и культурными событиями, создавая благоприятную среду для совместной работы и продвижения мероприятий. Выявлено, что регулярное создание качественного контента, активное взаимодействие с аудиторией и целенаправленное формирование имиджа организации – это эффективные подходы для достижения устойчивых результатов в стратегиях продвижения.

Ключевые слова: цифровые коммуникационные платформы, культурно-образовательная деятельность, учреждения культуры, стратегия продвижения, эффективные подходы.

Актуальные реалии информационного общества диктуют учреждениям культуры необходимость пересмотра стратегий взаимодействия с аудиторией. Недостаточная эффективность традиционных каналов коммуникации, таких как печатные издания и средства массовой информации, ограничивает возможности полноценного охвата целевой аудитории и презентации культурного контента в многоформатном режиме. В этой связи специалисты культурной сферы активно интегрируют цифровые платформы социальных сетей, которые за последнее десятилетие эволюционировали в значимый информационный ресурс и стали неотъемлемым компонентом повседневной активности большинства пользователей сети Интернет, в том числе в контексте культурно-образовательной деятельности.

Доминирование социальных сетей в структуре онлайн-активности подтверждается их лидерством по времени потребления, наравне с видео [1]. Исследование Ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК) и Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), проведенное в декабре 2022 года, демонстрирует практически универсальное проникновение социальных сетей среди российских интернет-пользователей (97,6% участников опроса). Более того, для значительной части аудитории (54,7%) эти платформы приобрели статус неотъемлемого элемента повседневности [6].

«ВКонтакте» (VK) продолжает занимать первое место среди российских социальных сетей, демонстрируя превосходство как по времени, которое пользователи уделяют платформе, так и по

ежедневному охвату аудитории [Там же]. Вышеупомянутое исследование РАЭК и НИУ ВШЭ, подтверждает лидерство ВК по узнаваемости и использованию в качестве основной социальной сети. По данным опроса, подавляющее большинство респондентов – 86,4% – зарегистрированы в ВК, а 80,7% активно пользуются платформой. Примечательно, что для 55% опрошенных «ВКонтакте» является главной социальной сетью. Универсальность ВК является одним из его ключевых преимуществ: пользователи могут не только общаться, но и получать свежие новости, слушать музыку и смотреть видео. Основные виды активности в ВК связаны с поддержанием социальных связей: общение с друзьями (41,4%) и отслеживание их новостей (40,4%). Кроме того, значительная часть пользователей активно ищет информацию по своим интересам как через персонализированные рекомендации (37,2%), так и через участие в тематических сообществах (34,9%) [Там же].

Современный интернет-ландшафт во многом формируется социальными медиа, которые генерируют львиную долю трафика и объединяют миллиарды активных пользователей. Статистика подтверждает, что до 90% интернет-пользователей регулярно посещают эти платформы, причем многие из них активно задействуют сразу несколько. В России такие гиганты, как «ВКонтакте», RuTube и «Одноклассники», обладают колоссальной аудиторией, что превращает социальные сети в один из важнейших рычагов для достижения целей культурно-образовательной политики Российской Федерации. Министерство культуры РФ видит в экспорте культурной информации через соцсети ключевое направление для создания единого информационного пространства в сфере культуры. Эксперты подчеркивают, что соцсети выгодно отличаются широким охватом, возможностью точной настройки на целевую аудиторию и эффективным вовлечением пользователей [3].

Социальные сети стали центральным местом для диалога между организациями культуры и их посетителями. Формирование тематических онлайн-сообществ значительно упрощает для потенциальных посетителей поиск информации и обеспечивает их постоянную связь. Учреждениям культуры, стремящимся к активному продвижению в соцсетях, необходимо освоить язык, понятный пользователям. Это способствует увеличению посещаемости и укреплению бренда. Построение диалога с локальными сообществами – это эффективная стратегия привлечения аудитории в социальных сетях. Основная миссия этих сообществ – сделать мировые культурные ценности более доступными и вызвать интерес у новой аудитории, тем самым расширяя доступ к глобальному культурному наследию.

Цифровые сообщества проявляют значительную вариативность в своей структуре и используемых платформах, что обуславливает их уникальные механизмы взаимодействия и принципы организации. Тем не менее, можно выделить ряд универсальных характеристик: они могут быть публичными или приватными, обладают относительно стабильным контингентом участников, предоставляют возможности для идентификации пользователей, а также формируют собственные нормы поведения и специфический коммуникативный стиль.

Классификация платформ для сетевых сообществ включает два основных типа:

- платформы для создания блогов: специализированные сервисы, предназначенные для публикации контента и формирования вокруг него сообществ (например, WordPress, Wix, Blogger);
- социальные медиа-платформы: различные форматы сообществ (группы, каналы) в рамках популярных социальных сетей и мессенджеров (например, «Одноклассники», RuTube, «ВКонтакте», TikTok, Viber, «Яндекс.Дзен», Livejournal).

Блог-платформы обладают функционалом, сопоставимым с веб-сайтами в плане настройки внешнего вида и управления контентом. Они также способствуют активному вовлечению аудитории, что является их ключевым отличием от статичных официальных ресурсов. Тем не менее, в российской практике учреждения культуры чаще ориентируются на социальные сети. Это обусловлено простотой привлечения пользователей в соцсетях, а также тем, что эффективное ведение блога требует специальных компетенций, и многие продвинутые функции конструкторов являются платными. В русскоязычном онлайн-пространстве блог-платформы используются ограниченно. Хотя повышение информированности о мероприятиях культурного учреждения через социальные сети не гарантирует немедленного превращения каждого пользователя в посетителя, оно представляет собой значимый аргумент в пользу использования данного канала коммуникации.

Эволюция социальных медиа привела к формированию Social Media Marketing (SMM) как специализированной области, предоставляющей инструментарий для оптимизации коммуникации с целевой аудиторией. Специфика поведенческих паттернов пользователей в социальных сетях, выражающаяся в их готовности к раскрытию личной информации и интересов, создает предпосылки для разработки SMM-специалистами персонализированных стратегий и таргетированных рекламных кампаний.

Присутствие учреждений культуры в социальных сетях требует целенаправленного и стратегически обоснованного подхода, поскольку импровизированные действия, как правило, не приводят к достижению поставленных целей. Продвижение услуг в социально-культурной сфере посредством социальных сетей представляет собой перспективное, но недостаточно исследованное направление, привлекательность которого обусловлена экономической эффективностью, особенно в сравнении с традиционными рекламными каналами, а также наличием бесплатных инструментов.

Таким образом, целью исследования является изучение сетевых сообществ, формирующихся учреждениями культуры на базе популярных социальных медиаплатформ, а его задачами - анализ стратегий функционирования и особенностей их продвижения в виртуальном пространстве.

В последние десятилетия отмечается экспоненциальный рост как числа пользователей, так и количества приложений для социальных сетей, находящихся в постоянной конкуренции за привлечение новой аудитории. Функциональные различия и вариативность способов использования этих приложений обуславливают необходимость выбора платформы и методов взаимодействия для учреждений культурной сферы в соответствии с их конкретными целями и реакцией потребителей.

Для успешного продвижения услуг и повышения эффективности коммуникации в социальных сетях учреждениям социально-культурной сферы рекомендуется сосредоточиться на следующих аспектах. Внедрение уникальных хештегов способно увеличить вовлеченность аудитории примерно в 1,5 раза. Эти метки служат для четкого обозначения тематики или идентификации учреждения, делая контент в соцсетях более заметным и интересным. Благодаря хештегам, организации могут успешно формировать свой бренд, систематизировать публикации по категориям, анонсировать значимые мероприятия и упрощать доступ к информации для всех заинтересованных лиц.

Оптимизация работы SMM-специалистов требует разработки стратегического документа. Этот документ должен регламентировать распределение временных и ресурсных затрат, а также способствовать эффективному командному взаимодействию. В идеале, SMM-стратегия должна быть интегрирована в общую стратегию онлайн-продвижения учреждения культуры и его концепцию развития, обеспечивая системный подход.

Социальные сети, охватывающие практически все возрастные и социальные группы, стали мощным рычагом для продвижения культурных и образовательных проектов. Эти платформы не только позволяют значительно расширить информирование о событиях, делая их доступными для широкой публики, но и эффективно привлекают новую, заинтересованную аудиторию. Ключевая ценность соцсетей как коммуникационного канала заключается в их способности не просто передавать сообщения, но и активно собирать обратную связь, что помогает организаторам оценивать и совершенствовать качество своих мероприятий.

Благодаря цифровым технологиям, образовательная деятельность учреждений культуры становится более интерактивной, результативной и привлекательной для широкой публики. Культурные мероприятия, особенно образовательные проекты в сфере культуры, наряду с привычными форматами (концерты, выставки, конференции), являются мощным средством для достижения образовательных целей и пользуются большим спросом. Федеральные инициативы направлены на углубление знаний молодежи о духовных, нравственных и культурных ценностях Российской Федерации и ее истории, дополняя школьную программу. Так, например, в 2022 году культурные образовательные события в социальных сетях были посвящены сохранению и популяризации богатого культурного наследия России, включая народное творчество.

Для современных организаций культуры приоритетом является формирование у посетителей глубокого чувства вовлеченности и сопричастности. Это подразумевает создание эмоциональной и духовной связи с ключевыми ценностями, будь то культурное наследие, исторические события или научные прорывы.

Для этого используются:

- персональные истории, способные вызвать эмоциональный отклик;

- инновационные мультимедийные средства для реалистичной реконструкции исторических периодов и событий, включая виртуальную реальность и голографические проекции.

Ключевой проблемой при организации культурно-образовательных мероприятий является низкая осведомленность потенциальной аудитории о предстоящих событиях. Для решения этой задачи активно задействуются социальные сети, в частности, платформы «ВКонтакте» и «Одноклассники».

Платформа «Одноклассники» позиционируется как универсальное средство для коммуникации и формирования социальных связей, охватывающее десятки миллионов активных пользователей. ВК, в свою очередь, представляет собой кроссплатформенную систему обмена сообщениями, функционал которой расширен за счет возможности передачи различных медиафайлов и документов [5]. В условиях современного информационного общества наблюдается трансформация социальных сетей из простых мессенджеров в комплексные информационные ресурсы, привлекающие пользователей не только для интерактивного общения, но и для получения актуальных новостей и образовательного контента.

Примером цифровой трансформации культурных институций является освоение музейными учреждениями платформы ВК [2]. В России лидерами по эффективной работе в социальных сетях являются такие учреждения, как Музей современного искусства «Эрарта», ГМИИ им. А.С.Пушкина, Государственная Третьяковская галерея, Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) и Государственный исторический музей [4].

Благодаря социальным сетям, учреждения культуры получают возможность не только оперативно распространять информацию, но и быть в курсе актуальных событий. Это способствует большей открытости культурного пространства, что ведет к росту интереса и увеличению числа посетителей образовательных и культурных программ. Активация уведомлений в «Одноклассниках» и ВК является мощным инструментом для расширения аудитории, поскольку гарантирует постоянную информированность пользователей.

Современные мессенджеры и соцсети кардинально трансформируют привычные модели общения. Интернет стал глобальным пространством для диалога, стирая географические границы. Если раньше коммуникация была ограничена физическими расстояниями и временными рамками, то теперь социальные сети стали самым универсальным и удобным средством связи, притягивающим внимание большинства активных интернет-пользователей. Для учреждений культуры эти платформы открывают широкие возможности для взаимодействия с аудиторией. Социальные сети устраняют любые барьеры между аудиторией и культурными событиями, создавая идеальные условия для совместного творчества и успешного продвижения мероприятий.

Результаты исследования

Для эффективного продвижения учреждений культуры в социальных сетях недостаточно простого размещения рекламных сообщений. Нужна продуманная стратегия, основанная на создании интересного и вовлекающего контента, который пользователи захотят распространять. Учитывая, что соцсети являются площадками для обмена личным опытом и отзывами, оказывающими значительное влияние на решения потребителей, организации культуры сталкиваются с рядом вызовов. Они не могут полностью контролировать пользовательский контент, а растущие опасения по поводу конфиденциальности ограничивают возможности получения информации о пользователях. В этих условиях учреждениям социально-культурной сферы необходимо разрабатывать специализированные

инструменты, такие как виджеты и приложения, чтобы мотивировать пользователей добровольно делиться данными, поскольку прямой доступ к личной информации строго регулируется законодательством.

Присутствие учреждения в социальных сетях, даже если оно не превратит каждого пользователя в преданного сторонника, несомненно увеличит узнаваемость самого учреждения и его проектов. В текущей экономической ситуации социальные сети предлагают отличные возможности: они помогают находить новую аудиторию, общаться с существующей, генерировать дополнительный доход и создавать позитивный имидж через продуманные рекламные кампании. Важно понимать, что социальные медиа – это не просто набор инструментов, а комплекс современных технологий и стратегий, которые должны стать неотъемлемой частью общей маркетинговой политики учреждения социально-культурной сферы.

Для эффективного продвижения организаций социально-культурной сферы в социальных сетях необходимо учитывать три ключевых аспекта, которые обеспечат достижение желаемых результатов. Первый – это создание не просто информативного, а по-настоящему ценного контента, который будет полезен аудитории, будь то решение ее проблем, развлечение или мотивация. Это критически важно для повышения вовлеченности. Второй аспект – это активное и постоянное взаимодействие с подписчиками: ответы на комментарии, проведение интерактивных мероприятий. И третий, не менее важный момент – это регулярный анализ полученных данных и обратной связи, что позволит постоянно совершенствовать стратегию учреждения культуры, делая ее максимально продуктивной.

Понимание уникальности каждой социальной сети является краеугольным камнем успешной стратегии. Методы, которые доказали свою эффективность на одной платформе, могут оказаться нерабочими на другой. Поэтому крайне важно тщательно адаптировать контент и формат взаимодействия под специфику каждой из них. Например, «ВКонтакте» делает акцент на визуальный контент, в то время как «Одноклассники» предпочитают более развернутые публикации и активное общение в рамках групп.

Не менее значима долгосрочная стратегия продвижения в социальных сетях, которая требует последовательных и непрерывных усилий, а не разовых кампаний. Регулярное создание ценного контента, активное вовлечение аудитории и целенаправленное формирование имиджа организации – это основа для достижения устойчивых и долгосрочных результатов. Такой подход позволит превратить социальные сети в мощный и эффективный инструмент для привлечения пользователей и развития учреждений. Учитывая все эти факторы, организации смогут успешно задействовать социальные медиа для достижения своих целей и укрепления своих позиций в культурно-образовательной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бороздина, Н.* Аудитория интернета в 2022 году : [презентация] // Mediascope : сайт. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/3d8/qrlhud7t7dxyzw1rhtxg3rwk8deg7uk/2022_ИНТЕРНЕТ.pdf (дата обращения: 12.01.2026).
- [2] *ВКонтакте* : социальная сеть. URL: <https://vk.com/index.php> (дата обращения: 12.01.2026).
- [3] *Единое информационное пространство в сфере культуры* : [презентация] // Министерство культуры Российской Федерации : официальный сайт. URL: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2015/21_01_2015_3.pdf (дата обращения: 12.01.2026).
- [4] *Михайлова, А. В.* Музеи в соцсетях: мировые тренды, конференции, текущая практика : тезисы доклада // АДИТ : сайт. URL: <http://old.adit.ru/rus/conference/adit2013/papers/paper.asp?nomer=15> (дата обращения: 12.01.2026).
- [5] *Орлова, С.* Социальные сети как основа современной культуры. – Текст : электронный // Проекты : сайт. URL: <http://iteach.vspu.ru/07-2019/19581/> (дата обращения: 12.01.2026).
- [6] *Социальными сетями пользуются 97,6% россиян* // ПАЭК : сайт. 21.12.2022. URL: <https://raec.ru/live/branch/13621/> (дата обращения: 12.01.2026).

STRATEGIES FOR INTEGRATION OF DIGITAL COMMUNICATION PLATFORMS INTO THE CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF CULTURAL INSTITUTIONS: EFFECTIVE APPROACHES TO PROMOTION

Bychkova Olga Ivanovna,

PhD in Economy, Leading researcher,
Southern Branch of the Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Krasnodar)

Korennoy Alexander Sergeevich,

PhD in Cultural Research, Leading researcher,
Southern Branch of the Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Krasnodar)

Abstract. A strategy for promoting cultural institutions' services on digital communication platforms should be based on the creation of content that not only conveys information but also actively engages users, encouraging them to share it. The aim of this study is to examine online communities formed by cultural institutions on popular social media platforms. It is argued that these platforms eliminate barriers between users and cultural events for cultural and educational activities, creating a favorable environment for collaboration and event promotion. It is found that the regular creation of high-quality content, active engagement with audiences, and targeted image building are effective approaches for achieving sustainable results in promotional strategies.

Keywords: digital communication platforms, cultural and educational activities, cultural institutions, promotion strategy, effective approaches.

REFERENCES

1. Borozdina N. *Auditoriya interneta v 2022 godu*, 2022, available at: https://mediascope.net/upload/iblock/3d8/qrlhud7t7dxyzw1rhtzg3rwwk8deg7uk/2022_INTERNET.pdf (accessed: 12.01.2026).
2. *Edinoe informatsionnoe prostranstvo v sfere kul'tury*, 2015, available at: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2015/21_01_2015_3.pdf (accessed: 12.01.2026).
3. Mikhailova A.V. *Muzei v sotssetyakh: mirovye trendy, konferentsii, tekushchaya praktika*, 2013, available at: <http://old.adit.ru/rus/conference/adit2013/papers/paper.asp?nomer=15> (accessed: 12.01.2026).
4. Orlova S. *Sotsial'nye seti kak osnova sovremennoi kul'tury*, 2019, available at: <http://iteach.vspu.ru/07-2019/19581/> (accessed: 12.01.2026).
5. *Sotsial'nyimi setyami pol'zuyutsya 97,6% rossiyan*, 2022, available at: <https://raec.ru/live/branch/13621/> (accessed: 12.01.2026).
6. *Vkontakte : sotsial'naya set'*, 2026, available at: <https://vk.com/index.php> (accessed: 12.01.2026).

*Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала
Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева»
по теме «Научно-методические основы культурной политики в системе современного российского образования»
номер государственной регистрации: 124012800529–8..*

© Бычкова О.И., Коренной А.С., текст, 2026
Статья поступила в редакцию 01.06.2026.

Ссылка для цитирования:

Бычкова, О. И., Коренной, А. С. Стратегии интеграции цифровых коммуникационных платформ в культурно-образовательную деятельность учреждений культуры: эффективные подходы в продвижении. – DOI 10.34685/HI.2026.74.23.001 // Культурологический журнал. – 2026. – № 3(65). – С. 71-76. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/768.html&j_id=69. – Текст : электронный.

**ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЛОКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ:
СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

DOI 10.34685/HI.2026.32.46.002

Горлова Ирина Ивановна,
доктор философских наук, профессор,
директор Южного филиала Российского
научно-исследовательского института
культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва (Краснодар)
Email: ii.gorlova@gmail.com

Аннотация. В статье при помощи культурологической атрибуции основополагающих идей университетского образования сопоставляется локальный контекст российской и европейской цивилизационной идентичности. Если европейская стратегия нацелена на подавление локального контекста в интересах доминирующей культуры, то в России региональная культура наполняет собой гуманитарное содержание высшего образования.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, культурно-образовательная политика, Россия, Европа, университетское образование, идеология, стратегии, культурологическая атрибуция.

Сегодня, когда столкновение Западной цивилизации с иными выражено горячей фазой военного конфликта, балансирующего на грани мировой войны, актуальность вопросов цивилизационной идентичности в контексте конкретных локальных стратегий культурно-образовательной политики не нуждается в дополнительном обосновании. Цивилизационная идентичность попадает в центр противостояния, становится целью и ментальным пространством столкновения цивилизаций. От того, на каких основаниях строится российская идентичность, во многом зависит её устойчивость.

О необходимости сохранения эталонов высокой российской культуры, являющихся ресурсом общего цивилизационного пространства и уникальной цивилизационной идентичности, у девальвации и маргинализации которых есть конкретные интересанты, говорил 21 декабря 1977 г. один из выдающихся советских литературных критиков Юрий Иванович Селезнёв, уроженец Кубани: «Третья мировая война идёт при помощи гораздо более страшного оружия, чем атомное или водородное, или даже нейтронная бомба. Здесь есть свои идеологические нейтронные бомбы, своё химическое и бактериологическое оружие, и эти микробы, которые проникают к нам, те микробы, которые разрушают наше сознание, эти микробы гораздо более опасны, чем те, против которых мы боремся в открытую. И вот я хочу сказать, что классическая, в том числе русская классическая литература, сегодня становится едва ли не одним из основных плацдармов, на которых разгорается эта Третья мировая идеологическая война, и здесь мира не может быть. Его никогда не было в этой борьбе и, я думаю, никогда не будет до тех пор, пока это - борьба, пока мы не осознаем, что эта мировая война должна стать нашей Великой Отечественной войной - за наши души, за нашу совесть, за наше будущее, - пока в этой войне мы не победим» [2].

Осмыслению наследия Ю. И. Селезнёва вот уже несколько лет посвящена ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция факультета журналистики Кубанского государственного университета [3]. Факультет этот в своё время окончила известная журналистка Маргарита Симоньян, главный редактор Russia Today (RT), вещающего на шести языках в более чем в 100 странах мира с охватом аудитории в 900 млн. человек [1].

Приведенный пример высвечивает взаимосвязь глобального и локального в культуре конкретного университета, раскрывая содержательную сторону современной государственной стратегии культурно-образовательной политики России в аспекте формирования общегражданской цивилизационной идентичности. Она основана на принципах сохранения, актуализации и пропаганды культурного

наследия народов нашей страны, единство которых обеспечивает общая концептосфера русского языка, остающаяся мостом между шедеврами мировой и региональных культур.

Предмет настоящего исследования - локальный контекст проекта «История университета в Европе» [8], подготовленного и осуществленного вслед за объединением стран в Евросоюз (1992). Методика анализа опирается на культурологическую атрибуцию [5] идей содержания университетского образования с основополагающими стратегическими (идеологическими) установками.

Сложно не заметить, что европейский четырехтомник, первый том которого вышел в 1992 г. сразу на нескольких языках (английском, немецком, испанском, португальском) с параллельной подготовкой издания на русском и китайском, является результатом политического заказа на реконструкцию некоторой цивилизационной идентичности. Локальный же контекст проекта раскрывается в двух аспектах: с одной стороны, это обширный эмпирический материал развития университетской культуры в конкретных университетах Европы, включая Россию, от Средневековья до второй половины XX в.; а с другой - это отводимое авторами издания место современной локальной университетской культуры в глобальной перспективе.

В российских теоретических дискуссиях этот четырехтомник не обойден вниманием. В рамках круглого стола «Судьба университетов в России» 16 ноября 2006 г. редакции журнала «Вопросы образования» [4] его упоминает В. А. Куренной, включаясь в дискуссию с представителем Европейского университета в Санкт-Петербурге Д. А. Александровым и первым ректором НИУ ВШЭ Я. И. Кузьминовым. Александров подчеркнул снижение качества университетского образования в России, отметив его «бакалавризацию», т. е. снижение уровня подготовки кадров до общеобразовательного [4, с. 232-233]. Кузьминов акцентировал внимание, что основной функцией университета должна быть профессиональная подготовка элит [4, с. 233]. Куренной же на исторических примерах обнаруживает флуктуацию востребованности элитарного образования [4, с. 236-238]. В качестве аргумента Виталий Анатольевич и упоминает третий том "A History of the University in Europe" [7].

Это издание, по мысли его главного редактора В. Рюэгга, продолжает энциклопедическую традицию [6], заложенную немецким историком К. Майнерсом (1747–1810) [9]. При этом приверженность Майнерса расовой теории и критике идей Просвещения не упоминается, зато размышляя о цивилизационной идентичности, Рюэгг пишет: «Сегодня нет больше французов, немцев, испанцев, даже англичан, что бы ни говорили люди; есть только европейцы. У всех одинаковые вкусы, одинаковые страсти, одинаковые нравы, потому что никому не была придана национальная форма посредством какого-либо особого института. Все будут делать одно и то же при одинаковых обстоятельствах...» [7, р. 4]. Предваряя третий том в первой главе, Рюэгг национальные модели университета помещает в историческое прошлое, а в следующей главе К. Шарль говорит об университетских паттернах, предопределяющих содержание образования там, где они распространены, включая Россию, полагая их универсальными цивилизационными моделями [7, pp. 33-82]. Результат доминирования обозначенных моделей, исходя из положения Рюэгга, известен («все будут делать одно и то же при одинаковых обстоятельствах...»). Упоминание Рюэггом в первом томе издания Майнерса не выглядит, таким образом, случайностью: им транслируется та же идея расового доминирования и подавления культурного разнообразия, облаченная в теоретическую метафору унифицированных моделей европейского университета. Спекулятивная риторика Рюэгга строится на подмене универсальными организационными моделями университетского образования содержательного регионального разнообразия — конкретного культурного локального контекста.

Сопоставляя идеологические основания европейской и российской стратегий современной культурно-образовательной политики в плане формирования цивилизационной идентичности, можно констатировать, что европейская стратегия нацелена на подавление локального контекста содержания образования в интересах доминирующей культуры, в то время как в России региональная культура наполняет собой гуманитарное содержание высшего образования общенациональной культуры, ориентированной на освоение высших достижений (эталонов) мировой художественной культуры.

Идея доминирования некоей глобальной цивилизации не позволила авторам «Истории университетов в Европе» на богатейшем эмпирическом материале усмотреть общую закономерность: подъем европейской университетской культуры в различные исторические периоды (наиболее показательны в этом отношении XV и XIX вв.) сопровождался двумя ведущими факторами. С одной стороны, это

интеграция в общем культурном европейском пространстве достижений тех или иных университетов, а с другой - это ориентация университетской культуры на запрос конкретной местной социальной среды в конкретных социально-исторических условиях. Соответственно, региональная культура является не только донором, но и конечным потребителем интеллектуального капитала университета. В плане формирования цивилизационной идентичности, таким образом, эффективность стратегии современной культурно-образовательной политики зависит от качественного учета обоих факторов, раскрывающих потенциал локального контекста развития образования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Главный редактор телеканала Russia Today Маргарита Симоньян. Биография // Известия : сайт. 21.10. 2025. URL: <https://iz.ru/1976136/2025-10-21/glavnyi-redaktor-telekanala-russia-today-margarita-simonian-biografiia> (дата обращения: 23.03.2026).
- [2] Куняев, С. Юрий Селезнев и дискуссия «Классика и мы» // ЛитБук : сайт. 28.05.2018. URL: <https://litbook.ru/article/11647/> (дата обращения: 23.03.2026).
- [3] Наследие Ю.И. Селезнёва и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории / ред. Н. И. Крижановский. – Краснодар : КубГУ, 2025. – 426 с.
- [4] Судьба университетов в России : круглый стол, 16 нояб. 2006 г., Москва) // Вопросы образования. – 2006. – № 3. – С. 231–253.
- [5] Флиер, А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 6(68). – С. 24–30.
- [6] A History of the University in Europe / ed. H. de Ridder-Symoens. Vol. I: Universities in the Middle Ages. – Cambridge University Press, 1992. – 506 p.
- [7] A History of the University in Europe Vol. III: Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945) / ed. W. Rüegg. – Cambridge University Press, 2004. – 746 p.
- [8] A History of the University in Europe : Vol. I - IV / eds. W. Rüegg, H. de Ridder-Symoens. – Cambridge University Press, 1992–2011.
- [9] Meiners, K. Geschichte der Entstehung und Entwicklung der hohen Schulen unsres Erdtheils. Vol. 1. – MV-Pädagogik, 2021. – 412 p.

REFERENCES

- Flier A.Ya. Kul'turnaya atributsiya kak metod issledovaniya [Cultural attribution as a research method], *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2015, no. 6(68), pp. 24–30.
- Glavnyi redaktor telekanala Russia Today Margarita Simon'yan. Biografiya [Margarita Simonyan, editor-in-chief of Russia Today TV channel. Biography], *Izvestia*, Oct. 21, 2025, available at: <https://iz.ru/1976136/2025-10-21/glavnyi-redaktor-telekanala-russia-today-margarita-simonian-biografiia> (accessed: 03.23.2026).
- Krizhanovsky N.I. (ed.). *Selezneva i aktual'nye problemy zhurnalistiki, kritiki, literaturovedeniya, istorii* [Legacy of Yu. I. Seleznev and current problems of journalism, criticism, literary criticism, and history], Krasnodar, KubGU, 2025, 426 p.
- Kunyaev S. *Yurii Seleznev i diskussiya 'Klassika i my'* [Yuri Seleznev and the discussion "Classics and we"], May 28, 2018, available at: <https://litbook.ru/article/11647/> (accessed: 03.23.2026).
- Myners K.A. *Guide to the study and introduction to the history of mankind*, vol. 1, MV-Pedagogic, 2021, 412 p.
- Ridder-Symoens H. de (ed.) *A History of the University in Europe, vol. I: Universities in the Middle Ages*, Cambridge University Press, 1992, 506 p.
- Rüegg W. (ed.) *A History of the University in Europe, vol. III: Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945)*, Cambridge University Press, 2004, 746 p.
- Rüegg W., Ridder-Symoens H. de (eds.) *A History of Universities in Europe*, vol. I-IV, Cambridge University Press, 1992–2011.
- Sud'ba universitetov v Rossii: kruglyi stol, 16 noyab. 2006 g., Moskva [Fate of universities in Russia (Round table, Nov. 16, 2006, Moscow), *Questions of education*, 2006, no. 3, pp. 231–253.

**CIVILIZATIONAL IDENTITY AND LOCAL CONTEXT:
STRATEGIES OF MODERN CULTURAL AND EDUCATIONAL POLICY**

Gorlova Irina Ivanovna,
D. in Philosophy, Full professor,
Director of the Southern Branch
of the Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Krasnodar)

Abstract. Using a culturological attribution of the fundamental ideas of university education, this article compares the local contexts of Russian and European civilizational identities. While European strategy aims to suppress the local context in the interests of the dominant culture, in Russia, regional culture informs the humanities of higher education.

Keywords: civilizational identity, cultural and educational policy, Russia, Europe, university education, ideology, strategies, culturological attribution.

*Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала
Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва»
по теме «Научно-методические основы культурной политики в системе современного российского образования»,
номер государственной регистрации: 124012800529–8.*

© Горлова И.И., текст, 2026
Статья поступила в редакцию 01.06.2026.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка для цитирования:

Горлова, И. И. Цивилизационная идентичность и локальный контекст: стратегии современной культурно-образовательной политики. – DOI 10.34685/NI.2026.32.46.002 // Культурологический журнал. – 2026. – № 3(65). – С. 77-80. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/769.html&j_id=69. – Текст : электронный.

**РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ**

DOI 10.34685/HI.2026.21.71.003

Зотова Татьяна Анатольевна,

кандидат культурологии, старший научный сотрудник
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Москва)
Email: zotova@heritage-institute.ru

Мадикова Лидия Владимировна,

кандидат культурологии, старший научный сотрудник
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Москва)
Email: madikova.lida@yandex.ru

Аннотация. Основная задача публикации – фиксация и определение принципов решения научной проблемы, связанной с влиянием диссертационных исследований и процессов их подготовки на современную российскую культурологию, структуру её научных школ, методологических и методических подходов. Ключевое внимание уделяется характеристике историографии и источниковой базы, методологии и методике исследования, опирающихся на отдельные идеи постструктурализма и возможности цифровых гуманитарных наук. В результате первого этапа научной работы представляется и обосновывается матрица реляционной базы данных, обобщающей сведения из массовых источников (авторефератов диссертаций), которая рассматривается в качестве мета-источника для дальнейшего изучения и решения широкого круга научных вопросов.

Ключевые слова: история культурологии, современные школы культурологии, подготовка научных кадров, аспирантура, диссертации по культурологии, цифровые гуманитарные науки, база данных, искусственный интеллект, Alice AI Pro.

В Институте Наследия в 2026 г. началась реализация научно-исследовательской темы «Культура, наследие и искусство: взгляд молодых учёных в России...» [1]. Главная цель – представить срез актуальных исследований, разработанных молодыми и начинающими учёными по направлению «Культурология», и осуществить мониторинг процесса их подготовки, проблем и вопросов, возникающих по мере развития исследовательской практики, а также на пути формирования профессиональных и личностных предпочтений начинающих культурологов во время обучения в аспирантуре.

Актуальность исследовательского проекта обусловлена тем, что культурология является одной из динамично развивающихся областей знания, предлагающих опытным и молодым учёным мультипарадигмальную систему подходов и методов изучения исторических, фундаментальных и прикладных проблем развития культуры. Свидетельством высокой востребованности культурологии является тот факт, что ежегодно появляются новые периодические издания, которые входят в перечень ВАК и Белый список, а также проводятся многочисленные конференции, обсуждающие проблемы культуры и её системного изучения. Расширяются и формируются новые научные школы, а также исследовательские области, тематика которых связана с современными социокультурными задачами, глобальными вызовами и национальными приоритетами.

Острые дискуссии, сопровождавшие закрепление культурологии в системе российского образования и науки в 1990-е гг. [2], в настоящее время перманентно продолжают в кулуарах. Введение культурологии в круг академических направлений привело к тому, что её современный облик стал

определяться, в значительной степени, научно-квалификационными работами – диссертациями, представляемыми к защите на соискание учёных степеней кандидата или доктора наук. Эти научные источники не только содержат богатую фактическую базу и её авторскую интерпретацию, но и точку зрения руководителей, кафедр, школ, имеющих свои научные традиции в понимании специфики культуры и культурологии как области её системного изучения. Таким образом, анализ массива диссертаций по культурологии позволит ответить на различные вопросы и дискуссии вокруг научности и обоснованности междисциплинарных исследований культуры и искусства, обратившись к базовым принципам изучения (историзму, конкретности, объективности, системности и пр.).

Вместе с тем, данный анализ раскроет структуру, методологические и методические особенности культурологических школ в современной России, а также будет способствовать выявлению проблем и повышению уровня научно-методического сопровождения процесса подготовки диссертаций по актуальным специальностям (5.10.1 «Теория и история культуры, искусства», 5.10.2 «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов»). В этой связи исследовательская работа может способствовать развитию междисциплинарности в изучении культуры, наследия и искусства, активизации и поддержке молодёжного интереса к подобным исследованиям. Это соответствует актуальным задачам государственной культурной политики в области социально-гуманитарных наук и молодёжной политики, а также приоритетам научно-технологического развития в противостоянии большим вызовам современности и укреплении социокультурной идентичности российского общества.

Настоящая публикация открывает серию отчётных статей, носит постановочный характер и представляет результаты первого этапа научного проекта – разработки и апробации концепции и методики нового исследования. Задача публикации состоит в фиксации научной проблемы и определении системы принципов, приёмов и процедур изучения, которые позволят предложить её решение, актуальное для современного этапа развития науки. Структура статьи учитывает международный формат публикаций в области социально-гуманитарных наук «IMRaD», предполагающий изложение нескольких обязательных вопросов (преамбула, методология, методика, источники, результаты изучения, интерпретация и пр.). В дополнение к этим вопросам отдельно рассматривается проблема и её историография, что обусловлено постановочным характером статьи.

Культурология является одной из междисциплинарных областей, наиболее активно развивающихся в современной России. Междисциплинарность не нова для гуманитарного знания, её формировал с точки зрения практики научного поиска, например, Д. С. Лихачёв в своих классических работах по текстологии и литературе Древней Руси. Но в последние годы междисциплинарность и проблемы её реализации привлекают повышенное научное внимание, что обусловлено переосмыслением самого понятия культуры, расширением его семантического поля и размытием границ [3].

Следует отметить, что мультипарадигмальный и междисциплинарный характер культурологии определяется её многовекторным генезисом, ведь эта область знания опирается на традиции изучения культуры, сложившиеся в советской философии, зарубежной философии, культурной (социальной) антропологии и др. [4] На современном этапе культурология позиционируется как особый проблемный ракурс исследования социальной реальности во всем многообразии её проявлений, созвучный синергетике и постмодернизму [5], или же славяноведению и востоковедению, и нацеленный, в конечном итоге, на разработку своеобразной метатеории гуманитарных наук [6].

Подобный характер культурологических исследований неизбежно провоцирует многочисленные вопросы теоретико-методологического и методического плана, связанные с подготовкой диссертаций и оценкой их соответствия требованиям, предъявляемым к научно-квалификационным работам. Схожие вопросы возникают и при проведении иных культурологических исследований, в особенности, если речь идёт о молодых и начинающих учёных. Нередко встречаются описательные работы, которые противоречат характеру культурологии. Об этом, в частности, шла речь на заключительном заседании VI Российского культурологического конгресса (Москва, 2024 г.), где выступали модераторы всех секций.

Для подготовки молодых исследователей используются различные учебные пособия, не только по методологии и методике культурологических исследований, но и по истории, философии и теории культуры, по культурной антропологии, по семиотике и пр. [7] Личный опыт авторов публикации подтверждает, что погружение в широкий научный и исторический контекст изучения культуры как

некого свойства бытия человека является одним из наиболее эффективных путей научения особенностям культурологического анализа. Вместе с тем, следует отметить, что значительную роль в понимании специфики культурологических исследований играет базовое образование соискателей: культуролог (социолог, культурный антрополог и пр.) легче осваивается в междисциплинарности, чем специалисты иных профилей.

Весомую помощь в этом процессе могло бы оказать издание, характеризующее в целом путь становления российской культурологии от её первых, предреволюционных концепций до современных школ. Но в силу специфики практически необъятной научной области данный путь представляется фрагментарно [8]. Настоящее исследование предлагает освоить ещё один фрагмент исторического пути культурологии за счёт анализа, наверное, наиболее важного отрезка, связанного с эмансипацией этой области знания в России, но наименее изученного – современного этапа (1991–2025 гг.)

Формат научной статьи не позволяет затронуть все научные работы, составляющие историографическую основу проводимого исследования. Поэтому постараемся выделить наиболее важные области и вопросы, которые были ранее изучены, отражают сложившееся мнение и актуальные области научного поиска в области исследования проблем подготовки молодых и начинающих культурологов в аспирантуре.

В первую очередь отметим, что разработка темы опирается на классические исследования, определяющие основы культурологии и культурной, или социальной, антропологии [9]. Однако особое значение для авторов имеют традиции ведущей культурологической школы, сформировавшейся в НИИ культуры (с 1992 г. – Российском институте культурологии), которые находят продолжение в современной деятельности Института Наследия.

Прямыми предшественниками научного проекта являются работы, рассматривающие музееведческие диссертации и вопросы подготовки музеологов [10]. Важным теоретическим основанием исследования выступают статьи и монографии, представляющие современные проблемы культурологии как образовательной дисциплины и исследовательской парадигмы [11]. Кроме того, учитываются публикации, рассматривающие проблемы формирования научных школ, а также подготовки молодых учёных, определения их профессиональных и личностных приоритетов [12].

К немаловажной для исследования группе относятся труды, раскрывающие общие вопросы обучения научно-педагогических кадров в аспирантуре. В них фиксируются особенности и сложности этого процесса, существовавшие до реформы 2014 г. [13], отмечаются проблемы и негативные последствия внедрения федеральных государственных образовательных стандартов (2014–2022 гг.) [14], выявляются тенденции развития аспирантуры после перехода на федеральные государственные требования в 2022 г. [15].

Особый интерес для данного научного проекта представляют статьи, монографии, учебные и методические пособия, рассматривающие с разных сторон вопросы подготовки и защиты диссертационных исследований по гуманитарным дисциплинам. Часть публикаций посвящается разработке концепции диссертационного исследования как проекта научно-исследовательской деятельности и формулировке её структурных элементов [16]. Выполнен критический анализ структуры введения диссертации, сложившейся в российской практике на основе ГОСТ Р 7.0.11–2011. В этом анализе особое внимание уделяется диссертациям гуманитарного профиля и раскрывается проблема некорректных формулировок в методологическом аппарате исследования, возникающих из-за излишней формализованности структуры введения, принятой в научном сообществе [17].

Различные учебные и методические пособия описывают методологический аппарат исследования, требования к научно-квалификационным работам, процесс подготовки и защиты диссертации социально-гуманитарного профиля. Отдельно выделим методические пособия по подготовке диссертационных исследований по культурологии [18]. Подчеркнём, что в общей массе пособий, предназначенных для молодых учёных, доля методических рекомендаций по культурологии совсем не значительна, хотя исследования по данному направлению имеют свою специфику.

Появление в широком доступе искусственных нейронных сетей (AI) и возможностей их свободного использования как инструментов для обработки и анализа данных, привнесли изменения в современную исследовательскую практику, повлияли на принципы и приёмы подготовки научных работ. Эта тенденция нашла особенное отражение в научной деятельности молодых учёных, так как именно они являются активными пользователями инструментов AI. Вопросы применения искусственного интеллекта в роли когнитивного ассистента рассматриваются в ряде публикаций, где затрагиваются возможности и риски использования нейросетей для написания и редактирования текстов, создания исследовательского контента, а также обсуждаются этические аспекты соблюдения принципов академической честности при использовании технологий AI в образовательном процессе и в научных исследованиях [19]. Отметим, что в литературе не только выявляются плюсы и минусы применения нейронных сетей, но и уделяется внимание влиянию искусственного интеллекта на мотивацию аспиранта [20].

В этом аспекте важно отметить, что вопросы мотивации научной деятельности молодых учёных и влияние стресса, полученного при подготовке и защите диссертации, на дальнейшую траекторию развития научной карьеры и публикационной активности после защиты рассматриваются в ряде публикаций [21]. В них подчёркивается роль научного руководителя и факторы эффективного взаимодействия молодого учёного с наставником в процессе профессионального становления [22]. В частности, устанавливается, что влияние научного руководителя является ключевым в формировании исследователя, при его участии аспиранты и соискатели осваивают методологический аппарат, необходимый для проведения самостоятельного исследования, и реализуют его в своей дальнейшей научной работе. Этот аспект, как и многие другие, обозначенные выше, учитывается при определении методики реализации новой научной темы.

Следует отметить, что анализ современного этапа развития культурологии – проблема, требующая строгого определения границ исследования. В данном случае эти границы намечены характеристиками основных источников: корпусами диссертаций (авторефератов диссертаций) по научным специальностям «5.10.1. Теория и история, культуры, искусства», «5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов», «24.00.01 Теория и история культуры», «24.00.02 Историческая культурология», «24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов», «24.00.04 Прикладная культурология», включающих направление «Культурология».

Отметим, что шифры 5.10.1 и 5.10.2 применяются в настоящее время и рассматриваются в проекте в совокупности работ, представленных до конца 2025 г. В Российской государственной библиотеке, крупнейшем хранилище диссертационных исследований, содержится 211 и 15 авторефератов диссертаций соответственно указанным шифрам, защищённых по нескольким направлениям (культурология, искусствоведение, философские, исторические науки). В связи с тем, что одной из задач исследования является определение ключевых тематических, методологических и методических особенностей культурологических исследований (по сравнению с другими гуманитарными исследованиями), для первоначального анализа формируется источниковая база, включающая все направления подготовки.

Шифры специальностей 24.00.01, 24.00.02, 24.00.03 и 24.00.04 имеют разные периоды, а также географию использования. В частности, шифр 24.00.02, соответствующий исторической культурологии, использовался в диссертациях, подготовленных в России с 1996 г. по 2000 г., а также в Беларуси и на Украине (в РГБ хранятся работы, относящиеся к периоду 2010–2017 гг.); общее количество – 282 единицы, из них 228 – на русском языке. Шифр 24.00.03, обозначавший в России специальность «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов» в период 1996–2022 гг., а также использующийся по настоящее время в Беларуси, объединяет совокупность из 260 источников. Шифр 24.00.04 – самый редкий из изучаемой группы, он использован в 75 диссертациях по прикладной культурологии, защищённых в России в период с 1991 г. по 2009 г. Наконец, шифр 24.00.01 – основной для культурологии, он объединяет 4 342 автореферата, относящихся к периоду 1996–2025 гг. и защищённых в России (основная часть работ, 1996–2022 гг.), в Беларуси и на Украине.

Ведущим методом изучения данных корпусов является историографический анализ, который позволяет хронологически и типологически структурировать выбранную совокупность диссертаций, сравнить и выявить тематические, методологические и методические особенности научных

специальностей, а также ответить на ряд более узких вопросов. Следует отметить, что историографические исследования имеют длительную историю развития, и в России она прослеживается с середины XIX в. Однако в контексте постструктурализма и постмодернизма возможности историографического анализа раскрылись с новой точки зрения, превратив его в один из инструментов исследования дискурса [23]. С этой точки зрения корпуса авторефератов и диссертаций по выбранным научным специальностям представляют собой исключительный архив высказываний, а процессы их подготовки и защиты – уникальные дискурсивные практики, соединяющие текстовые массивы с нормами и правилами, их определяющими. В числе этих регуляторов как формальные требования и критерии, которые подтверждают соответствие текстов диссертаций статусу научно-квалификационных работ, так и традиции научных школ (неформальные правила). Анализ подобных дискурсивных практик способен раскрыть культурологию как дискурс с его внутренними и внешними факторами развития в кругу академических направлений науки в современной России.

Решение обозначенных вопросов, предполагающих обработку и анализ массовых источников (общее количество авторефератов – 5 121 ед.), относится к области современного междисциплинарного направления «цифровые гуманитарные науки» (Digital Humanities, гуманитарная, историческая информатика). Отечественная традиция использования ЭВМ для решения задач гуманитарных (исторических) исследований связана с разработкой в 1960–1980-е гг. количественной истории и деятельностью Л. И. Бородкина, И. М. Гарсковой, И. Д. Ковальченко и др. [24]. Современные цифровые исследования изучают широкое проблемное поле от специфики создания и интерпретации электронных текстов до процессов цифровизации жизни и их влияния на общество [25]. Развивается цифровая герменевтика, которая рассматривается как перевод наблюдений исследователя, полученных из исторических источников, в данные, т. е. формализованный вид, удобный для хранения, проверки и обработки информации (вручную или автоматизировано) [26].

Ведущим инструментом формализации сведений являются реляционные (табличные) базы данных, содержащие категоризованную информацию из первичного массива материалов. На ранних этапах развития исторической информатики создание баз данных рассматривалось как самоцель, но в дальнейшем получил преобладание проблемный (проблемно-ориентированный) подход. В настоящее время такие базы рассматриваются как мета-источник (источник «второго поколения») по отношению к первичным документам, информацию которых они включают. Поэтому цифровые гуманитарные исследования включают две обязательные части: создание базы данных и её анализ [27].

Автоматизированные (цифровые) методы обработки формализованных данных объединяют целую совокупность приёмов и решений (процедуры обработки естественного языка, извлечения именованных сущностей и отношений, тематического моделирования и пр.). По своей сути эти процедуры опираются на математические и статистические методы, а в области изучения текстовых массивов особое значение имеет количественный контент-анализ. Его суть сводится к выявлению легко подсчитываемых признаков, черт, свойств документа (например, частоты употребления тех или иных понятий), которые отражают существенные стороны содержания текста [28].

В настоящее время цифровые методы реализуются через системы управления базами данных (СУБД, среди популярных – MS SQL Server, Oracle, PostgreSQL, Microsoft Access, dBase, OpenEdge, SQLite и пр.) и иные специализированные инструменты (Google Cloud Natural Language API, Яндекс Томита-парсер и др.). Отметим, что на в последние годы у всех на слуху использование искусственных нейронных сетей, представляемых популярными сервисами (GPT, DeepSeek, Alice AI Pro и др.) или программируемыми под конкретные исследовательские задачи. В частности, для реляционных баз данных, составленных в среде MS Office Excel, применимо бесплатное дополнение Neural Excel, которое позволяет создать и обучить сеть непосредственно в табличном редакторе [29].

Таким образом, главной задачей первого этапа исследования становится разработка и апробация матрицы (структуры) базы данных как мета-источника, концентрирующего основные содержательные аспекты авторефератов (диссертаций), подготовленных по шести научным специальностям (24.00.01, 24.00.02, 24.00.03, 24.00.04, 5.10.1, 5.10.2) для их последующего детального анализа. Кроме того, необходим выбор цифровых инструментов, позволяющих автоматизировать процесс первичного заполнения этой базы данных (т. е. прямого и косвенного цитирования более чем 5 тыс. источников). Формирование подобного мета-источника позволит в дальнейшем привлечь различные цифровые решения и классические методы, позволяющие провести как историографическое исследование, так и

выйти за рамки привычного подхода и осуществить изучение культурологических диссертаций как дискурса.

Первые результаты, прогноз их развития и интерпретация

Для заполнения и анализа данных разрабатывается реляционная (табличная) модель, представляющая собой двумерный массив типа «объекты – признаки». При разработке матрицы такой базы данных необходимо учитывать, что эта модель будет раскрывать отношения между объектами и изучаемыми признаками только в случае выполнения ряда условий: 1) информация об объектах составляет corteжи (строки), об изучаемых признаках – атрибуты (столбцы), что позволяет раскрывать отношения; 2) все corteжи и атрибуты получают уникальные имена и идентификаторы; 3) все элементы одного атрибута имеют одинаковую природу (характеризуют один признак); 4) все атрибуты являются атомарными (отношения не могут иметь в качестве компонента другие отношения); 5) все corteжи имеют одну и ту же структуру, т. е. одно и то же количество атрибутов с соответствующими именами (признаками); 6) во всех операциях с таблицей атрибуты и corteжи должны просматриваться в любом порядке и любой последовательности к их информационному содержанию [30].

Объектами изучения выступают диссертационные исследования, и они формируют corteжи (строки) реляционной базы данных. Все диссертационные исследования делятся на шесть совокупностей по выбранным шифрам научных специальностей, что определяет первоначальный набор таблиц, в которых рассматриваются одинаковые атрибуты. Основные вопросы возникают при определении этих универсальных и атомарных атрибутов, т. е. признаков, которые предстоит выявлять в изучаемых работах. Насколько подробными должны быть характеристики диссертаций? Какие признаки научно-квалификационных работ являются универсальными для всех шифров и периодов? Возможно ли использовать современную структуру введения (представления о системе научно-квалификационных формулировок) для определения общего среза исследований за период с середины 1990-х гг. до конца 2025 г.? Наконец, какой признак (атрибут) должен отвечать за междисциплинарность текстов?

Первоначальный набор атрибутов включал исчерпывающее описание диссертационных работ. Отправим заинтересованных читателей к примечанию [31], отметив, что этот набор был апробирован на группе диссертаций по специальности 24.00.03 «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов» за 1997–2000 гг. Результаты оказались неудовлетворительными: складывалась настолько объёмная информация, что на её заполнение и чтение уходило значительное время. Использование такой базы данных в качестве мета-источника было бы затруднительным для дальнейшего анализа.

После первой нормализации таблицы были устранены излишние атрибуты, а оставшиеся объединены в общие категории: информация о соискателе; характеристика научного исследования; принадлежность к вероятной научной школе. Каждая из категорий объединяет главные признаки, содержательно характеризующие диссертационные исследования, их авторов и участников подготовки, определяющих понимание специфики культурологии [32]. В частности, принадлежность к вероятной научной школе рассматривается через совокупность признаков: научный руководитель, место подготовки и место защиты диссертации. Обратившись внутри базы данных, например, к Российскому институту культурологии как месту подготовки (защиты) научно-квалификационных работ, исследователь получает совокупность источников и отношений, выражающих специфику этой научной школы, которую важно учитывать для понимания современного периода развития культурологии.

Такой подход оказался полезным для решения наиболее проблемного вопроса – определения возраста соискателей учёной степени, который не всегда указан в открытых источниках, но крайне необходим для выделения группы исследований молодых учёных. Была введена совокупность атрибутов, позволяющих дифференцировать искомый параметр через несколько признаков: год защиты; год рождения; годы отчётных публикаций; статус молодого учёного на момент защиты диссертации (согласно современному подходу – до 35 лет для кандидатов наук, до 40 лет для докторов наук); статус молодого учёного на момент первой публикации.

Апробация показывает применимость предложенной схемы, но востребованность дальнейшей нормализации отношений «объекты – признаки». В частности, для всех повторяемых значений должны

быть разработаны единые наименования, фильтрация которых позволит производить подсчёт и отбор конкретных источников. Кроме того, в процессе заполнения базы данных возникают дополнительные вопросы, которые, возможно, потребуют введения новых категорий и атрибутов. Например, с каким опытом приходят исследователи в аспирантуру? Какой путь они выбирают после её окончания? Продолжают ли развивать свои темы и заниматься научной работой? Анализ этих вопросов возможен после составления мета-источника и фильтрации работ молодых учёных.

Для внесения данных в таблицу было принято решение использовать возможности машинного обучения, выбрав готовый цифровой инструмент. В качестве подобного инструмента тестируется искусственная нейронная сеть от компании «Яндекс» (Alice AI Pro на базе языковой модели YandexGPT 5 Pro), которая в числе прочего поддерживает алгоритмы RAG (поиск информации из внешних источников) и Chain-of-Thought (решение сложных задач с объяснением логики). Данная сеть оптимизирована под русскоязычные данные, поэтому достаточно быстро и эффективно справляется с прямым цитированием и парафразом искомых фрагментов в научно-квалификационных работах, которые могут рассматриваться как частный случай извлечения именованных сущностей и отношений. Кроме того, в рамках проекта планируется провести экспериментальное сравнение искусственных нейросетей Яндекса и зарубежных компаний в плане качества и эффективности работы с научными источниками на русском языке.

Применение AI для проведения научно-исследовательской работы – тема дискуссионная и требующая отдельного рассмотрения, что предполагается сделать в следующей публикации. Первый опыт использования цифрового инструмента показал, что многое зависит от внимательности и настойчивости оператора, использующего AI. От него требуется не только загрузить сканированный источник, проверить правильность ответов, исправить ошибки и заполнить пропущенные атрибуты, но и выполнять дополнительные запросы и уточнения. Вместе с тем, обращение к возможностям искусственной нейронной сети значительно сокращает время работы с массивом источников, а также нивелирует различные риски и ошибки, связанные с личными факторами и разницей в понимании исполнителями поставленных задач.

Завершение этой работы реализует первую часть научного проекта – создание мета-источника, содержащего основную информацию из массовых письменных документов. Дальнейший анализ и перспективы исследования связаны с несколькими направлениями:

- определение актуальной структуры школ российской культурологии, особенно исследовательских традиций, развивающих междисциплинарное знание и инструментарий;
- анализ основных моделей и критериев междисциплинарного подхода, методики, типов и видов источников, предпочитаемых молодыми учёными (и не только) в подобных исследованиях;
- изучение особенностей современных культурологических исследований молодых учёных в области теории наследия, музееведения, консервации и реставрации историко-культурных объектов;
- анализ влияния обучения в аспирантуре (защиты диссертации) на карьеру молодых учёных и сопоставление этих результатов с ожиданиями обучающихся посредством социологического исследования;
- выявление условий и факторов, влияющих на личные и профессиональные предпочтения в области культурологии.

Обобщая результаты исследования, предлагается разработать аналитические и учебные материалы, направленные на научно-методическую поддержку процесса подготовки российских аспирантов по направлению «Культурология», на повышение теоретического и технологического уровня их междисциплинарных исследований.

Выводы

Тесная связь культурологических исследований с социокультурной деятельностью, востребованность и привлекательность тематики, совмещение инструментария различных гуманитарных и социальных дисциплин, а также широта теоретико-методологических оснований научного изучения – это лишь некоторые из качеств, привлекающие молодых учёных в культурологию. Проходя подготовку в

аспирантуре и защиту своей самостоятельной научно-квалификационной работы, они не только приобретают новые навыки, компетенции и статус, но и начинают влиять (осознанно или нет) на развитие современных школ культурологии в России. Понимание этого факта превращает диссертации в уникальный массив источников, комплексное изучение которого позволяет составить целостное представление о современной культурологии как междисциплинарной области знания, о совокупности научных школ, а также о множестве моделей проведения междисциплинарного исследования и фактор, их определяющих.

В центре внимания научного проекта – корпусы диссертаций (авторефератов) по научным специальностям «5.10.1. Теория и история, культуры, искусства», «5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов», «24.00.01 Теория и история культуры», «24.00.02 Историческая культурология», «24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов», «24.00.04 Прикладная культурология», представленные к защите в период с 1991 по 2025 г. В процессе реализации научного проекта предлагается проанализировать их содержательные характеристики и рассмотреть их, развивая возможности классических исследований, как уникальные дискурсивные практики, соединяющие текстовые массивы с правилами, их определяющими.

Подобное исследование 5 121 источников предполагает использование методов цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities), а также возможностей машинного обучения и искусственных нейронных сетей. Главной задачей первого этапа является разработка матрицы реляционной базы данных как мета-источника (источника «второго поколения»), включающего основную информацию о выбранных диссертационных исследованиях.

В результате проведённого анализа литературы, источниковой базы и методики её изучения были предложены и апробированы главные атрибуты сравнения, объединённые в общие категории: информация о соискателе; характеристика научного исследования; принадлежность к вероятной научной школе. Каждая из категорий сочетает главные признаки, содержательно характеризующие диссертационные исследования, их авторов и других участников подготовки, оказывающих влияние на исследование. Кроме того, был подобран инструмент для извлечения атрибутов из первичных источников, в качестве которого тестируется искусственная нейронная сеть от компании «Яндекс», оптимизированная под русскоязычные данные и, в целом, эффективно справляющаяся с задачами прямого цитирования и парафраза. Применение AI для проведения научно-исследовательской работы – тема, требующая отдельного рассмотрения, но уже на данном этапе можно отметить, что использование цифровых решений значительно сокращает время работы с источниками, а также нивелирует различные риски и ошибки, связанные с разным уровнем подготовки и личными приоритетами исполнителей темы. Вместе с тем, возникают новые сложности. В частности, точность полученных сведений, принципиально необходимая для формирования мета-источника, напрямую связана с внимательностью оператора AI.

Дальнейшая нормализация базы данных и завершение работы над её заполнением (2026–2027 гг.), позволит перейти к решению аналитических задач. Наиболее важно, что откроются возможности в определении актуальной структуры школ российской культурологии, в анализе основных критериев и методики междисциплинарного подхода, в изучении особенностей междисциплинарных исследований в области теории и практики сохранения наследия, а также в иных областях. Решение этих задач не только представит срез и характеристику современной культурологии как академического направления в России, но и позволит затронуть проблематику самоопределения молодых учёных в процессе обучения и подготовить научно-методические материалы, направленные на их научно-методическую поддержку.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Научно-исследовательская работа «Культура, наследие и искусство: взгляд молодых учёных в России (анализ процесса подготовки и содержания диссертационных исследований по направлению “Культурология”», рег. № 1025091700073-9-6.5.1; 2026-2028 гг.

[2] *Зверева, Г. И.* Проблемы самоопределения культурологии в академической системе социогуманитарного знания // Вестник культурологии. – 2014. – № 2(69). – С. 8–10; *Челышев, Е. П.* Культурология в системе гуманитарных наук: недавняя история и насущные проблемы // Пространство и Время. – 2011. – № 3. – С. 20–22.

- [3] *Швецова, А. В.* Трансдисциплинарность как методологический вектор культурологии: от постмодернизма к современности / *А. В. Швецова, А. Ю. Микитинец, О. И. Микитинец* // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 1 (111). – С. 6–17. – DOI 10.24412/1997-0803-2023-1111-6-17.
- [4] *Белик, А. А.* Культурология : Антропол. теории культур : учеб. пособие. – Москва : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 238 с.; *Иконникова, С. Н.* История культурологических теорий : учеб. пособие. – 2-е изд., доп. и перераб. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 473 с.; *Межуев, В. М.* Идея культуры : очерки по философии культуры. – Москва : Прогресс-Традиция, 2006. – 406 с.; *Орлова, Э. А.* История антропологических учений : учеб. – Москва : Акад. проект, 2010. – 621 с.
- [5] *Флиер, А. Я.* Культурология как система познания // Вестник культуры и искусств. – 2016. – № 2 (46). – С. 55.
- [6] *Челышев, Е. П.* Указ. соч. С. 21.
- [7] Например, см.: *Белик, А. А.* Указ. соч.; *Иконникова, С. Н.* Указ. соч.; *Межуев, В. М.* Указ. соч.
- [8] Например, см.: *Трофимова Р. П.* История русской культурологии : учеб. пособие для высшей школы. – Москва : Акад. проект, 2003. – 608 с.; *Флиер, А. Я.* Отечественные научные парадигмы исследований теории культуры // Вестник культуры и искусств. – 2021. – № 1 (65). – С. 43–52; *Шендрик, А. И.* Теория культуры : учеб. пособие. – Москва : ЮНИТИ: Единство, 2002. – С. 409–507.
- [9] Например, см.: *Белик, А. А.* Указ. соч.; *Иконникова, С. Н.* Указ. соч.; *Орлова, Э. А.* Указ. соч.; *Флиер, А. Я.* Культурология для культурологов. – Москва : Акад. проект, 2000. – 458 с.
- [10] Например, см.: *Родионова, Д. Д.* Ретроспективный анализ диссертационных исследований в контексте развития современной музеологии // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2024. – № 66. – С. 250–257. DOI 10.31773/2078-1768-2024-66-250-257; *Рыбак, К. Е., Мищук, А. Н.* Музейное дело и охрана культурного наследия в диссертационных исследованиях (1946–2018) : [указатель]. – Краснодар : Экоинвест, 2018. – 85 с.; *Сизова, И. А.* Музейное дело в отечественных диссертационных исследованиях (1990–2010 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 3. – С. 136–139.
- [11] Например, см.: *Багрова, Н. В.* Теоретико-методологические основания культурологического исследования // Идеи и идеалы. – 2011. – Т. 2, № 4. – С. 115–124; *Козьякова, М. И.* Культурология как основа новой образовательной модели // Аналитика культурологии. – 2014. – № 2(29). – С. 129–143; *Павелко, Н. Н.* Основные векторы и направления прикладного культурологического исследования: методологический анализ // Вестник КСЭИ. Экономика. Право. Печать. – 2015. – № 2–3(66–67). – С. 54–67; Основные парадигмы современной культурологии как научной и образовательной дисциплины / *А. И. Щербакова, И. С. Казакова, Н. Н. Илларионова, А. П. Цилинко* // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2016. – Т. 15, № 6(139). – С. 124–132.
- [12] Например, см.: *Аблажей, А. М.* Поколения в науке: опыт эмпирического анализа // Социология науки и технологий. – 2010. – Т. 1, № 2. – С. 47–56; *Балер, М. А.* Молодые ученые: потенциал, проблемы, перспективы // Технологии гражданской безопасности. – 2021. – Т. 18, спецвыпуск. – С. 171–184; *Бахова, Н. А.* Сравнительный анализ представлений о молодом учёном в российской и зарубежной научной практике // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 6, № 4. – С. 656–664; *Швецова, А. В.* Воспроизводство кадрового потенциала науки в оценке молодых российских учёных: результаты прикладного исследования / *А. В. Швецова, А. А. Симонова, Н. Н. Давыдова* // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 5 (159). – С. 248–268.
- [13] Например, см.: *Винер, Б. Е., Марков, А. Р.* Проблемы российской аспирантуры по социальным и гуманитарным наукам // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V, № 2. – С. 148–164; *Загузов, Н. И.* Система подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров в России // Совершенствование диссертационных исследований по гуманитарным и общественным наукам в условиях модернизации российского образования : материалы Научного семинара. – Москва : Мос. гос. ун-т культуры и искусств, 2007. – 62 с; *Федореев, С. В.* Проблемы подготовки научных кадров высшей квалификации в условиях перехода к инновационной экономике // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. – 2013. – № 2(42). – С. 28–40.
- [14] Например, см.: *Артюхин, М. И., Пушкевич, С. А.* Анализ состояния и основные тенденции развития системы подготовки научных кадров высшей квалификации России за период 2010–2022 годы // Социологический альманах. – 2024. – № 15. – С. 92–102; *Кашина, М. А.* Негативные последствия реформирования российской аспирантуры: анализ и пути минимизации // Высшее образование в России. – 2020. – № 8/9. – С. 55–70; *Резник, С. Д., Чemezov, И. С.* Институт аспирантуры российского вуза: состояние, проблемы и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 430. – С. 159–168.
- [15] Например, см.: *Андрианова, Р. А.* Подготовка научных кадров высшей квалификации в России : состояние и пути решения проблемы // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2025. – № 1(76). – С. 151–161; *Семенов, Е. В.* Механизм воспроизводства научных кадров высшей квалификации перестаёт работать // Управление наукой : теория и практика. – 2025. – Т. 7, № 4. – С. 9–11.

- [16] Например, см.: *Вялых, Н. А.* Секреты успешной защиты научных исследований // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Т. 9, № 3. – С. 58–71; *Дятлов, А. В.* Принципы написания и оценки научной состоятельности диссертаций / *А. В. Дятлов, В. В. Ковалев, К. В. Воденко* // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 286–295; *Тютюнник, В. М.* Формулирование научной новизны результатов исследования и иных структурных составляющих во введении к выпускной квалификационной работе, научно-квалификационной работе, диссертации // Современные наукоемкие технологии. – 2023. – № 7. – С. 208–220.
- [17] *Винник, Д. В.* Объект-предметная казуистика и другие формы диссертационной схоластики // Философия науки. – 2017. – № 1(72). – С. 131–149.
- [18] *Лукин, Ю. А.* Методология и методика наук о культуре и искусстве : Введение в специальность : науч.-метод. пособие. – Москва : Полиграф сервис, 2015. – 200 с.; *Пустовойт, Ю. В.* Кандидатская диссертация по культурологии : методика написания, оформление и защита : учеб.-метод. пособие. – Москва : Ин-т Наследия, 2023. – DOI 10.34685/a0885-0323-3447-w. – 128 с.
- [19] Например, см.: *Галахтин, М. Г.* Использование искусственного интеллекта при подготовке выпускных квалификационных и диссертационных работ // Высотехнологичное право: ожидание и реальность : Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. В 2-х частях, Зеленоград, 14 февраля 2025 г. – Москва: Мос. ин-т электрон. техники, 2025. – С. 44–51; *Шульженко, С. Н., Басистный, И.* Искусственный интеллект в процессе написания дипломных работ современные тенденции, преимущества и вызовы // Эволюционные процессы информационных технологий : сб. науч. статей 9-й Междунар. науч.-техн. конф. Москва, 4 мар. 2024 г. – Москва : Ин-т гуманит. наук, экономики и информ. наук, 2024. – С. 527–536.
- [20] *Ступак, А. С.* Влияние технологий искусственного интеллекта на мотивацию аспирантов к защите кандидатской диссертации // От научных исследований к практикам развития : сб. материалов Владикавказского молодеж. науч. форума, Владикавказ, 22–23 окт. 2025 г. – Владикавказ : Северо-Осет. госу. ун-т им. К. Л. Хетагурова, 2025. – С. 193–197.
- [21] Например, см.: Стресс, вызванный защитой диссертации, и его последствия / *С. Л. Кандыбович, Т. В. Разина, Л. Ю. Субботина, Н. Р. Пронина* // Вестник Института мировых цивилизаций. – 2019. – Т. 10, № 3(24). – С. 26–35; *Самыкина, Н. Ю., Родионова, Е. В.* Проблемы психологической готовности аспирантов к выполнению и защите кандидатской диссертации в условиях цифровизации образования // Образование в современном мире : риски и перспективы цифровизации : сб. науч. трудов всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием, Самара, 27 фев. 2023 г. – Самара : Самар. нац. исслед. ун-т им. акад. С. П. Королева, 2023. – С. 33–39.
- [22] Например, см.: *Зерчанинова, Т. Е., Тарбеева, И. С.* Роль научного руководителя в научно-образовательной деятельности аспиранта // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 145–158; *Суворова, А. А.* Барьеры, возникающие при осуществлении научного руководства соискателями ученой степени // Государственная служба. – 2025. – Т. 27, № 4(156). – С. 96–104.
- [23] Например, см.: *Рудакова, М. С.* Историографическая лаборатория Мишеля Фуко : опыт анализа историософских текстов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2018. – № 19. – С. 415–426.
- [24] *Ковальченко, И. Д., Бородин, Л. И.* Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. – Москва : Изд-во МГУ, 1987. – 85 с.; *Гарскова, И. М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. – Москва : МГУ ; Göttingen : Max-Planck-Institut für Geschichte, [1994]. – 214 с.
- [25] *Черненко, С. В.* Digital Humanities в контексте современного гуманитарного знания // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. – 2020. – № 2(34). – С. 61–66.
- [26] *Володин, А. Ю.* Цифровая герменевтика исторического источника : формализация как толкование // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2025. – № 2(69). – С. 87–100. DOI 10.17072/2219-3111-2025-2-87-100.
- [27] *Гарскова, И. М.* Историческая информатика. Эволюция междисциплинарного направления. – Санкт-Петербург : Алетей, 2018. – С. 213.
- [28] *Ковальченко, И. Д., Бородин, Л. И.* Указ. соч. С. 12
- [29] *Грибанич, В. М.* Методы исследования экономических процессов : учеб. пособие / *В. М. Грибанич, В. М. Кутовой, А. Г. Рыбинец.* – Москва : Сам полиграфист, 2023. – С. 176 – 194.
- [30] *Гарскова, И. М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. С. 69–70.
- [31] Первоначальный набор атрибутов делился на две части: формальную и содержательную. Формальная часть включала информацию об учёной степени, дополнительной специальности (шифре), годе рождения, годе защиты, годах отчётных публикаций, научном руководителе (консультанте), месте подготовки (городе, организации), месте защиты (городе, организации). Содержательная часть включала информацию об объекте изучения, цели изучения, проблеме / гипотезе, результате исследования, методологии (подходах, основные теоретико-методологических основаниях, концепции), методах изучения, общей характеристике источников, междисциплинарности и том, как реализована междисциплинарность, пунктах специальности ВАК (или ключевых словах).

[32] Окончательный набор атрибутов включил три группы: информация о соискателе; характеристика научного исследования; принадлежность к вероятной научной школе. Информация о соискателе содержит столбцы: название работы, автор, учёная степень, год рождения, год защиты, годы отчётных публикаций (кол-во), молодой учёный (на момент защиты), молодой учёный (на момент первой публикации). Характеристика научного исследования содержит столбцы: цель, методология, методы изучения, типы и виды источников, междисциплинарность, новизна. Принадлежность к вероятной научной школе включает атрибуты: научный руководитель, место подготовки, место защиты.

DEVELOPMENT OF RUSSIAN CULTURAL STUDIES THROUGH THE PRISM OF DISSERTATION RESEARCH: THE FORMULATION OF THE PROBLEM AND THE ELABORATING OF A METHODOLOGY FOR STUDYING

Zotova Tatyana Anatolyevna,
PhD in Cultural Research, Senior researcher,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Madikova Lidiya Vladimirovna,
PhD in Cultural Research, Senior researcher,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The main task of the publication is to fix and determine the principles for solving the scientific problem associated with the influence of dissertation research and the processes of their preparation on modern Russian cultural studies, the structure of its scientific schools and methodological approaches. Key attention is paid to the characterization of historiography, the source base and research methodology, based on certain ideas of post-structuralism and the possibilities of the digital humanities. As a result of the first stage of scientific work, a matrix of a relational database summarizing information from mass sources (abstracts of dissertations) is presented and substantiated, which is considered as a meta-source for further study and solution of a wide range of scientific issues.*

Key words: *history of cultural studies, modern schools of cultural studies, training of scientific personnel, graduate school, dissertations in cultural studies, digital humanities, database, artificial intelligence, Alice AI Pro.*

REFERENCES

1. Ablazhey A.M. Pokoleniya v nauke: opyt empiricheskogo analiza [Generations in science: an empirical analysis], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 2010, vol. 1, no. 2, pp. 47–56.
2. Andrianova R.A. Podgotovka nauchnykh kadrov vysshej kvalifikatsii v Rossii : sostoyanie i puti resheniya problemy [Training of highly qualified scientific personnel in Russia: Status and Solutions], *Innovation in Psychological and Pedagogical*, 2025, no. 1(76), pp. 151–161.
3. Artyukhin, M.I., Pushkevich, S.A. Analiz sostoyaniya i osnovnye tendentsii razvitiya sistemy podgotovki nauchnykh kadrov vysshej kvalifikatsii Rossii za period 2010–2022 gody [Analysis of the state and main trends in the development of the system of training highly qualified scientific personnel in Russia for the period 2010–2022], *Sociological Almanac*, 2024, no. 15, pp. 92–102.
4. Bagrova N.V. Teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya kul'turologicheskogo issledovaniya [Theoretical and methodological foundations of cultural studies], *Ideas and Ideals*, 2011, vol. 2, no. 4, pp. 115–124.
5. Bakhova N.A. Sravnitel'nyy analiz predstavlenij o molodom uchyonome v rossijskoj i zarubezhnoj nauchnoj praktike [Comparative analysis of perceptions of young scientists in Russian and foreign scientific practice], *Pedagogy. Theory & Practice*, 2021, vol. 6, no. 4, pp. 656–664.
6. Baler M.A. Molodye uchenye: potentsial, problemy, perspektivy [Young scientists: potential, problems, prospects], *Civil Security Technology*, 2021, vol. 18, special issue, pp. 171–184.

7. Belik A.A. *Kul'turologiya : Antropol. teorii kul'tur* [Cultural studies: anthropological theories of cultures], Moscow, Ros. gos. gumanit. un-t, 238 p.
8. Chernen'kaya S.V. Digital humanities v kontekste sovremennogo gumanitarnogo znaniya [Digital humanities in the context of modern humanitarian knowledge], *MCU Journal of Philosophical Science*, 2020, no. 2(34). pp. 61–66.
9. Dyatlov A.V., Kovalev V.V., Vodenko K.V. Printsipy napisaniya i otsenki nauchnoj sostoyatel'nosti dissertatsij [Principles of writing and assessing the scientific validity of dissertations], *Bulletin of the South-Russian State Technical University NPI, Series Socio-economic sciences*, 2021, vol. 14, no. 6, pp. 286–295.
10. Fedoraev S.V. Problemy podgotovki nauchnykh kadrov vysshej kvalifikatsii v usloviyakh perekhoda k innovatsionnoj ekonomike [Problems of training highly qualified scientific personnel in the context of the transition to an innovative economy], *Uchenye zapiski Sankt-Petersburgskogo universita menedjmenta, tehnologij i ekonomiki*, 2013, no. 2(42), pp. 28–40.
11. Flier A.Ya. *Kul'turologiya dlya kul'turologov* [Culturology for culturologists], Moscow, Acad. proekt, 2000, 458 p.
12. Flier A.Ya. Otechestvennye nauchnye paradigmy issledovaniy teorii kul'tury [Domestic scientific paradigms of research into the theory of culture], *Culture and Arts Herald*, 2021, no. № 1(65), pp. 43–52.
13. Flier, A.Ya. Kul'turologiya kak sistema poznaniya [Cultural studies as a system of knowledge], *Culture and Arts Herald*, 2016, no 2(46), pp. 53–59.
14. Galakhtin, M.G. *Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta pri podgotovke vypusknykh kvalifikatsionnykh i dissertatsionnykh rabot* [Using artificial intelligence in preparing final qualification and dissertation theses], *Vysokotekhnologichnoe pravo: ozhidanie i real'nost'* [High-tech law: expectations and reality]: conference papers, Moscow, Mos. in-t elektron. tekhniki, 2025, pp. 44–51.
15. Garskova I.M. *Bazy i banki dannykh v istoricheskikh issledovaniyakh* [Databases and databanks in historical research], Moscow, MGU, Göttingen, Max-Planck-Institut für Geschichte, 1994, 214 p.
16. Garskova I.M. *Istoricheskaya informatika. Evolyutsiya mezhdistsiplinarnogo napravleniya* [Historical informatics. Evolution of an interdisciplinary direction], Saint Petersburg, Aleteya, 2018, 408 p.
17. Gribanich V.M., Kutovoj V.M., Rybinets A.G. *Metody issledovaniya ekonomicheskikh protsessov* [Methods of studying economic processes], Moscow, Sam poligrafist, 2023, 209 p.
18. Ikonnikova S.N. *Istoriya kul'turologicheskix teorii : ucheb. posobie* [History of cultural theories: a textbook for students of higher education institutions], Saint Petersburg, Piter, 2005, 473 p.
19. Kandybovich S.L., Razina T.V., Subbotina L.Yu. (et al.) Stress, vyzvannyj zashchitoj dissertatsii, i ego posledstviya [Stress caused by dissertation defense and its consequences], *Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsij*, 2019, vol. 10, no. 3(24), p. 26–35.
20. Kashina, M. A. Negativnye posledstviya reformirovaniya rossijskoj aspirantury: analiz i puti minimizatsii [Negative consequences of reforming the Russian postgraduate program: Analysis and ways to minimize them], *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2020, no. 8/9, pp. 55–70.
21. Koval'chenko I.D., Borodkin L.I. *Sovremennye metody izucheniya istoricheskikh istochnikov s ispol'zovaniem EVM* [Modern methods of studying historical sources using computers], Moscow, Izd-vo MGU, 1987, 85 p.
22. Kozyakova M.I. Kul'turologiya kak osnova novoj obrazovatel'noj modeli [Cultural studies as the basis of a new educational model], *Analitika kul'turologii*, 2014, no. 2(29), pp. 129–143.
23. Lukin Yu.A. *Metodologiya i metodika nauk o kul'ture i iskusstve (Vvedenie v spetsial'nost')* [Methodology and methods of the sciences of culture and art (Introduction to the specialty)], Moscow, Poligraf servis, 2015, 200 p.
24. Mezhuiev, V. M. *Ideya kul'tury : ocherki po filosofii kul'tury* [Idea of Culture: Essays on the Philosophy of Culture], Moscow, Progress-Tradiciya, 2006, 406 p.
25. Orlova E.A. *Istoriya antropologicheskikh uchenij* [History of anthropological teachings], Moscow, Akad. proekt, 2010, 621 p.
26. Pavelko N.N. Osnovnye vektory i napravleniya prikladnogo kul'turologicheskogo issledovaniya: metodologicheskij analiz [Main vectors and directions of applied cultural studies research: methodological analysis], *Bulletin of the KSEI. Economics. Law. Printing*, 2015, no. 2–3 (66–67), pp. 54–67.
27. Pustovoit Yu.V. *Kandidatskaya dissertatsiya po kul'turologii : metodika napisaniya, oformlenie i zashchita* [Candidate's dissertation in cultural studies: methods of writing, design, and defense], Moscow, In-t Naslediya, 2023, 128 p., DOI 10.34685/a0885-0323-3447-w.
28. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii ot 17 avgusta 2024 no. 2233-r "Ob utverzhdenii Strategii realizatsii molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federatsii na period do 2030 goda" [Decree of the Government of the Russian Federation of 17 August 2024 no. 2233-r "On approval of the Strategy for the implementation of youth policy in the Russian

Federation for the period up to 2030"], Government of the Russian Federation, official website, available at: <http://static.government.ru/media/files/jBrmuJi7WMLGBOFtXWHRMlzKFCgIqO7.pdf> (accessed: 01.04.2026).

29. Reznik S.D., Chemezov I.S. Institut aspirantury rossijskogo vuza: sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya [Postgraduate program of a Russian university: status, problems, and development prospects], *Tomsk State University Journal*, 2018, no. 430, pp. 159–168.
30. Rodionova D.D. Retrospektivnyj analiz dissertatsionnykh issledovanij v kontekste razvitiya sovremennoj muzeologii [Retrospective analysis of dissertation research in the context of the development of modern museology], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2024, no. 66, pp. 250–257, DOI 10.31773/2078-1768-2024-66-250-257.
31. Rudakova M.S. Istoriograficheskaya laboratoriya Mishelya Fuko : opyt analiza istoriosofskikh tekstov [Michel Foucault's historiographic laboratory: an experiment in analyzing historiosophical texts], *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2018, no. 19, pp. 415–426.
32. Rybak K. E., Mishchuk A. N. *Muzejnoe delo i okhrana kul'turnogo naslediya v dissertatsionnykh issledovaniyakh (1946–2018)* [Museum work and protection of cultural heritage in dissertation research (1946–2018)], Krasnodar, Ekoinvest, 2018, 85 p.
33. Samyukina N.Yu., Rodionova E.V. *Problemy psikhologicheskoy gotovnosti aspirantov k vypolneniyu i zashchite kandidatskoj dissertatsii v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya* [Problems of psychological readiness of postgraduate students to complete and defend a candidate's dissertation in the context of digitalization of education], *Obrazovanie v sovremennom mire: riski i perspektivy tsifrovizatsii* [Education in the modern world: the risks and prospects of digitalization]: conference papers, Samara, Samar. nats. issled. un-t im. akad. S.P.Korolyeva, 2023, pp. 33–39.
34. Semenov E.V. Mekhanizm vosproizvodstva nauchnykh kadrov vysshej kvalifikatsii perestayot rabotat' [Mechanism for reproducing highly qualified scientific personnel stops working], *Science Management: theory and practice*, 2025, vol. 7, no. 4, pp. 9–11.
35. Shcherbakova A.I., Kazakova I.S., Illarionova N.N. (et al.) Osnovnye paradigmy sovremennoj kul'turologii kak nauchnoj i obrazovatel'noj distsipliny [Main paradigms of modern cultural studies as a scientific and educational discipline], *Scientific Notes of the Russian State Social University*, 2016, vol. 15, no. 6(139), pp. 124–132.
36. Shendrik A.I. *Teoriya kul'tury* [Theory of culture], Moscow, UNITY Edinstvo, 2002. 519 p.
37. Shul'zhenko S.N., Basistnyj I. *Iskusstvennyj intellekt v protsesse napisaniya diplomnykh rabot sovremennye tendentsii, preimushchestva i vyzovy* [Artificial intelligence in the process of writing theses: modern trends, advantages, and challenges], *Evolutsionnye protsessy informatsionnykh tekhnologiy* [Evolutionary processes of information technologies]: conference papers, Moscow, In-t gumanit. nauk, ekonomiki i inform. nauk, 2024, pp. 527–536.
38. Shvetsova A.V., Mikitinets A.Yu., Mikitinets O.I. Transdistsiplinarnost' kak metodologicheskij vektor kul'turologii: ot postmodernizma k sovremennosti [Transdisciplinarity as a methodological vector of culturology: from postmodernism to modernity], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2023, no. 1(111), pp. 6–17, DOI 10.24412/1997-0803-2023-1111-6-17.
39. Shvetsova A.V., Simonova A.A., Davydova N.N. Vosproizvodstvo kadrovogo potentsiala nauki v otsenke molodykh rossijskikh uchonykh: rezul'taty prikladnogo issledovaniya [Reproduction of scientific personnel potential in the assessment of young Russian scientists: results of an applied study], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2020, no. 5(159), p. 248–268.
40. Sizova I.A. Muzejnoye delo v otechestvennykh dissertatsionnykh issledovaniyakh (1990–2010 gg.) [Museum studies in domestic dissertation research (1990–2010)], *Tomsk State University Journal, History*, 2011, no. 3, pp. 136–139.
41. Stupak A.S. *Vliyanie tekhnologij iskusstvennogo intellekta na motivatsiyu aspirantov k zashchite kandidatskoj dissertatsii* [Impact of artificial intelligence technologies on the motivation of graduate students to defend a candidate's dissertation], *Ot nauchnykh issledovanij k praktikam razvitiya* [From scientific research to development practices]: conference papers, Vladikavkaz, Severo-Oset. gos. un-t im. K.L.Khetagurova, 2025, pp. 193–197.
42. Suvorova A.A. Bar'ery, vznikayushchie pri osushchestvlenii nauchnogo rukovodstva soiskatelyami uchenoj stepeni [Barriers arising in the implementation of scientific supervision of applicants for an academic degree], *Public Administration*, 2025, vol. 27, no. 4(156), pp. 96–104.
43. Trofimova R.P. *Istoriya russkoj kul'turologii: uchebnoye posobie dlya vysshej shkoly* [History of Russian cultural studies: a textbook for higher education], Moscow, Akad. proekt, 2003, 608 p.
44. Tyutyunnik V.M. Formulirovanie nauchnoj novizny rezul'tatov issledovaniya i inyx strukturnykh sostavlyayushchikh vo vvedenii k vypusknok kvalifikatsionnoj rabote, nauchno-kvalifikatsionnoj rabote, dissertatsii [Formulating the scientific novelty of research results and other structural components in the introduction to a graduation thesis, research thesis, or dissertation], *Modern high technologies*, 2023, no. 7, pp. 208–220.

45. Viner B.E., Markov A.R. Problemy rossijskoj aspirantury po sotsial'nym i gumanitarnym naukam [Problems of Russian postgraduate studies in the social sciences and humanities], *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2002, vol. V, no. 2, pp. 148–164.
46. Vinnik D.V. Ob"ekt-predmetnaya kazuistika i drugie formy dissertatsionnoj skholastiki [Object-subject casuistry and other forms of dissertation scholasticism], *Filosofiya nauki*, 2017, no. 1(72), pp. 131–149.
47. Volodin A.Yu. Tsifrovaya germeneytika istoricheskogo istochnika : formalizatsiya kak tolkovanie [Digital hermeneutics of a historical source: formalization as interpretation], *Perm University Herald, Series History*, 2025, no. 2(69), pp. 87–100, DOI 10.17072/2219-3111-2025-2-87-100.
48. Vyalykh N.A. Sekrety uspekhov zashchity nauchnykh issledovaniy [Secrets of Successful defense of scientific research], *Humanities of the South of Russia*, 2020, vol. 9, no. 3, pp. 58–71.
49. Zaguzov N.I. Sistema podgotovki i attestatsii nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov v Rossii [System of training and certification of scientific and scientific-pedagogical personnel in Russia], *Sovershenstvovanie dissertatsionnykh issledovaniy po gumanitarnym i obshchestvennym naukam v usloviyakh modernizatsii rossijskogo obrazovaniya : materialy Nauchnogo seminar* [Improving Dissertation research in the humanities and social sciences in the context of the modernization of Russian education: proceedings of the scientific seminar], Moscow, Mos. gos. un-t kul'tury i iskusstv, 2007, 62 p.
50. Zerchaninova T.E., Tarbeeva I.S. Rol' nauchnogo rukovoditelya v nauchno-obrazovatel'noj deyatel'nosti aspiranta [Role of a supervisor in the scientific and educational activities of a postgraduate student], *Research result. Sociology and Management*, 2020, vol. 6, no. 2, pp. 145-158.
51. Zvereva, G.I. Problemy samoopredeleniya kul'turologii v akademicheskoy sisteme sociogumanitarnogo znaniya [Problems of self-determination of cultural studies in the academic system of social and humanitarian knowledge], *Herald of culturology*, 2014, no 2(69), pp. 8–10.

© Зотова Т.А., Мадикова Л.В., текст, 2026
Статья поступила в редакцию 01.06.2026.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка для цитирования:

Зотова, Т. А., Мадикова, Л. В. Развитие отечественной культурологии сквозь призму диссертационных исследований: постановка проблемы и разработка методики изучения. – DOI 10.34685/НН.2026.21.71.003 // Культурологический журнал. – 2026. – № 3(65). – С. 81-94. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/770.html&j_id=69. – Текст : электронный.

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВОЕННОМУ НАСЛЕДИЮ:
ОТ АРТЕФАКТА К КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ**

DOI 10.34685/HI.2026.13.58.004

Ларионцев Михаил Михайлович,

кандидат культурологии,
учёный секретарь Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва (Москва)
Email: m.lariontsev@gmail.com

Окороков Александр Васильевич,

доктор исторических наук,
заместитель директора по научной работе
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (Москва)
Email: info@heritage-institute.ru

Аннотация. В статье обосновывается методологическая роль культурологии в изучении военного наследия. Особое внимание уделено переходу от узко дисциплинарных исследований к комплексному культурологическому анализу, позволяющему реконструировать военное прошлое как целостный социокультурный феномен. Новизна подхода заключается в интеграции семиотического, антропологического и мемориального инструментария; актуальность определяется необходимостью ответственной мемориализации и противодействия фальсификациям. Показано, как менялся объект анализа: от коллекционирования материальных артефактов — к культурной памяти, символическим практикам и нарративам. Наиболее значимые выводы связаны с обоснованием культурологии как интегративной платформы для изучения политики идентичности, музейных практик и формирования исторического сознания.

Ключевые слова: культурология, военное наследие, культурная память, историческое сознание, мемориальная культура, военно-историческая антропология, музеефикация, идентичность.

Долгое время военное наследие оставалось предметом внимания почти исключительно исторической науки, археологии и музееведения. Интерес сводился в основном к коллекционированию и каталогизации материальных следов войн — оружия, наград, деталей униформы. Однако за последние десятилетия произошла заметная концептуальная переоценка: на первый план вышли проблемы репрезентации, интерпретации и актуализации прошлого. В этом повороте культурология, нацеленная на анализ смысловых систем, коммеморативных практик и механизмов идентичности, занимает всё более уверенные позиции. Военное наследие перестаёт быть нейтральным «прошлым»; оно превращается в динамичный ресурс современности, поле символической борьбы и диалога о фундаментальных ценностях. Характеризуя этот сдвиг, Т. А. Пархоменко замечает: «У культурологов повышенный интерес вызывает понятие «культура памяти», связанное с коммеморативными практиками, формирующими «среду памяти», по характеру которой можно судить о национальном историческом сознании, политике памяти и политической культуре страны» [6].

Исследовательские стратегии здесь не сводятся к чему-то одному. Семиотический ракурс предлагает «прочитать» военное наследие как текст, составленный из знаков и символов. Крепость, памятник, награды, погоны [4], батальная живопись — всё это работает как сложнокодированное сообщение о героизме, жертве, победе или поражении. Анализ визуальных образов войны (имагология) [5] позволяет увидеть, какими способами формируются и тиражируются коллективные представления о товарище и враге, долге и чести. Другой ракурс — антропология памяти (Memory Studies) — смещает фокус с «истории как она была» на «прошлое как его помнят». Здесь речь идёт о механизмах культурной памяти о войне: ритуалах вроде парадов и минут молчания, местах памяти (lieux de

mémoire, по П. Нора [3]) — музеях, мемориалах, полях сражений, — а также о повествовательных источниках, от официальных историографий до семейных преданий. Именно этот инструментарий даёт возможность проследить, как травматический опыт войны перерабатывается, канонизируется или, напротив, вытесняется. Наконец, историко-культурный и антропологический подходы позволяют реконструировать повседневность войны и её «человеческое измерение»: практики выживания, трансформацию ценностей, феномен фронтового братства, гендерные аспекты (образы женщины-воина, матери-Родины). В этом смысле война изучается как экстремальная культурная ситуация, ломающая старые поведенческие и смысловые модели и порождающая новые.

Остановимся на нескольких сферах, где культурологический анализ военного наследия проявляет себя наиболее отчётливо.

Музеефикация и мемориализация. Сегодня военный музей или мемориальный комплекс — далеко не просто хранилище артефактов, а сложно устроенное коммуникативное пространство [7]. Культурологическая экспертиза помогает оценить экспозиционный сценарий: что именно выставляется, а что остаётся за рамками, какие эмоции и размышления должен вызывать у посетителя выстроенный маршрут (от скорби к триумфу, от ужаса к примирению), какова мера интерактивности и вовлечения. Исследователь выступает здесь и как критик, и как соразработчик пространств памяти, помогая избегать как милитаристской романтизации, так и полной десакрализации подвига. Стоит упомянуть, что до 2023 года действовал официальный мораторий на включение в Список Всемирного наследия объектов, связанных с войнами XX века (исключения составляли объекты в Хиросиме, Варшаве, Гавре, Санкт-Петербурге и Освенциме). Сравнительно недавно, в 2014 году, французская сторона внесла в Предварительный список объект «Пляжи высадки, Нормандия, 1944», а в 2024 году на базе Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия) была подготовлена заявка, и Предварительный список пополнился объектом «Мемориалы героям Великой Отечественной войны: Брестская крепость и Мамаев курган» [10].

Политика памяти и формирование идентичности. Военное наследие служит мощным инструментом конструирования идентичности — национальной, региональной, локальной. Культурологический взгляд вскрывает как те или иные события (Победа, поражение, оборона) становятся смысловыми «стержнями» сообщества. Не менее важно, что он позволяет анализировать «войны памяти» — публичные споры о памятниках, названиях улиц, трактовках событий, — обнаруживая их связь с текущими политическими и идеологическими процессами и показывая, как прошлое привлекается для легитимации настоящего. Институт Наследия ведёт в этом направлении систематическую работу, консолидируя учёных и апробируя результаты на площадках разного уровня: международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» [8], всероссийская конференция «Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне» [9], цикл конференций с международным участием «Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе» [2] (совместно с Российским институтом истории искусств) и другие.

Реконструкция и интерпретация исторических событий. Культурология предлагает не ограничиваться хронологией сражений и биографиями полководцев, а поставить вопросы о смыслах: что вкладывали современники в понятия «Отечество», «Долг», «Честь» на конкретном историческом этапе? Как война воспринималась разными слоями общества — крестьянином, горожанином, интеллигентом? Как менялся образ врага и союзника в пропаганде и массовой культуре? Подобная призма даёт шанс увидеть войну изнутри культурного горизонта эпохи, уходя от упрощений и аббераций, вызванных межпоколенческой разницей в мировосприятии [2].

Военное наследие в медиа и популярной культуре. Кино, литература, компьютерные игры о войне становятся едва ли не главными агентами трансляции и формирования представлений о прошлом. Их культурологический анализ выявляет доминирующие и маргинальные сюжеты, эстетизацию насилия, механизмы создания героических и антигероических образов, работу с травмой. Медийный формат целенаправленно воздействует на массовое сознание и особенно на молодёжную аудиторию, поэтому в идеале он должен работать на популяризацию военного наследия, развитие патриотического воспитания и сохранение исторической памяти.

Отдельно стоит обратить внимание на этическую сторону. Работа с военным наследием — особенно трагическим и травматическим — накладывает на исследователя серьёзную ответственность. Возникает непростой вопрос: как говорить о страданиях и жертвах, не превращая их в объект холодного анализа и тем более в зрелище? Очевидно, что требуется баланс между научной объективностью и этической чуткостью. Другая точка напряжения — недопущение фальсификации истории: множественность интерпретаций не должна оборачиваться оправданием преступлений против человечности или отрицанием установленных фактов. Исследователю необходимо отдавать себе отчёт в том, что его выводы могут быть использованы в целях пропаганды или для разжигания конфликтов. Его задача — не поставлять аргументы той или иной стороне, а способствовать рефлексивному, сложному пониманию прошлого и противостоять его грубой политической инструментализации.

Таким образом, культурологический подход радикально расширяет горизонты изучения военного наследия, переводя его из разряда «вещей» (артефактов) и «дат» (событий) в разряд «смыслов» и «образов». Наследие предстаёт не застывшим монументом, а живым процессом — непрекращающимся диалогом между прошлым и настоящим, индивидуальной и коллективной памятью, официальной доктриной и народным преданием. Выступая интегративной методологической платформой, культурология связывает воедино материальные свидетельства, символические практики и психологические состояния, давая ключ к пониманию того, как война продолжает жить в культуре долгие годы после последнего выстрела, формируя идентичности, ценности и ландшафты. В этом смысле культурологическое осмысление военного наследия — не просто академическое упражнение, а необходимая гуманитарная практика, работающая на историческое самоосознание общества и становление ответственной гражданской позиции.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Лаптева, И. В., Трошин, А. И.* Реконструкторская деятельность как объект культурологического исследования // Вестник ЧГАКИ. – 2024. – № 2 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekonstruktorskaya-deyatelnost-kak-obekt-kulturologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 29.01.2026). – Текст : электронный.
- [2] Научная конференция «Победа как закономерность русской истории» // Российский институт истории искусств : офиц. сайт. URL: <https://artcenter.ru/nauchnaya-konferenciya-pobeda-kak-zakonomernost-russkoj-istorii/> (дата обращения: 29.01.2026). – Текст : электронный.
- [3] *Нора, П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаева. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
- [4] *Окороков, А. В.* Погоны – символы великих побед : в 2 т. – Москва : Ин-т Наследия, 2025.
- [5] *Папилова, Е. В.* Имагология как гуманитарная дисциплина // Rhema. Рема. – 2011. – № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imagologiya-kak-gumanitarnaya-distiplina> (дата обращения: 29.01.2026). – Текст : электронный.
- [6] *Пархоменко, Т. А.* Дискурсы об историко-культурном наследии в современном мире (XX–XXI вв.) : [Электронное сетевое издание]. – Москва : Ин-т Наследия, 2024. URL: <https://heritage-institute.ru/?download=1&kccpid=197079&kcccount=1367> (дата обращения: 29.01.2026). – Текст : электронный.
- [7] *Поляков, Т. П.* Война и Музей : особенности экспозиционной деятельности военно-исторических музеев России на современном этапе / *Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Чувилькина.* – Москва : Ин-т Наследия, 2025. URL: <https://heritage-institute.ru/?download=1&kccpid=199939&kcccount=1814> (дата обращения: 29.01.2026). – Текст : электронный.
- [8] Программа международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» // Институт Наследия : офиц. сайт. URL: https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2025/08/11knsk_programma-i-tezisy_s-oblozhkoj_na-sajt.pdf (дата обращения: 29.01.2026). – Текст : электронный.
- [9] Программа всероссийской научной конференции «Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне» // Институт Наследия : офиц. сайт. URL: <https://heritage-institute.ru/?download=1&kccpid=201190&kcccount=3188> (дата обращения: 29.01.2026). – Текст : электронный.
- [10] *Филатова, Н. В.* Памятники, связанные со Второй мировой войной, в Списке всемирного наследия: сложившаяся практика и перспективы // Одиннадцатый Всероссийский конкурс молодых учёных в области искусств и культуры : сборник работ лауреатов : [Электронное сетевое издание]. – Москва : Ин-т Наследия, 2024. – С. 846–874. – DOI 10.34685/NI.2024.61.68.003.

CULTURAL APPROACH TO MILITARY HERITAGE: FROM ARTEFACT TO CULTURAL MEMORY

Lariontsev Mikhail Mikhailovich,

PhD in Cultural Research,
Academic secretary, Likhachev Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Okorokov Alexander Vasilievich,

D. in History, Deputy Director for research,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. The article substantiates the methodological role of culturology in the study of military heritage. Special attention is paid to the shift from narrow disciplinary studies to a comprehensive culturological analysis that reconstructs the military past as an integral socio-cultural phenomenon. The novelty of the approach lies in the integration of semiotic, anthropological and memorial tools; its relevance is determined by the need for responsible memorialization and counteraction to falsifications. The article shows how the research object has changed: from collecting material artefacts to cultural memory, symbolic practices and narratives. The most significant conclusions concern the grounding of culturology as an integrative platform for studying identity politics, museum practices and the formation of historical consciousness.

Keywords: culturology, military heritage, cultural memory, historical consciousness, memorial culture, military-historical anthropology, museification, identity.

REFERENCES

1. Filatova N.V. *Pamyatniki, svyazannye so Vtoroi mirovoi voinoi, v Spiske vseirnogo naslediya: slozhivshayasya praktika i perspektivy* [Monuments related to the Second World War on the World Heritage List: Current practice and prospects], *Odinnadtsatyi Vserossiiskij konkurs molodykh uchenykh v oblasti iskusstv i kul'tury: sbornik rabot laureatov* [Eleventh All-Russian competition of young scientists in arts and culture: collection of laureates' works], Moscow, In-t Naslediya, 2024, pp. 846–874, DOI 10.34685/HI.2024.61.68.003.
2. Lapteva I.V., Troshin A.I. *Rekonstruktorskaya deyatel'nost' kak ob'ekt kul'turologicheskogo issledovaniya* [Reenactment activity as an object of cultural studies research], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekonstruktorskaya-deyatelnost-kak-obekt-kulturologicheskogo-issledovaniya> (accessed: 29.01.2026).
3. *Nauchnaya konferentsiya "Pobeda kak zakonomernost' russkoi istorii"* [Scientific conference "Victory as a regularity of Russian history"], available at: <https://artcenter.ru/nauchnaya-konferentsiya-pobeda-kak-zakonomernost-russkoj-istorii/> (accessed: 29.01.2026).
4. Nora P. *Mezhdru pamyat'yu i istoriei. Problematika mest pamyati* [Between memory and history. The Problem of sites of memory], *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory], Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999, pp. 17–50.
5. Okorokov A.V. *Pogony – simvoly velikikh pobed: v 2 t.* [Epauettes – symbols of great victories: in 2 vols.], Moscow, In-t Naslediya, 2025.
6. Papilova E.V. *Imagologiya kak gumanitarnaya distsiplina* [Imagology as a Humanitarian Discipline], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/imagologiya-kak-gumanitarnaya-distciplina> (accessed: 29.01.2026).
7. Parkhomenko T.A. *Diskursy ob istoriko-kul'turnom nasledii v sovremennom mire (XX–XXI vv.)* [Discourses on historical and cultural heritage in the modern world (20th–21st Centuries)], 2024, available at: <https://heritage-institute.ru/?download=1&kccpid=197079&kcccount=1367> (accessed: 29.01.2026).
8. Polyakov T.P., Zotova T.A., Chuvilkina Yu.V. *Voina i Muzei: osobennosti ekspozitsionnoy deyatel'nosti voenno-istoricheskikh muzeev Rossii na sovremennom etape* [War and museum: features of the exhibition activities of military history museums in Russia at the present stage], 2025, available at: <https://heritage-institute.ru/?download=1&kccpid=199939&kcccount=1814> (accessed: 29.01.2026).
9. *Programma mezhdunarodnogo nauchnogo foruma "Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya"* [Program of the International scientific forum "Cultural heritage of the North Caucasus as a resource for interethnic consent"], available at: https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2025/08/11knsk_programma-i-tezisy_s-oblozhkoj_na-sajt.pdf (accessed: 29.01.2026).

10. *Programma vserossiiskoi nauchnoi konferentsii "Sibir': vklad v pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine"* [Program of the All-Russian scientific conference "Siberia: contribution to Victory in the Great Patriotic War"], available at: <https://heritage-institute.ru/?download=1&kccpid=201190&kcccount=3188> (accessed: 29.01.2026).

© Ларионцев М.М., Огороков А.В., текст, 2026
Статья поступила в редакцию 01.06.2026.

Ссылка для цитирования:

Ларионцев, М. М., Огороков, А. В. Культурологический подход к военному наследию: от артефакта к культурной памяти. – DOI 10.34685/HI.2026.13.58.004 // Культурологический журнал. – 2026. – № 3(65). – С. 95-99. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/771.html&j_id=69. – Текст : электронный.

**БЛИЖНЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ РОССИИ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ**

DOI 10.34685/HI.2026.30.33.010

Пархоменко Татьяна Александровна,

доктор исторических наук,
руководитель отдела культурологии
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва
Email: ParchomenkoT@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс появления в конце XX века на постсоветском пространстве Евразии ближнего зарубежья и роль в нем советской национальной политики. На базе исторических документов и материалов, работ руководителей Советского Союза рассматриваются политические, экономические, этнокультурные основания распада СССР и образования независимых национальных республик. Взгляд на ближнее зарубежье не только как на геополитический феномен, но и многогранное постсоветское наследие входящих в него стран и народов, а также России, определяет актуальность его изучения.

Ключевые слова: Россия, СССР, советская национальная политика, ближнее зарубежье, культура, наследие.

В России понятие «ближнее зарубежье» появилось в конце XX в. после распада Советского Союза. 8 декабря 1991 г. лидерами трёх бывших союзных республик – Белоруссии, России, Украины в столице Белоруссии Минске было подписано «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств», начинавшееся словами: «Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина как государства-учредители Союза ССР, подписавшие Союзный Договор 1922 г., далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование» [12]. Через два дня, 10 декабря 1991 г. «Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» было ратифицировано Верховным советом Республики Беларусь и Верховной Радой Украины, а 12 декабря 1991 г. – и Верховным Советом России, в постановлении которого отмечалось: «Верховный Совет РСФСР обращается ко всем государствам – бывшим союзным республикам СССР, независимо от их национальных, религиозных и иных различий, разделяющим идеи Соглашения, с предложением присоединиться к Содружеству Независимых Государств для взаимовыгодного сотрудничества в интересах всех народов» [3, л. 175].

На данное обращение откликнулось одиннадцать республик, которые в Алма-Ате 21 декабря 1991 г. подписали Алма-Атинскую Декларацию о создании Содружества Независимых Государств. Отказались присоединиться к СНГ Грузия, Латвия, Литва и Эстония. Затем в Москве 26 декабря 1991 г. на последнем заседании Совета Республик Верховного Совета СССР была принята «Декларация Совета Республик Верховного Совета СССР в связи с созданием Содружества Независимых Государств № 141-Н», в которой говорилось: «Опираясь на волю, выраженную высшими государственными органами Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Узбекистан и Украины о создании Содружества Независимых Государств, Совет Республик Верховного Совета СССР констатирует, что с созданием Содружества Независимых Государств Союз ССР как государство и субъект международного права прекращает свое существование» [1, с. 2058].

Все эти глобальные изменения привели к тому, что вокруг современной России сформировалось обширное пространство ближнего зарубежья из территорий, сначала являвшихся частью Российской империи, а потом и Советского Союза. Оно простиралось от центра Европы до центра Азии и включало

присоединенные к России в XVIII в. земли Балтии, Бессарабии, Польши, некоторые из которых в эпоху средневековья входили в состав Древней Руси, а в XIX в. – Азербайджана, Армении, Грузии, Средней Азии, Финляндии.

В начале XX в. революционеры, используя лозунг национально-культурной автономии и областничества для уничтожения Российской империи, разделили её сначала на советские республики, а затем объединили их, как было сказано в Декларации об образовании СССР 1922 г., в «одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутреннее хозяйственное преуспеяние, и свободу национального развития народов», а также стать «верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» [4, л. 1]. Подписанный 30 декабря 1922 г. вместе с Декларацией Договор об образовании СССР в завершающей 26 статье определял: «За каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза» [4, л. 1].

Именно данная статья Союзного договора 1922 г. через 69 лет послужила советским республикам юридическим основанием для роспуска СССР, который в представлении многих из них не отвечал заверениям Декларации об образовании СССР в том, что «Только в лагере советов, только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов», опирающегося на «мир, национальную свободу и равенство», что «попытки капиталистического мира на протяжении десятков лет разрешить вопрос о национальностях путем совмещения свободного развития народов с системой эксплуатации человека человеком оказались бесплодными» [4, л. 1].

Реальная история Советского Союза во многом расходилась с идеалами и лозунгами социализма, что хорошо понимал В. И. Ленин, который уже в 1919 г. писал: «Поменьше болтовни о “трудовой демократии”, о “свободе, равенстве, братстве”, о “народовластии” и тому подобном. <...> Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достигающих не работающим лично и не их “ближним”, а “дальним”, т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, а потом в Союз Советских республик» [5, с. 22-23]. Тех же, кто отказывался работать на «дальних», стали называть «трудовыми дезертирами» и, согласно резолюции IX съезда РКП(б), вести с ними «суровую борьбу, в частности путем опубликования штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь» [11, с. 209].

Ленин видел интернационализм «не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически» нации маленькой, угнетаемой, для чего, как он писал, «нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством “великодержавной” нации» [6, с. 359]. Иначе говоря, речь шла об «искуплении» русским народом «грехов» имперской политики России, расплате граждан РСФСР за царское прошлое своих предков через лишение их собственных экономических интересов, жесткой трудовой эксплуатации, перекачивание производительных, культурных сил и ресурсов из центра в этнические окраины, а также, как отмечал И. В. Сталин, «административного передела России по национальному признаку в интересах сближения трудовых масс отсталых народов с пролетариатом России», в результате которого она лишилась части своих исконных территорий [13, с. 45].

Принятая на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. развернутая резолюция по национальному вопросу прямо и четко говорила о необходимости, во-первых, преодоления «наследства пройденного периода», когда окраины были «сырьевыми районами, эксплуатируемые промышленно-развитыми центральными районами», во-вторых, выравнивания «культурного и хозяйственного уровня отсталых народов», в том числе путём отмены «былого привилегированного положения великоруссов», и, в-третьих, придания Союзу советских республик «характера военно-хозяйственного и политического объединения народов» [11, с. 363-364].

Руководство большевистской партии отвергало любые разговоры о целесообразности «образования так называемого «единого-неделимого» Союза и об искусственном создании республик, например, путём «насаждения белорусской национальности» или о том, «что украинская республика и украинская нация – выдумка немцев» [13, с. 48, 190]. Отвечая на них, Сталин говорил: «Между тем ясно, что украинская нация существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор ещё преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. Лет 40 тому назад Рига представляла собой немецкий город. Но так как города растут за счёт деревень, а деревня является хранительницей национальности, то теперь Рига – чисто латышский город. <...> То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают небелоруссы» [13, с. 49].

В результате такой семидесятилетней национальной политики самые экономически развитые регионы РСФСР, доля которой в общем объеме промышленной продукции СССР, например, в 1988 г. составляла 59,1%, оказались донорами всех остальных, вклад которых в народное хозяйство СССР не был равнозначен их потреблению. Это привело к тому, что в последней трети XX в. уровень жизни населения дотационных республик начал существенно превосходить показатели РСФСР, в частности, по оплате труда и в целом, по качеству жизни. Так, если в РСФСР в 1988 г. средний размер банковских вкладов составлял 1519 руб., то в Литве – 2352 руб., Грузии – 2041 руб., Армении – 2014 руб., Эстонии – 1933 руб., Латвии – 1705 руб., Туркменистане – 1592 руб. [9, с. 96] По среднедушевому совокупному доходу, например, свыше 200 рублей в месяц, который в РСФСР в том же 1988 г. имели 22% населения, в лидерах были Латвия – 28,3% населения, Литва – 24,0% и Эстония – 33,6% [9, с. 94].

Данный дисбаланс в конце концов привел к девальвации не только идеи равноправного объединения и сотрудничества народов, но и союзно-республиканской формы советского государства. Это объясняет также, почему именно Россия, а также Белоруссия и Украина, оказавшиеся на рубеже 1980–1990 гг. в глубоком социально-экономическом кризисе, выступили инициаторами прекращения действия Союзного Договора 1922 г. и «парада суверенитетов», поскольку не могли более обеспечивать существование СССР. Трансформация советских республик в независимые национальные государства сопровождалась отказом от официальной коммунистической идеологии, в том числе идеологии «пролетарского интернационализма» и «единого советского народа» с культурой «социалистической по содержанию и национальной по форме».

Политико-идеологическая и формально-национальная идентификация народов СССР сменилась этнокультурной идентичностью и, как следствие, обострением национального самосознания и этнического национализма. На задававшийся в конце XX в. вопрос: «Что роднит вас со своим народом?» – звучали уже не советские лозунги, а четкие определения – «язык», «культура (образ жизни, обычаи, обряды)», «черты характера» и в меньшей степени «исторические судьбы» [15, с. 503]. Произошло то, чего постоянно опасались большевистские лидеры – «национализма наступательного, завязного шовинизма более сильной национальности, направленного против слабых национальностей», причем не только великодержавного-великорусского, в котором коммунисты видели главную угрозу советскому единству, но и «шовинизма грузинского (в Грузии), направленного против армян, осетин, аджарцев и абхазцев, шовинизма азербайджанского (в Азербайджане), направленного против армян, шовинизма узбекского (в Бухаре и Хорезме), направленного против туркмен и киргиз, шовинизма армянского и пр., <...> являющегося величайшим злом, грозящим превратить некоторые национальные республики в арену грызни и склоки» [11, с. 364].

Большевики были убеждены в том, что марксизм победит национализм, но быстро перестроить архаичное массовое сознание не смогли, так же как не смогли полностью приспособить национальные традиционные культуры к новым коммунистическим идеалам, ценностям и смыслам. Они полагали, что диктатура пролетариата способна удержать в едином союзе ставшие советскими республиками окраины Российской империи, однако своего пролетариата в Азии и на Кавказе практически не было, а тот, что имелся, был русским и во многом, особенно по культуре, чуждым местным элитам, сепаратизм которых стал проявляться уже на рубеже 1920–1930 гг. Несмотря на то, что партия большевиков постоянно боролась с местным национализмом, искоренить его не удалось.

Связано это было во многом с крайне противоречивой советской национальной политикой, которая, с одной стороны, поддерживала все формы национального самоопределения и разделения, создавала нации и национальные территории в тех регионах, где их никогда не было, а, с другой стороны,

основываясь на идеологии пролетарского, то есть классового интернационализма, боролась с теми национальными движениями, которые ему никак не соответствовали – панисламизмом, пантюркизмом, басмачеством и главное – с «русским шовинизмом». На борьбу с ним была направлена политика так называемой коренизации окраин, суть которой сводилась к замещению русского присутствия национальными меньшинствами, начиная с управленческих кадров, интеллигенции, военных и заканчивая местами проживания.

Процесс коренизации шел по нескольким направлениям: первое – вовлечение местного населения в партийно-государственное строительство путём создания национальных компартий, марксистских кружков, партийных школ, отделений Университета народов Востока, издания на национальных языках партийной литературы; второе – хозяйственное строительство на местах, перенос фабрик и заводов в национальные республики, создание там ремесленных и технических школ, развитие кооперации, наделение землёй местного трудового населения и др.; третье – «поднятие культурного положения местного населения» путём создания обществ распространения грамотности на местных языках, расширения сети учебных заведений всех ступеней на национальных языках, культурно-просветительных учреждений, клубов и издательств; четвертое – «организация национальных войсковых частей и национальных милиционных полков» [2, с. 525-530].

В общем, национальная политика большевиков была нацелена не только на развитие национальных культур и поднятие культурного уровня народов СССР, но и формирование полноценной республиканской государственности на землях бывшей Российской империи. Как отмечал И. В. Сталин, ради «создания атмосферы взаимного понимания и братского доверия» между национальными окраинами и центральной Россией важно создавать как «местную национальную школу, национальный театр, национальные просветучреждения», так и формировать из местного населения «суд, администрацию, органы хозяйства, непосредственной власти», то есть национальные государства [14, с. 357, 358].

В 1930-е гг. политика коренизации была И. В. Сталиным свёрнута, большинство «коренизаторов» подверглось суровому осуждению вплоть до репрессий, а русский народ в Великую Отечественную войну был объявлен первым среди равных. Политика коренизации вольно или невольно привела к «обескоренению» всего населения СССР, поскольку разделила столетиями существовавшую общерусскую нацию на множество национальных «самоопределений и самоутверждений», одарила их республиканской субъектностью и закрепила в сознании местных этносов мысль о вине и долге России. Неудивительно, что через полвека в период глубокого кризиса и дезинтеграции советской системы национальные лидеры приняли декларации о государственном суверенитете и заявили об избавлении не только от «русского шовинизма», но и от местного русского населения, которое в потоке беженцев, спасавшихся от погромов 1988–1990 гг. в Баку, Душанбе, Сумгаите, Сухуми, Тбилиси, Фергане и других городах, составляло 70% [15, с. 3].

Страны ближнего зарубежья начали выстраивать свои отношения с Российской Федерацией на дистинкциональном принципе различения (лат. *Distinctio*), дистанцирования и обособления. Им стало важно не то, что их связывает с русским народом, его историей и культурой, а то, что разделяет. Из России был вылеплен «образ Другого», инородного и чужого, опираясь на который республики стали считать период своего существования в составе императорской России и Советского Союза как время колониального угнетения, а русскую культуру как культуру угнетателей. Забыв о том, что большинство национальных регионов при вхождении в состав России находилось на доиндустриальном феодальном, а то и патриархально-родовом уровне развития, они начали отрицать роль России в приобщении их к цивилизационным формам хозяйствования, культуры и жизни в целом.

Вместе с тем перечеркнуть и вычеркнуть из евразийской истории вклад русского народа в становление национальных республик невозможно. Выступая локомотивом модернизации, он в лице своих наиболее активных представителей в течение длительного времени последовательно проводил политику интеграции и инкультурации населения окраин в общерусское пространство, которое со второй половины XIX в. вступило в период бурного социально-экономического развития. Достаточно отметить, что в 1890 г. Россия заняла третье место в мире по числу названий выпускавшейся литературы, а в 1908 г. и по количеству изданных книг. Конечно, на окраинах России, где многие народы вообще не имели письменности, читателями были главным образом представители русской администрации, а не коренные жители, но для них уже работал кинематограф, появившийся в

Российской империи в 1896 г. Через двадцать лет он имел 47 отечественных киностудий, выпустивших 499 фильмов [7, с. 57]. Так, снимавший документальную хронику оператор А. Д. Дигмелов показывал ее не только в своём родном Тифлисе, но и во многих других городах: в 1900 г. его маршрут включал Гори, Квирилы, Боржом, Сурам, Шоропань, Чиатуры, Кутаис и Поти, а в 1902 году – Каре, Елизаветополь, Баку, Красноводск, Ашхабад, Ташкент и Коканд.

Интенсивно развивались национальные регионы в советский период. Например, если в царском 1914/1915 учебном году общеобразовательных школ в Азербайджане было 976, в Армении – 459, в Киргизии – 107, в Таджикистане – 10, в Туркменистане – 58, в Узбекистане – 165, то в советском 1975/1976 учебном году их насчитывалось уже соответственно 4137, 1366, 1618, 2768, 1546 и 7292 [8]. Высших учебных заведений и академий наук в этих странах в 1915 году не было вообще, а шестьдесят лет спустя они имелись во всех республиках: в Азербайджане работало 17 вузов, Армении – 13, Киргизии – 9, Таджикистане – 9, Туркменистане – 6, Узбекистане – 42 [8]. Подобная динамика развития была характерна и для большинства других национальных учреждений и организаций, в частности, библиотек, музеев, театров, которые в начале XX в. полностью отсутствовали, например, в Киргизии, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, а через несколько десятилетий стали неотъемлемой частью их жизни.

В общем, созданный царской и советской Россией в странах ближнего зарубежья цивилизационный задел был рассчитан на века и будущие поколения. В октябре 1961 г. XXII съезд КПСС, подводя итоги развития СССР и принимая новую программу Коммунистической партии, констатировал: «Опираясь на взаимную братскую помощь, в первую очередь на помощь великого русского народа, все советские национальные республики создали у себя современную промышленность, национальные кадры рабочего класса и интеллигенции, развили национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру» [10, с. 16-17]. А также воспитали целую плеяду национальных лидеров, которые в конце XX в. решили, что Советский Союз им больше не нужен и они вполне могут жить независимо от России.

Одним из таких национальных лидеров был казахский писатель Ануарбек Алимжанов, сделавший в СССР блестящую карьеру и ставший последним главой Совета Республик Верховного Совета СССР. Родившись в мае 1930 г. в ауле Карлыгаш кочевого племени найман, он смог окончить не только среднюю школу, но и факультет журналистики Казахского государственного университета в Алма-Ате, стать собственным корреспондентом по Центральной Азии и Казахстану «Литературной газеты» и газеты «Правда», заместителем председателя Советского комитета по связям с писателями Азии и Африки, главным редактором киностудии «Казахфильм», первым секретарём Союза писателей Казахстана и секретарём правления Союза писателей СССР, председателем Казахского фонда культуры и Казахского агентства охраны авторских прав, президентом Ассоциации коммерческого телевидения и радиовещания Казахской ССР, наконец, депутатом и членом президиума Верховного совета Казахской ССР, а с 29 октября 1991 г. и главой Совета Республик Верховного Совета СССР.

26 декабря 1991 г. после отставки М. С. Горбачёва именно А. Т. Алимжанов подписал в Москве «Декларацию Совета Республик Верховного Совета СССР № 141-Н», которая завершалась словами: «Союз ССР как государство и субъект международного права прекращает свое существование» [1, с. 2058], став тем самым наряду с Л. М. Кравчуком, С. С. Шушкевичем, Б. Н. Ельциным юридическим могильщиком Советского Союза, земли которого несколько веков собирала, обустроивала и защищала Россия. Граничившие с ней по суше в имперскую эпоху более десятка стран (Австро-Венгрия, Германия, Норвегия, Румыния, Швеция, Османская империя и другие) из соседей превратились в дальнее зарубежье, а ее собственные окраинные территории стали зарубежьем ближним.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ведомости Верховного Совета СССР. – 1991. – № 52. – С. 2058.
- [2] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Москва : ОГИЗ Гос. изд-во полит. л-ры, 1941. – Ч. I. – 728 с.
- [3] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 576. Л. 175.
- [4] Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3316. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
- [5] Ленин, В. И. Великий почин // Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1981. – Т. 39. – С. 1-29.

- [6] Ленин, В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1982. – Т. 45. – С. 356-362.
- [7] Мигающий снema: Ранние годы русской кинематографии. – Москва : Титул; Дом Ханжонкова, 1995. – 287 с.
- [8] Народное образование, наука и культура в СССР : Статистический сборник. – Москва : Статистика, 1977. – 448 с.
- [9] Народное хозяйство СССР в 1988 году : Статистический ежегодник. – Москва : Финансы и статистика, 1989. – 765 с.
- [10] Программа Коммунистической партии Советского Союза. – Москва : Госполитиздат, 1961. – 144 с.
- [11] Российская коммунистическая партия (РКП) в резолюциях. – Москва : Партиздат, 1924. – 462 с.
- [12] Соглашение о создании Содружества Независимых Государств 8 декабря 1991 г. // Исполком СНГ. Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств :[сайт]. URL: <http://www.cis.minsk.by>. (дата обращения: 20.01.2026).
- [13] Сталин, И. В. Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе // Сталин, И. В. Сочинения : Т. 5: 1921–1923. – Москва : ОГИЗ Гос. изд-во полит. л-ры, 1952. – С. 33-49.
- [14] Сталин, И. В. Политика советской власти по национальному вопросу в России // Сталин, И. В. Сочинения : Т. 4: Ноябрь 1917–1920. – Москва : ОГИЗ Гос. изд-во полит. л-ры, 1954. – С. 351-363.
- [15] Тенденции социокультурного развития России. 1960–1990 гг. – Москва : РАН, 1996. – 520 с.

RUSSIA'S NEAR ABROAD: HISTORICAL AND CULTURAL GROUNDS FOR STUDYING

Parkhomenko Tatiana Alexandrovna,

D. in History, Head of Cultural research Department,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article analyzes the process of the emergence of the Eurasian near Abroad in the post-Soviet space at the end of the 20th century and the role of Soviet national policy in it. Based on historical documents and materials, the works of the leaders of the Soviet Union, the political, economic, and ethnocultural foundations of the collapse of the USSR and the formation of independent national republics are considered. The view of the Near Abroad not only as a geopolitical phenomenon, but also the multifaceted post-Soviet heritage of its member countries and peoples, as well as Russia, determines the relevance of its study.*

Key words: *Russia, USSR, Soviet national policy, Russia's Near Abroad, culture, heritage.*

REFERENCES

1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation], coll. 10026, aids. 1, fol. 576, p. 175.
2. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation], coll. R-3316, aids. 1, fol. 5, p. 1.
3. Lenin V.I. *K voprosu o natsional'nostyakh ili ob "avtonomizatsii"* [On the question of nationalities or "autonomization"], Lenin V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete works], vol. 45, Moscow, Politizdat, 1979, pp. 233–234.
4. Lenin V.I. *Velikiy pochin* [Great Initiative], Lenin V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete works], vol. 39, Moscow, Politizdat, 1981, pp. 1-29.
5. *Migayushchii cinema: Rannie gody russkoy kinematografii* [Flashing cinema: The Early Years of Russian Cinematography], Moscow, Titul, Dom Khanzhonkova, 1995, 287 p.
6. *Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1988 godu: Statisticheskiy ezhegodnik* [National economy of the USSR in 1988: Statistical yearbook], Moscow, Finansy i statistika, 1989, 765 p.
7. *Narodnoe obrazovanie, nauka i kul'tura v SSSR: Statisticheskiy sbornik* [Public education, science and culture in the USSR: Statistical collection], Moscow, Statistika, 1977, 448 p.

8. *Programma Kommunisticheskoy partii Sovet'skogo Soyuza* [Program of the Communist Party of the Soviet Union], Moscow, Gospolitizdat, 1961, 144 p.
9. *Rossiiskaya kommunisticheskaya partiya (RKP) v rezolyutsiyakh* [Russian Communist Party (RCP) in its resolutions], Moscow, Partizdat, 1924, 462 p.
10. *Soglasenie o sozdanii Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv 8 dekabrya 1991 g.* [Agreement on the establishment of the Commonwealth of Independent States on December 8, 1991], 08.12.1991, available at: <http://www.cis.minsk.by> (accessed: 20.01.2026).
11. Stalin I.V. *Doklad ob ocherednykh zadachakh partii v natsional'nom voprose* [Report on the immediate tasks of the party in the national question], Stalin I.V. *Sochineniya* [Works], vol. 5, Moscow, OGIZ Gos. izd-vo polit. l-ry, 1952, pp. 33-49.
12. Stalin I.V. *Politika sovetskoy vlasti po natsional'nomu voprosu v Rossii* [Policy of the Soviet government on the national question in Russia], Stalin I.V. *Sochineniya* [Works], vol. 4, Moscow, OGIZ Gos. izd-vo polit. l-ry, 1954, pp. 351-363.
13. *Tendentsii sotsiokul'turnogo razvitiya Rossii. 1960–1990 gg.* [Trends in the socio-cultural development of Russia. 1960-1990], Moscow, RAN, 1996, 520 p.
14. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR], 1991, no. 52, p. 2058.
15. *VKP(b) v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [The All-Union Communist Party (Bolsheviks) in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee], part I, Moscow, OGIZ Gos. izd-vo polit. l-ry, 1941, 728 p.

*Статья подготовлена в рамках государственного задания
«Фундаментальные НИР 1025030700118-0-6.5.1».*

© Пархоменко Т.А., текст, 2026
Статья поступила в редакцию 01.08.2026.

Ссылка для цитирования:

Пархоменко, Т. А. Ближнее зарубежье России: историко-культурные основания изучения. – DOI 10.34685/HI.2026.30.33.010 // Культурологический журнал. – 2026. – № 3(65). – С. 100-106. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/777.html&j_id=69. – Текст : электронный.

МУЗЕИ В КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ И ВЬЕТНАМА

DOI 10.34685/HI.2026.95.50.005

Данг Тхи Ким Чи,
магистр 2 курса
Российского государственного
гуманитарного университета (Москва)
Email: dangthikimchi02052001@gmail.com

Динь Ван Куан,
магистр 2 курса Российского государственного
гуманитарного университета (Москва)
Email: dinhquan1892000@gmail.com

Аннотация. Россия и Вьетнам укрепляют прочные культурные связи, активно продвигая культурное наследие. Музеи вносят значительный вклад в развитие дипломатических отношений между двумя странами. Они участвуют в развитии двусторонней культурной дипломатии через Министерство культуры Российской Федерации, Министерство культуры, спорта и туризма Вьетнама, Ассоциацию дружбы Вьетнама и России, Российский центр культуры и науки, а также посредством культурных организаций, Года культуры, крупных праздников и фестивалей. В данной статье определены специфические характеристики музейной дипломатии во Вьетнаме и России в контексте, проанализированы правовая база и аспекты музейного сотрудничества. «Мягкая сила» музеев способствует развитию культурного, образовательного и туристического обмена между двумя странами. В статье раскрывается значение музеев как субъектов культурной дипломатии. Музейная дипломатия проявляется через выставочные проекты соединяющие Россию и Вьетнам. Анализируются примеры музейного сотрудничества в области выставочной деятельности, направленные на популяризацию культурного наследия, истории и современного искусства. Автор приходит к выводу, что такие ведущие музеи, как Музей Хо Ши Мина, Национальный музей истории Вьетнама, Государственный Эрмитаж, Государственный музей политической истории России и Государственный музей Востока, играют ключевую роль в продвижении национального имиджа, укреплении взаимопонимания и сближении двух народов.

Ключевые слова: культурное сотрудничество России и Вьетнама, культурная дипломатия, музей, мягкая сила, выставка, имидж страны.

Введение

Музейная дипломатия становится всё более значимой в настоящее время. В условиях динамичного развития отношений между Вьетнамом и Россией на межправительственном и региональном уровнях, а также с усилением роли народной дипломатии, культурный обмен между двумя странами способствует взаимному ознакомлению с культурой, углублению взаимопонимания и развитию сотрудничества, что придаёт особое значение этим отношениям. Однако роль музеев в культурной дипломатии Вьетнама и России пока не привлекала внимания со стороны академического сообщества и остается недостаточно исследованной.

В последнее время в России появилось множество исследований, посвященных особенностям культурной дипломатии и «мягкой силы». Вопросы публичной и культурной дипломатии, а также «мягкой силы» подробно рассмотрены в работах российских ученых Ю. В. Баранчика, К. П. Боришполца и др. [1, с. 22–31]. Шафинская Н. Б. подчеркивает роль «мягкой силы» России в гуманитарной политике во Вьетнаме [2, с. 149–161].

Внешнеполитические стратегии Социалистической Республики Вьетнам привлекли внимание известных мировых теоретиков «мягкой силы», таких как Дж. Най и Г. Лорд. «Мягкая сила» вьетнамской культуры исследована Нгуен Тхи Ту Фьонг [3, с. 591].

Ле Ван Куан представил общий анализ культурного сотрудничества между Вьетнамом и Российской Федерацией (1991-2012 гг.) [4]. Ту Тхи Лоан обобщила культурное сотрудничество между Вьетнамом и Россией, проанализировав проблемы и перспективы [5, с. 421–440]. Б. Б. Стрельцов подчеркнул культурный потенциал туризма в контексте стратегического партнерства между Вьетнамом и Россией [6, с. 17–24]. Данг Тхи Ким Чи выделила культурное сотрудничество в области музеев между Вьетнамом и Россией [7].

Культурные обмены между Россией и Вьетнамом в музейной сфере являются прямым результатом прочных дипломатических отношений, способствующих формированию устойчивой основы сотрудничества между двумя странами и углублению взаимопонимания между их народами. Музеи активно участвуют в культурной дипломатии, выполняя важную функцию по продвижению национального имиджа. Примерами такого взаимодействия служат проекты Государственного Эрмитажа и Национальный музей истории Вьетнама, а также Музей политической истории России, Музей Хо Ши Мина и Музей Востока.

На протяжении последних десятилетий Вьетнам и Россия прилагают значительные усилия для продвижения национального имиджа посредством международного сотрудничества в музейной сфере. Особенно во Вьетнаме образ России — её народа, культуры и уникальных духовных ценностей — стал ближе и понятнее вьетнамскому обществу.

Методологическая основа исследования включает совокупность различных методов, позволяющих определить роль музеев в культурной дипломатии между Россией и Вьетнамом. Системный метод используется для уточнения понятия «мягкая сила» в применении к музеям и их международной деятельности. В работе используются концепции и подходы Дж. Найа, а также вьетнамских и российских исследователей, изучающих роль музеев в формировании «мягкой силы». Сравнительный метод позволяет рассмотреть, каким образом российские и вьетнамские музеи применяют различные формы деятельности для создания национального имиджа и укрепления «мягкой силы». Метод анализа музейных выставок используется для выявления их вклада в развитие культурной дипломатии. Кроме того, исследуются двусторонние культурно-дипломатические инициативы музеев Вьетнама и России.

Контент-анализ позволяет выявить и систематизировать информацию, представленную в монографиях, научных статьях российских, вьетнамских и зарубежных учёных, на официальных веб-сайтах музеев Вьетнама и России, а также на ресурсах государственных культурных организаций и в средствах массовой информации.

Цель данного исследования заключается в анализе роли музеев в стратегии культурной дипломатии между Вьетнамом и Россией. Для достижения этой цели исследование формирует теоретическую основу, рассматривая музей как субъект дипломатии и инструмент реализации «мягкой силы». Особое внимание уделяется анализу институтов, способствующих развитию сотрудничества, с акцентом на координирующую роль ключевых организаций, таких как Министерство культуры, общества дружбы и Российский центр науки и культуры во Вьетнаме. Путём оценки различных форм межмузейного сотрудничества, прежде всего музейных выставочных проектов, исследование выявляет их эффективность в продвижении национального имиджа, укреплении дружбы между народами двух стран, а также в формировании устойчивой динамики развития всеобъемлющего стратегического партнёрства.

Статья направлена на углублённое понимание исследуемой темы и состоит из четырёх частей. В первой части анализируется культурная дипломатия в современном контексте. Во второй части рассматривается «мягкая сила» музеев в культурной дипломатии Вьетнама и России. В третьей части анализируются выставочные направления как форма вьетнамско-российской культурной дипломатии. В заключительной части исследуется музейное сотрудничество в двусторонних отношениях между Вьетнамом и Россией. Музеи в культурной дипломатии в современном контексте.

Культурная дипломатия в форме международного сотрудничества музеев и музейных проектов является важной частью международного диалога. Внешняя коммуникационная деятельность с участием крупных музеев, в принципе, направлена на продвижение национальных ценностей и национального значения [8, с. 88]. Значение культурной дипломатии, а также использование культурных инструментов для развития взаимопонимания между государствами возрастает в геометрической прогрессии. Среди наиболее эффективных акторов в этой сфере особое место занимают музеи. Считаясь хранителями национальной самобытности и культурного наследия, музеи сегодня выступают в роли активных участников глобального дискурса.

Термин «музейная дипломатия» органично сочетается с историей, предназначением, организацией и идеологией государственных музеев. Международное общение посредством культурной дипломатии открывает пространство других государств, опираясь на доверие и понимание, что позволяет влиять и на экономические, и на политические решения [10, с. 171].

Дипломатические отношения между Вьетнамом и Россией являются преемственными по отношению к истории дипломатических связей между Советским Союзом и Вьетнамом. Дипломатические отношения между СССР и Вьетнамом были установлены 30 января 1950 г. В период с 1960 по 1990 гг. вьетнамские музеи поддерживали тесные связи с Центральным музеем революции СССР и Центральным музеем имени В. И. Ленина [11, с. 282]. В 1991 г., вследствие политических преобразований в Советском Союзе, взаимодействие между вьетнамскими музеями и советскими музеями было прервано. После 1991 г. международное сотрудничество вьетнамских музеев стало развиваться в новом направлении: формировались временные и разовые связи, а также односторонние отношения через культурные организации, как неправительственные, так и государственные, деятельность которых координировалась и направлялась Министерством культуры, спорта и туризма Вьетнама. 16 июня 1994 г. Вьетнам и Российская Федерация подписали Договор об основных принципах дружеских отношений между Социалистической Республикой Вьетнам и Российской Федерацией [12].

В академическом и политическом дискурсе во Вьетнаме культура приобретает особое значение при использовании термина, предложенного американским профессором Джозефом Наем. Привлекательность вьетнамской культуры определяется не только её самобытностью, но и разнообразием, богатством и способностью воспринимать элементы внешних культур. Вместе с тем концепция «музейной дипломатии» пока не привлекла достаточного внимания со стороны вьетнамского академического сообщества.

В России музейная дипломатия в основном определяется как форма международного сотрудничества государственных музеев, которые в рамках своих проектов транслируют ценности, ориентированные на конкретные целевые группы — общество, элиту, политиков и органы власти. Она отражает политический контекст, одновременно поддерживая относительную стабильность взаимодействия в сложной международной обстановке [8, с. 89].

В настоящее время вьетнамские музеи активно участвуют в процессе культурной дипломатии, основываясь на принципах диалога и коммуникационного взаимодействия с многочисленными музеями мира и международными организациями, включая ЮНЕСКО, а также учреждения России, Франции, США, Австралии, Китая, Лаоса, Японии, Республики Корея и других стран.

В своей стратегии культурной дипломатии до 2030 г. Вьетнам стремится использовать культурные инструменты для углубления и стабилизации отношений с партнерами, защиты национальных интересов, создания и поддержания мирной и стабильной обстановки, мобилизации внешних ресурсов, преобразования благоприятных условий и положения страны в ресурсы для социально-экономического развития, а также использования дипломатических средств для почитания ценностей и красоты вьетнамской культуры, перенимания лучших черт человеческой культуры, тем самым вдохновляя стремления к национальному развитию, укрепляя мягкую силу и повышая авторитет страны [13]. Исходя из этих взглядов, культурную дипломатию можно понимать как использование культуры в качестве средства для установления (а в некоторых случаях — и для углубления) отношений с другими государствами и народами, а также для содействия развитию дипломатических связей между ними.

Культурная дипломатия, рассматриваемая как форма «мягкой силы», воздействующей через сотрудничество и обмен идеями, знаниями и компетенциями, на протяжении многих десятилетий оставалась сферой, в которой музеи незаметно выполняли пионерскую роль. Кроме того, музеи обладают потенциалом для укрепления взаимопонимания и передачи сильных смысловых посланий своей аудитории.

В XXI веке музеи по-прежнему сохраняют свои основные характеристики — консерватизм и государственно-ориентированный подход, определяемый их ответственностью за сохранение национального наследия. Однако социальные изменения привели к поиску и расширению форм международного сотрудничества между музеями [8, с. 90].

«Мягкая сила» музеев в культурной дипломатии Вьетнама и России

Вступив в XXI век, мир развивается в соответствии с тенденциями, что сопровождается интенсивной и острой конкуренцией между государствами. Поэтому наряду с укреплением экономической и политической мощи, наращивание «мягкой силы» также становится приоритетным направлением развития многих стран. Являясь всеобъемлющими стратегическими партнёрами и обладая долгой традицией дипломатических отношений, Вьетнам и Россия осознают важность культурной дипломатии и развития «мягкой силы» для укрепления и повышения своего статуса на международной арене.

Согласно определению Джозефа Най-младшего, «мягкая сила» — это способность достигать желаемого не посредством принуждения, а через привлекательность, что проявляется в культуре, политических идеалах и внешней политике [9, с. 31–32]. Данное определение показывает, что «мягкая сила» не носит навязчивого или принудительного характера; она побуждает к добровольному следованию через формирование авторитета и доверия. При этом её воздействие не проявляется напрямую и мгновенно, а представляет собой длительный процесс проникновения и укрепления доверия, что, в свою очередь, способствует обеспечению устойчивого существования и развития государства. Музеи обладают потенциалом выступать посредниками международной «мягкой силы», сотрудничая с организациями и правительствами для создания широкомасштабных позитивных изменений.

Вьетнамские музеи используют классические методы публичной дипломатии, передавая информацию таким образом, который позволяет аудитории самостоятельно прийти к собственным выводам. Например, такой подход использовался на выставке «60 лет отношениям между Вьетнамом и Россией» в 2010 г. и выставке «65 лет дружеских отношений между Вьетнамом и Российской Федерацией» в 2015 г. в Музее Хо Ши Мина. Основные исторические сведения транслируются посредством представленных экспонатов, документов и способов их экспонирования.

Согласно отчету британского исследовательского института Demos, посвящённому изучению потенциала культурной дипломатии, музеи участвуют в «создании неофициальных политических отношений» [14]. Подразумевается вполне ясно: музеи выполняют посредническую роль в формировании особого вида ценного международного политического капитала, который при правильном использовании может способствовать развитию стратегических отношений между государствами.

Можно утверждать, что музеи нельзя отделить от системы международных дипломатических отношений, поскольку они неизменно связаны с вопросами мира и глобальной безопасности. Так, выставка «След Председателя Хо Ши Мина в России», проведённая Музеем Хо Ши Мина в Ханое в 2025 г. по случаю 75-летия установления дипломатических отношений, внесла значительный вклад в увековечивание наследия мира, международной солидарности и укрепление духовных основ двустороннего сотрудничества [15].

После распада Советского Союза отношения между Вьетнамом и Россией вступили в наиболее сложный период своей истории. В период с 1991 по 2005 г. культурное сотрудничество между Вьетнамом и Россией в музейной сфере было прервано [7, с.104]. «Мягкая сила» сыграла важную роль в укреплении двусторонних отношений, в возрождении и развитии дружбы и традиций, заложенных ранее между Советским Союзом и Вьетнамом. Вьетнамские и российские музеи выполняют значимые

функции в сфере просвещения, служат культурными мостами, способствуют международному диалогу и развитию культурного туризма, а также формированию общих культурных ценностей и принципов общества, которые в конечном итоге оказывают существенное влияние на политический контекст.

Культурно-дипломатическое сотрудничество и развитие «мягкой силы» между Вьетнамом и Россией в значительной степени определяются как общей международной ситуацией, так и внутренними условиями каждой из стран. И Вьетнам, и Россия осознают важность культурной дипломатии и развития «мягкой силы» как инструмента укрепления своих позиций и повышения влияния на международной арене.

Во-первых, развитие многополярного, многоцентрового мира привело к усилению стратегической конкуренции между странами, что побудило как Вьетнам, так и Россию укреплять свою «мягкую силу» для обеспечения своих позиций и влияния. Во-вторых, смещение тенденций сотрудничества России с Европы на Азию создало преимущество для Вьетнама, позволив ему сотрудничать и развивать «значимость совместных проектов» в отношениях с Россией, особенно в сфере культурного сотрудничества. Этот сдвиг также привел к восстановлению и развитию туристического сектора. Число туристов из России во Вьетнам неуклонно росло на протяжении многих лет и продемонстрировало самый высокий темп роста в 2025 году, достигнув 689 714 человек, что на 196,9 % больше по сравнению с 2024 годом. В настоящее время Россия рассматривает возможность смягчения визового режима с целью привлечения вьетнамских туристов [16]. К первым шести месяцам 2025 г. число туристов уже резко возросло: Вьетнам принял около 260 000 посетителей [17], превысив общее число посетителей в 2024 году.

Вьетнам рассматривает культурную дипломатию как равнозначное направление наряду с политической и экономической дипломатией, акцентируя внимание на цифровизации, инновационности и широком участии гражданского общества и предпринимательских структур. Для вьетнамской модели характерна гибкость и культурное многообразие [18]. В то время как в российском понимании концепция «мягкой силы» интегрируется с экономическими факторами и ориентируется преимущественно на целевые аудитории, связанные с Россией общими историческими и идеологическими основами [19, с. 98].

Культурные обмены между Вьетнамом и Россией в музейной сфере, хотя и проводятся регулярно, зачастую носят формальный и церемониальный характер, им не хватает новизны и они недостаточно используют потенциал онлайн-платформ для расширения охвата и продвижения имиджа.

В стратегии развития культуры Вьетнама до 2030 г. особое внимание уделяется укреплению «мягкой силы» вьетнамской культуры, что предполагает её всестороннее развитие — от сохранения и приумножения культурного наследия до его популяризации на международной арене [20].

В Стратегии государственной культурной политики России на период до 2030 года (утверждена в 2024 г.) значительное внимание уделяется усилению и расширению влияния российской культуры за рубежом. В этом контексте предусмотрено расширение сотрудничества в рамках международных проектов в области музейного дела [21, с. 4].

В новую эпоху «мягкая сила» становится средством передачи образа государства, а также мостом, способствующим поддержанию связей и сплочённости между Вьетнамом и Россией. Несмотря на геополитические изменения, изменение глобальных тенденций, языковые барьеры и конкуренцию между странами, вьетнамо-российское сотрудничество в музейной сфере продолжает поддерживаться и развиваться на основе взаимного диалога, что свидетельствует о доверии и прочной взаимной связи.

Например, в 2019 г. в рамках проведения Года перекрёстного сотрудничества Государственный Эрмитаж совместно с Национальным музеем истории Вьетнама организовал выставку «Сокровища Красной реки — Археологическая коллекция из Музея Вьетнама». В 2020 г. Национальный музей истории Вьетнама при сотрудничестве с Государственным Эрмитажем провёл выставку «Звуки прекрасного прошлого», которую посетили более 33 710 человек [7, с. 106].

В настоящее время Национальный музей истории Вьетнама, Музей Хо Ши Мина и Музей изобразительных искусств Вьетнама являются наиболее посещаемыми музеями страны. Они одновременно выступают как символы политической идентичности и культурной цивилизации Вьетнама. Вместе с тем эти музеи активно участвуют в культурной дипломатии и международном сотрудничестве. В России Государственный Эрмитаж, Государственный музей Востока, Государственный музей политической истории России и Государственный центральный музей современной истории России играют важную роль в развитии дипломатических и культурных связей между Вьетнамом и Россией.

В условиях трудно контролируемых глобальных изменений «проекты музеев» музеев выступает в качестве эффективного направления сотрудничества, способствующего укреплению взаимного доверия, поддержанию стабильности и открытию новых возможностей для взаимодействия между двумя странами. Тем самым «мягкая сила» музеев способствует дальнейшему углублению традиционных дружественных отношений между Вьетнамом и Россией, а также укреплению международного престижа и культурной самобытности каждой страны на мировой арене.

Музейное сотрудничество в двусторонних отношениях России и Вьетнама

Одной из характерных особенностей вьетнамско-российских отношений является международное музейное сотрудничество, ставшее традиционным инструментом культурной дипломатии двух стран. Оно находит своё отражение в визитах на различных уровнях, прежде всего на высшем, а также через механизмы регулярных консультаций, ежегодных стратегических диалогов и заключение двусторонних соглашений о сотрудничестве. Советское и российское музееведение оказало существенное влияние на формирование и развитие музейного дела во Вьетнаме. Музеи активно участвуют в дипломатическом и культурном взаимодействии двух стран посредством Российского центра науки и культуры (далее – РЦНК), Общества российско-вьетнамской дружбы, проведения Годов культуры, Дней культуры, а также через деятельность фондов по продвижению культуры и искусства.

Между двумя странами и между музеями подписано множество двусторонних соглашений о культурном сотрудничестве. Многочисленные совместные заявления России и Вьетнама демонстрируют важность развития двусторонних дипломатических отношений в культурной сфере. В 1993 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в области культуры и науки, на основе которого Министерство культуры, спорта и туризма Вьетнама и Министерство культуры Российской Федерации утверждали последующие этапные программы взаимодействия. В 2001 г. между двумя странами были установлены стратегические партнёрские отношения. В 2003 г. в Ханое был создан Российский центр науки и культуры [22], что способствовало расширению народных контактов, укреплению взаимопонимания, развитию традиционной дружбы между народами двух стран и продвижению всестороннего стратегического партнёрства. В 2012 г. отношения были выведены на уровень всеобъемлющего стратегического партнёрства. Министерство культуры, спорта и туризма Вьетнама и Министерство культуры Российской Федерации подписали программы культурного сотрудничества на периоды 2010–2012 гг., 2013–2015 гг., 2016–2018 гг., 2019–2021 гг., 2022–2024 гг., 2025–2027 гг. с ориентацией до 2030 г. [7, с. 106]. Сотрудничество между музеями двух стран в основном осуществляется в рамках двусторонних культурных соглашений и реализуется в традиционных формах: обмен музейными выставками и коллекциями, профессиональными кадрами, а также проведение научных конференций и семинаров.

Для Вьетнама Россия всегда является одним из важнейших партнёров во внешнеполитическом курсе страны. Всеобъемлющее стратегическое партнёрство между Вьетнамом и Россией играет исключительно важную роль в успешной реализации Вьетнамом внешнеполитического курса независимости, самостоятельности, мира, дружбы, сотрудничества и развития, а также политики многовекторности и диверсификации внешних связей [23].

В частности, в 2006 г. Музей Революции Вьетнама в сотрудничестве с Государственным центральным музеем современной истории России организовал выставку «Россия XX века — страницы истории». В 2009 г. Государственный центральный музей современной истории России совместно с Музеем Революции Вьетнама провёл выставку «Вьетнам — страна и люди», посвящённую 60-летию установления дипломатических отношений между Социалистической Республикой Вьетнам и Российской Федерацией (30 января 1950 г. — 30 января 2010 г.) [24]. В 2010 г., состоялась выставка

«Москва. Победа мая 1945 г.» в галерее Ханг Бай в Ханое, а также художественная экспозиция «Город летящего дракона — 1000 лет Тханглонга — Ханоя» в Государственном музее искусства народов Востока, прошедшая в рамках Дней культуры Вьетнама и России [25].

Музей Хо Ши Мина в Ханое заключил соглашение о сотрудничестве с Мемориальным музеем В. И. Ленина в городе Ульяновске, включающее научные проекты, выставочную деятельность и профессиональные обмены на периоды 2012–2014 гг., 2019–2021 гг. и 2024–2026 гг. В 2012 г. в Музее Хо Ши Мина состоялась выставка «Владимир Ильич Ленин — штрихи к портрету». В 2019 и 2024 гг. в Мемориальном музее В. И. Ленина в Ульяновске была проведена выставка «Портрет Хо Ши Мина — взгляд через плакатное искусство: 1969–2011 гг.». В 2020 году в Музее Хо Ши Мина во Вьетнаме прошла выставка «Ленин и эпоха», посвящённая 150-летию со дня рождения В. И. Ленина (22 апреля 1870 г. — 22 апреля 2020 г.).

Культурная дипломатия между Вьетнамом и Россией проявляется в том, что деятельность музеев в основном сосредоточена на выставочном сотрудничестве, что способствует укреплению всестороннего стратегического партнёрства между двумя странами.

Например, в периоды 2018–2020 гг. и 2023–2025 гг. Музей Хо Ши Мина во Вьетнаме и Национальный музей политической истории России подписали соглашения об организации поочередных выставок между двумя странами. В 2020 г. Музей Хо Ши Мина совместно с Государственным музеем политической истории России организовал выставку «Советские женщины: гражданки, труженицы, матери», посвящённую 70-летию установления дипломатических отношений между Вьетнамом и Российской Федерацией (30 января 1950 г. — 30 января 2020 г.), а также проведённую в рамках Года перекрёстных мероприятий между двумя странами (2019–2020 гг.) [26].

Кроме того, с 16 июня по 20 декабря 2019 г. в Военно-медицинском музее Санкт-Петербурга при содействии Общества российско-вьетнамской дружбы прошла выставка «Твоя боль — в моём сердце, Вьетнам», посвящённая 70-летию установления дипломатических отношений между Вьетнамом и Россией [27]. В мае 2019 г. в Музее современной истории России состоялась выставка «Лаковая живопись Вьетнама в России», организованная в рамках Года Вьетнама в России [28].

8 ноября 2024 г. во Всероссийском музее декоративно-прикладного искусства в Москве состоялась V Международная выставка «Произведения дипломатов», организованная совместно Российской академией художеств и десятью посольствами, аккредитованными в Российской Федерации [29]. На выставке были представлены произведения искусства дипломатов из различных стран Азии, Африки и Латинской Америки, в том числе из Вьетнама. Данное событие продемонстрировало безграничную силу культуры и художественного творчества, объединяющих народы и способствующих развитию международного взаимопонимания.

4 июля 2025 г. в музейно-выставочном комплексе Российской академии художеств — Галерее искусств Зураба Церетели в Москве состоялась выставка «Учитель — ученик: мелодии пути», посвящённая 75-летию установления дипломатических отношений между Россией и Вьетнамом [30]. Выставочный проект представляет собой совместное творческое начинание выдающихся мастеров изобразительного искусства Советского Союза и России и их учеников из Вьетнама, прошедших обучение в стране Белых берёз в конце XX — начале XXI века. Экспозиция глубоко отражает характер взаимоотношений между двумя странами, подчёркивая близость и духовное созвучие их культур.

В сентябре 2025 г. Государственный музей политической истории России в Санкт-Петербурге совместно с Музеем Хо Ши Мина организует выставку «Хо Ши Мин. Портрет одного человека». В тот же период Музей истории Великой Отечественной войны при поддержке Национального музея военной истории Вьетнама проведёт выставку «Героическая вьетнамская народная армия» [31]. Таким образом, можно отметить, что музеи играют значительную роль в культурной дипломатии, выступая важным связующим звеном между народами России и Вьетнама.

Музейные выставки как форма культурной дипломатии

Выставки являются частью культурной дипломатии, музей становится пространством культурной дипломатии, внося свой вклад в строительство, служащее интересам продвижения национального имиджа. Благодаря выставкам, которые проходили во вьетнамских и российских музеях, активно осуществлялись межкультурные обмены, популяризация культуры и передача ценностей страны. Можно утверждать, что Вьетнам и Россия всегда рассматривали музейную дипломатию как инструмент культурной политики.

Вьетнамские и российские музеи стали площадками для политического, экономического и культурного диалога, способствуя обогащению за счёт уникальных выставок и инновационных идей. Выставка является одним из важнейших этапов музейной коммуникации; только коммуникация, осуществляемая в процессе формирования и демонстрации знаний, может рассматриваться как специфическая для музея среда общения и диалога, которая не может быть воспроизведена в рамках других социальных институтов [21].

Формы культурной дипломатии между Вьетнамом и Россией в музейной сфере можно классифицировать по ряду направлений, отражающих потенциал дипломатического взаимодействия.

Первое направление — выставки как дипломатический жест. Показательным примером является фотовыставка «65 лет дружбы Вьетнама и Российской Федерации», организованная в 2015 г. Музеем Хо Ши Мина совместно с Посольством Российской Федерации во Вьетнаме, Обществом вьетнамско-российской дружбы и Министерством культуры, спорта и туризма Вьетнама. Проект представил фотографиям и экспонатам, отражающим многолетние традиции дружбы и сотрудничества между Вьетнамом и Россией. Экспозиция подтвердила устойчивый характер двустороннего стратегического партнёрства и взаимовыгодного сотрудничества, а также способствовала укреплению у молодого поколения понимания ценности традиционной вьетнамско-российской дружбы и солидарности.

Второе направление выставочной деятельности связано с популяризацией культурного наследия и представлением произведений, шедевров и музейных коллекций Вьетнама широкой российской общественности, а также с демонстрацией российских культурных ценностей во Вьетнаме. Например, в 2016 г. Государственный музей Востока организовал выставку «Шёлковая живопись Вьетнама», а в 2025 г. — экспозицию «Взгляд сквозь сияние. Лаковая живопись Вьетнама». Данное направление направлено на распространение знаний о творчестве вьетнамских художников и ознакомление публики с историей становления и развития вьетнамского искусства лаковой живописи. Этот тип выставок носит просветительский и научно-популярный характер.

Третье направление выставочной деятельности — создание филиалов музеев за рубежом. Это также является формой международного музейного сотрудничества и музейной дипломатии. Подобная практика широко распространена среди крупнейших музеев мира, таких как филиал Лувра в Абу-Даби (ОАЭ), филиалы музея Гуггенхайма в Нью-Йорке (США) и Бильбао (Испания), а также Государственного Русского музея в Малаге и др.

В настоящее время во Вьетнаме отсутствуют филиалы российских музеев, как и в России — филиалы вьетнамских музеев. Однако можно с уверенностью утверждать, что Российский центр науки и культуры в Ханое стал одной из важнейших площадок культурной дипломатии, активно сотрудничая со многими вьетнамскими музеями в организации выставочных проектов. С 2003 г. Российский центр науки и культуры в Ханое внёс значительный вклад в развитие музейного сотрудничества, регулярно координируя проведение выставок различного масштаба и тематики. Центр стал важным «мостом» в укреплении культурных, образовательных и художественных связей между двумя странами. В числе наиболее заметных проектов — выставка «Традиционная дружба между Вьетнамом и Россией» (2007 г.), «Россия — моя Родина» (2015 г.), приуроченная к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне; «Величественная природа Северной России» (2017 г.); «Великий русский поэт А. С. Пушкин. Жизнь и творчество» (2019 г.), организованная совместно с Государственным музеем А. С. Пушкина.

Российский центр науки и культуры выполняет функции образовательной и просветительской площадки, важного коммуникационного пространства, поддерживающего активное взаимодействие с

общественностью. Проведённые выставки убедительно демонстрируют устойчивое развитие российско-вьетнамских отношений и наглядно подтверждают эффективность музейной дипломатии как инструмента международного культурного сотрудничества.

Заключение

Музеи Вьетнама и России вносят значительный вклад в культурный обмен между странами. В настоящее время музейная дипломатия обладает большим потенциалом для развития между двумя государствами. Проведённые выставки подтвердили, что музейные учреждения обладают способностью передавать общественности глубокий и содержательный нарратив. Взаимодействие современных музеев двух стран способствует дальнейшему укреплению двусторонних дипломатических отношений и развивает формы культурной дипломатии Вьетнама и России между Вьетнамом и Россией.

За семьдесят шесть лет прочных дипломатических отношений (с 1950 по 2026 гг.) музеи России и Вьетнама ощутимо укрепили культурно-дипломатические связи, способствуя сохранению исторической памяти, распространению культурного наследия, взаимопониманию и углублению всеобъемлющего стратегического партнёрства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Боришполец, К. П.* Публичная дипломатия: прагматичный взгляд на разнообразие реального опыта // Международная аналитика. – 2018. – № 1(23). – С. 22–31. DOI 10.46272/2587-8476-2018-0-1-22-31.
- [2] *Шафинская, Н. В.* «Мягкая сила» как инструмент гуманитарной политики России и проблемы ее реализации в отношении Вьетнама // Философия. Политология. Культурология. – 2019. – Т. 5(71). – № 4. – С. 149–161.
- [3] *Nguyễn Thị Thu Phương.* Sức mạnh mềm văn hóa Việt Nam trong bối cảnh hội nhập quốc tế. NXB Chính trị Quốc gia Sự thật. Hà Nội. 2021. – 591 tr. [Нгуен Тхи Тху Фьонг. «Мягкая сила» вьетнамской культуры в условиях международной интеграции. Изд-во полит. л-ры национальной правды. Ханой, 2021. – 591 с.]
- [4] *Lê Văn Quân.* Hợp tác về văn hóa Việt Nam – Liên bang Nga (1991–2012) // Tạp chí Lịch sử Đảng. – 2025. [Ле Ван Куан. Культурное сотрудничество между Вьетнамом и Российской Федерацией (1991–2012) // Журнал истории партии. – 2025. URL: <https://tapchilichsudang.vn/hop-tac-ve-van-hoa-viet-nam-lien-bang-nga-1991-2012.html> (дата обращения: 02.12.2025).
- [5] *Ту Тхи Лоан.* 65 лет культурного обмена между Вьетнамом и Россией: проблемы и перспективы // Вьетнамские исследования. – 2015. – Т. 1, № 5. – С. 421–440.
- [6] *Стрельцов, В. В.* Развитие сотрудничества в сфере культурного туризма в контексте стратегического партнерства Вьетнама и России // Современные культурные процессы и явления. – 2014. – № 3(14). – С. 17–24.
- [7] *Данг Тхи Ким Чи.* Культурное сотрудничество Вьетнама и России в сфере музейного дела во Вьетнаме (1991–2025). – DOI 10.34685/NI.2025.90.39.008. – Текст : электронный // Журнал Института Наследия. – 2025. – № 4(43). – С. 103-109. – URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/799.html> (дата обращения: 02.12.2025).
- [8] *Великая, А. А., Разина, О. А.* Роль музейной дипломатии в развитии российской культурной дипломатии // Обозреватель—Observer. – 2022. – № 9-10. – С. 88–95. – DOI 10.48137/2074-297520229-106.
- [9] *Nye, J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York : Basic Books, 1990. – P. 31–32.
- [10] *Гринчева, Н.* Культурная дипломатия 2.0: перспективы использования в международной музейной практике // Вопросы музеологии. – 2013. – № 1. – С. 171.
- [11] *Trương Diệp Bích.* Về lịch sử văn hoá và bảo tàng // Tuyển tập các bài viết của các cán bộ Bảo tàng Cách mạng Việt Nam từ năm 1959–2004. – Hà Nội : NXB Chính trị Quốc gia, 2004. – 282 tr. [Чьонг Диеп Бич. О истории, культуре и музейном деле // Сборник статей сотрудников Музея революции Вьетнама за период с 1959 по 2004 гг. – Ханой : Изд-во полит. национальной литературы. – 2004. – 282 с.]
- [12] *Hà Mỹ Hương, Đoàn Anh Tuấn.* Ba mươi năm Hiệp ước về những nguyên tắc cơ bản của quan hệ hữu nghị Việt Nam – Nga: Nền tảng vững chắc thúc đẩy hợp tác trong giai đoạn mới // Tạp chí Cộng sản. – 2024. [Ха Ми Хьонг, Доан Ань Туан. Тридцать лет Договору об основных принципах дружественных отношений между Вьетнамом и Россией: прочная основа для развития сотрудничества на новом этапе // Коммунистический журнал. – 2024]. – URL: https://www.tapchicongsan.org.vn/mediastory//asset_publisher/V8hnp4dK31Gf/content/ba-muoi-nam-hiep-uoc-ve-nhung-nguyen-tac-co-ban-cua-quan-he-huu-nghi-viet-nam-nga-nen-tang-vung-chac-thuc-day-hop-tac-trong-giai-doan-moi (дата обращения: 01.12.2025).

- [13] *Dương Thị Mai Hoa*. Ngoại giao văn hóa góp phần thực hiện chính sách tích cực, chủ động hội nhập quốc tế // Tạp chí Lý luận Chính trị. – 2023. [Дуонг Тхи Май Хоа. Культурная дипломатия способствует реализации активной и позитивной политики международной интеграции // Журнал политической теории. – 2023]. – URL: <https://lyluanchinhtri.vn/ngoi-giao-van-hoa-gop-phan-thuc-hien-chinh-sach-tich-cuc-chu-dong-hoi-nhap-quoc-te-81.html> (дата обращения: 01.12.2025).
- [14] *Muscat, M. M.* The Art of Diplomacy: Museums and Soft Power. – 2020. – URL: <https://www.e-ir.info/2020/11/09/the-art-of-diplomacy-museums-and-soft-power/> (дата обращения: 02.12.2025).
- [15] Khai mạc Trưng bày chuyên đề “Dấu chân Hồ Chí Minh trên quê hương Cách mạng Tháng Mười” // Bảo tàng Hồ Chí Minh. [Открытие тематической выставки «Следы Хо Ши Мина на родине Октябрьской революции» // Музея Хо Ши Мина: сайт]. – URL: <https://baotanghochiminh.vn/bao-tang-ho-chi-minh-khai-mac-trung-bay-chuyen-de-dau-chan-ho-chi-minh-tren-que-huong-cach-mang-thang-muoi.htm> (дата обращения: 02.12.2025).
- [16] Hải Nam. Lượng du khách Nga đến Việt Nam tăng mạnh, đánh dấu cột mốc mới năm 2025 // VOV. [Хай Нам. Количество российских туристов, прибывающих во Вьетнам, значительно возросло, обозначив новый рубеж в 2025 году // Телерадиокомпания «Голос Вьетнама»]. – URL: <https://vov.vn/du-lich/luong-du-khach-nga-den-viet-nam-tang-manh-danh-dau-cot-moc-moi-nam-2025-post1257888.vov> (дата обращения: 02.12.2025).
- [17] Việt – Nga tăng cường hợp tác du lịch, tạo thuận lợi cho du khách qua lại hai nước // Cục Du lịch Quốc gia Việt Nam. [Вьетнам и Россия укрепляют сотрудничество в сфере туризма, облегчая поездки между двумя странами // Национальное управление по туризму Вьетнама : сайт]. – URL: <https://vietnamtourism.gov.vn/post/63794> (дата обращения: 03.12.2025).
- [18] Báo cáo chiến lược ngoại giao văn hóa đến 2030 // Bộ Ngoại giao Việt Nam. [Доклад о стратегии культурной дипломатии до 2030 года // Министерство иностранных дел Вьетнама]. – URL: <https://baoquocte.vn/chinh-phu-phe-duyet-chien-luoc-ngoai-giao-van-hoa-den-nam-2030-166593.html> (дата обращения: 10.12.2025).
- [19] *Dang Thi Phuong Hoa*. Promoting the “Soft Power” of Vietnam and the Russian Federation in the Framework of Cooperation in Culture, Education, Tourism, and Language Learning amid Geopolitical Changes // The Russian Journal of Vietnamese Studies. – 2025. – No. 9 (3). – P. 98–110.
- [20] Sức mạnh mềm văn hóa Việt Nam trong kỷ nguyên vươn mình // Bộ Văn hoá, Thể thao và Du lịch. [Мягкая сила вьетнамской культуры в эпоху прогресса // Министерство культуры, спорта и туризма Вьетнама : официальный сайт. URL: <https://bvhttdl.gov.vn/suc-manh-mem-van-hoa-viet-nam-trong-ky-nguyen-vuon-minh-20250203162037076.htm> (дата обращения: 03.12.2025).
- [21] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-п «О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». – <https://www.law.ru/npd/doc/docid/1307324530/modid/99> (дата обращения: 03.12.2025).
- [22] Trung tâm khoa học văn hóa Nga: Cầu nối Nga – Việt // Bộ Ngoại giao Việt Nam. [Российский центр науки и культуры: мост между Россией и Вьетнамом // Министерство иностранных дел Вьетнама : сайт]. – URL: <https://mofa.gov.vn/tin-chi-tiet/chi-tiet/trung-tam-khoa-hoc-van-hoa-nga-cau-noi-nga-viet-163.html> (дата обращения: 28.11.2025).
- [23] *Phạm Hải*. Thúc đẩy quan hệ Đối tác chiến lược toàn diện Việt Nam – Nga trong bối cảnh mới // Tạp chí Cộng sản. [Фам Хай. Продвижение всеобъемлющего стратегического партнёрства между Вьетнамом и Россией в новом контексте // Журнал «Коммунист»]. – URL: <https://tapchicongsan.org.vn/web/guest/quoc-phong-an-ninh-oi-ngoai1/-/2018/976402/thuc-day-quan-he-doi-tac-chien-luoc-toan-dien-viet-nam-nga-trong-boi-can-moi.aspx> (дата обращения: 28.11.2025).
- [24] Triển lãm ảnh Việt Nam tại Nga // Đài Tiếng nói Việt Nam. [Фотовыставка Вьетнама в России // Телерадиокомпания «Голос Вьетнама»]. – URL: <https://vov.vn/van-hoa-giai-tri/trien-lam-anh-viet-nam-tai-nga-126432.vov?jskey=gubINUPY44Mp3PU6e7g5%2FZRwxibUjSBLAw%3D%3D> (дата обращения: 28.11.2025).
- [25] Những ngày Văn hóa Nga tại Việt Nam năm 2010 // Sở Văn hoá Thành phố Hồ Chí Minh. [Дни русской культуры во Вьетнаме, 2010 год // Департамент культуры города Хошимин : сайт]. – URL: <https://svhtt.hochiminhcity.gov.vn/tin-chi-tiet/-/chi-tiet/nhung-ngay-van-hoa-nga-tai-viet-nam-nam-2010-18811-1936.html> (дата обращения: 10.12.2025).
- [26] Lễ ký kết Thỏa thuận hợp tác văn hóa và khoa học giai đoạn 2023–2025 giữa Bảo tàng Hồ Chí Minh – Việt Nam và Bảo tàng Lịch sử chính trị quốc gia Nga // Bảo tàng Hồ Chí Minh. [Церемония подписания Соглашения о культурном и научном сотрудничестве на 2023–2025 годы между Музеем Хо Ши Мина и Государственным музеем политической истории России // Музей Хо Ши Мина : сайт]. – URL: <https://baotanghochiminh.vn/le-ky-ket-thoa-thuan-hop-tac-van-hoa-va-khoa-hoc-giai-doan-2023-2025-giua-bao-tang-ho-chi-minh-viet-nam-va-bao-tang-lich-su-chinh-tri-quoc-gia-nga.htm> (дата обращения: 28.11.2025).
- [27] Tình hữu nghị Việt Nam – LB Nga: Sâu đậm và bền vững // VOV. [Дружба между Вьетнамом и Российской Федерацией: глубокая и прочная // Телерадиокомпания «Голос Вьетнама»]. – URL: <https://vov.vn/chinh-tri/tinh-huu-nghi-viet-nam-lb-nga-sau-dam-va-ben-vung-1060606.vov?jskey=gubINUPY44PAb2VWd2paXybAjDuvlaJkAg%3D%3D> (дата обращения: 10.10.2025).

[28] Выставка лаковой живописи открылась в Москве в рамках перекрестного года России и Вьетнама // Министерство культуры Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://culture.gov.ru/press/news/vystavka_lakovoy_zhivopisi_otkrylas_v_moskve_v_ramkakh_perekrestnogo_goda_rossii_i_vietnama/ (дата обращения: 02.12.2025).

[29] Các nhà ngoại giao — những đại sứ của nghệ thuật // VOV [Дипломаты — послы искусства // Телерадиокомпания «Голос Вьетнама»]. URL: <https://vov.vn/van-hoa/cac-nha-ngoai-giao-nhung-dai-su-cua-nghe-thuat-post1134235.vov?jskey=gubINUPY44PyWZH2wVTfK3wBNyjKOx0NAw%3D%3D> (дата обращения: 28.11.2025).

[30] Выставка «Учитель — ученик: мелодии пути», к 75-летию установления дипломатических отношений России и Вьетнама, в МВК РАО // Российская академия художеств : сайт. URL: <https://rah.ru/exhibitions/detail.php?ID=61575> (дата обращения: 20.11.2025).

[31] В Музее истории ВОВ открыли выставку, посвящённую Вьетнамской народной армии // СТБ : сайт. URL: <https://ctv.by/news/obshestvo/v-muzee-istorii-vov-otkryli-vystavku-posvyashyonnuyu-vietnamskoj-narodnoj-armii> (дата обращения: 17.12.2025).

MUSEUMS IN THE CULTURAL DIPLOMACY OF RUSSIA AND VIETNAM

Dang Thi Kim Chi,

2nd-year Master's student,
Russian State University for the Humanities (Moscow)

Dinh Van Quan,

2nd-year Master's student,
Russian State University for the Humanities (Moscow)

Abstract. *Russia and Vietnam have been strengthening their cultural relations through the promotion of cultural heritage. Museums play a significant role in the development of diplomatic relations between the two countries by participating in bilateral cultural diplomacy initiatives. These activities are implemented through the Ministry of Culture of the Russian Federation, the Ministry of Culture, Sports and Tourism of Vietnam, the Vietnam–Russia Friendship Association, the Russian Center for Culture and Science, as well as various cultural organizations, including the framework of the Year of Culture, major holidays, and festivals. This article identifies the unique characteristics of museum diplomacy in Vietnam and Russia within their specific historical and cultural contexts. It analyzes the regulatory framework and key aspects of museum cooperation between the two countries. The soft power of museums contributes to the development of cultural, educational, and tourism exchanges, thereby enhancing mutual understanding and cooperation. The article emphasizes the importance of museums as active actors in cultural diplomacy. Museum diplomacy is demonstrated through joint exhibition projects between Russia and Vietnam. The study analyzes selected examples of museum cooperation in exhibition activities aimed at promoting cultural, historical, and contemporary artistic heritage. Leading institutions such as the Ho Chi Minh Museum, the Vietnam National Museum of History, the State Hermitage Museum, the Museum of Political History of Russia, and the National Museum of Oriental Art play an important role in promoting national images, enhancing mutual awareness, and fostering closer relations between the two nations.*

Keywords: *cultural cooperation between Russia and Vietnam, cultural diplomac, museum, soft power, exhibition, national image.*

REFERENCES

1. Borishpolets K. P. *Publichnaya diplomatiya: pragmaticheskiy vzglyad na mnogoobraziye real'nogo opyta* [Public diplomacy: a pragmatic look at the diversity of real experience], *Journal of International Analytics*, 2018, no. 1 (23), pp. 22-31, DOI 10.46272/2587-8476-2018-0-1-22-31.
2. Cultural Diplomacy Contributing to the Implementation of an Active and Proactive International Integration Policy, *Journal of Political Theory*, 2023, available at: <https://lyluanchinhtri.vn/ngoi-giao-van-hoa-gop-phan-thuc-hien-chinh-sach-tich-cuc-chu-dong-hoi-nhap-quoc-te-81.html> (accessed: 01.12.2025) (in Viet.).
3. Dang Thi Kim Chi. *Kul'turnoye sotrudnichestvo mezhdru V'yetnamom i Rossiye v muzeynom sektore V'yetnama (1991–2025)* [Cultural Cooperation between Vietnam and Russia in the Museum Sector in Vietnam (1991–2025)], *The Heritage*

Institute Journal, 2025, no. 4(43), pp. 89–90, DOI 10.34685/HI.2025.90.39.008, available at: <https://nasledie-journal.ru/ru/journals/85/799.html> (accessed: 28.11.2025).

4. Dang Thi Phuong Hoa. *Prodvizheniye «myagkoy sily» V'yetnama i Rossiyskoy Federatsii v ramkakh sotrudnichestva v oblasti kul'tury, obrazovaniya, turizma i izucheniya yazykov v usloviyakh geopoliticheskikh izmeneniy* [Promoting the “Soft Power” of Vietnam and the Russian Federation in the Framework of Cooperation in Culture, Education, Tourism and Language Learning amid Geopolitical Changes], *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 2025, no. 9 (3), pp. 98–110.
5. Diplomats — Ambassadors of Art, available at: <https://vov.vn/van-hoa/cac-nha-ngoai-giao-nhung-dai-su-cua-nghe-thuat-post1134235.vov?jskey=gubINUPY44PyWZH2wVTfK3wBNyJKOx0NAw%3D%3D> (accessed: 28.11.2025) (in Viet.).
6. Druzhba mezhdu V'yetnamom i Rossiiyey: glubokaya i prochnaya [Vietnam–Russia Friendship: Deep and Enduring], Voice of Vietnam (VOV), available at: <https://vov.vn/chinh-tri/tinh-huu-nghi-viet-nam-lb-nga-sau-dam-va-ben-vung-1060606.vov?jskey=gubINUPY44PAb2VWd2paXybAjDuvlaJkAg%3D%3D> (accessed: 10.10.2025).
7. Grincheva N. *Cultural Diplomacy 2.0: Prospects for Use in International Museum Practice*, *Museology Issues*, 2013, no. 1, 171 p.
8. Le Van Quan. Cultural Cooperation between Vietnam and the Russian Federation (1991–2012), *Journal of Party History*, 2025, available at: <https://tapchilichsudang.vn/hop-tac-ve-van-hoa-viet-nam-lien-bang-nga-1991-2012.html> (accessed: 02.12.2025) (in Viet.).
9. Muscat M. M. The Art of Diplomacy: Museums and Soft Power, 2020, available at: <https://www.e-ir.info/2020/11/09/the-art-of-diplomacy-museums-and-soft-power/> (accessed: 02.12.2025).
10. Nguyen Thi Thu Phuong. *Vietnam's Cultural Soft Power in the Context of International Integration*, Ha Noi, National Political Publishing House “Truth”, 2021, 591 p. (in Viet.).
110. Number of Russian Tourists to Vietnam Increased Sharply, marking a New Milestone in 2025, 2025, available at: <https://vov.vn/du-lich/luong-du-khach-nga-den-viet-nam-tang-manh-danh-dau-cot-moc-moi-nam-2025-post1257888.vov> (accessed: 02.12.2025) (in Viet.).
11. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*, New York, Basic Books, 1990, pp. 31–32.
12. Opening of the Thematic Exhibition “Ho Chi Minh’s Footprints in the Homeland of the October Revolution”, 08.12.2025, available at: <https://baotanghochiminh.vn/bao-tang-ho-chi-minh-khai-mac-trung-bay-chuyen-de-dau-chan-ho-chi-minh-tren-que-huong-cach-mang-thang-muoi.htm> (accessed: 02.12.2025) (in Viet.).
13. *Rasporyajeniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 11 sentyabrya 2024 g. № 2501-r «O gosudarstvennoy strategii kul'turnoy politiki do 2030 goda»* [Order of the Government of the Russian Federation of September 11, 2024, no. 2501-r “On the State Cultural Policy Strategy up to 2030”], 2025, available at: <https://www.law.ru/npd/doc/docid/1307324530/modid/99> (accessed: 03.12.2025).
14. Report on the Cultural Diplomacy Strategy to 2030, 01.12.2021, available at: <https://baoquocte.vn/chinh-phu-phe-duyet-chien-luoc-ngoai-giao-van-hoa-den-nam-2030-166593.html> (accessed: 10.12.2025). (In Viet.)
15. Russian Center for Science and Culture: A Bridge Between Russia and Vietnam, 12.10.2005, available at: <https://mofa.gov.vn/tin-chi-tiet/chi-tiet/trung-tam-khoa-hoc-van-hoa-nga-cau-noi-nga-viet-163.html> (accessed: 28.11.2025) (in Viet.).
16. Russian Center for Science and Culture: A Bridge between Russia and Vietnam, 2018, available at: <https://tapchiconsan.org.vn/web/guest/quoc-phong-an-ninh-oi-ngoai1/-/2018/976402/thuc-day-quan-he-doi-tac-chien-luoc-toan-dien-viet-nam---nga-trong-boi-can-hoi-moi.aspx> (accessed: 28.11.2025) (in Viet.).
5. Russian Culture Days in Vietnam in 2010, 2010, available at: <https://svhtt.hochiminhcity.gov.vn/tin-chi-tiet/-/chi-tiet/nhung-ngay-van-hoa-nga-tai-viet-nam-nam-2010-18811-1936.html> (accessed: 10.12.2025) (in Viet.).
17. Shafinskaya N. V. Myagkaya sila kak instrument gumanitarnoy politiki Rossii i problemy yeye primeneniya v otnoshenii V'yetnama [Soft power as an instrument of Russia's humanitarian policy and the problems of its implementation in relation to Vietnam], *Philosophy. Political science. Cultural studies*, 2019, vol. 5 (71), no. 4, pp. 149–161.
18. Signing Ceremony of the Cultural and Scientific Cooperation Agreement for 2023–2025 between the Ho Chi Minh Museum (Vietnam) and the State Museum of Political History of Russia], Ho Chi Minh Museum, 01.06.2023, available at: <https://baotanghochiminh.vn/le-ky-ket-thoa-thuan-hop-tac-van-hoa-va-khoa-hoc-giai-doan-2023-2025-giua-bao-tang-ho-chi-minh-viet-nam-va-bao-tang-lich-su-chinh-tri-quoc-gia-nga.htm> (accessed: 28.11.2025) (in Viet.).
19. Streltsov V. V. Razvitiye sotrudnichestva v sfere kul'turnogo turizma v ramkakh strategicheskogo partnerstva mezhdu V'yetnamom i Rossiiyey, sovremennyykh kul'turnyykh protsessov i yavleniy [Development of Cooperation in Cultural Tourism within the Framework of the Strategic Partnership between Vietnam and Russia], *Modern Cultural Processes and Phenomena*, 2014, no. 3(14), pp. 17–24.
20. Thirty Years of the Treaty on the Basic Principles of Friendly Relations between Vietnam and Russia: A Solid Foundation for Promoting Cooperation in a New Stage, *Communist Review*, 2024, available at: https://www.tapchiconsan.org.vn/mediastory//asset_publisher/V8hnp4dK31Gf/content/ba-muoi-nam-hiep-uoc-ve-nhung-nguyen-tac-co-ban-cua-quan-he-huu-nghi-viet-nam-nga-nen-tang-vung-chac-thuc-day-hop-tac-trong-giai-doan-mo (accessed: 01.12.2025) (in Viet.).

21. Truong Diep Bich. *On the History of Culture and Museums, Collection of Articles by Staff of the Vietnam Revolution Museum (1959–2004)*, Hanoi, National Political Publishing House, 2004, 282 p. (in Viet.).
22. Tseremoniya podpisaniya Soglasheniya o kul'turno-nauchnom sotrudnichestve na 2023–2025 gody mezhdu Muzeem Kho Shi Mina (V'yetnam) i Gosudarstvennym muzeem politicheskoy istorii Rossii. [Signing Ceremony of the Cultural and Scientific Cooperation Agreement for 2023–2025 between the Ho Chi Minh Museum (Vietnam) and the State Museum of Political History of Russia], Ho Chi Minh Museum, available at: <https://baotanghochiminh.vn/le-ky-ket-thoa-thuan-hop-tac-van-hoa-va-khoa-hoc-giai-doan-2023-2025-giua-bao-tang-ho-chi-minh-viet-nam-va-bao-tang-lich-su-chinh-tri-quoc-gia-nga.htm> (accessed: 28.11.2025).
23. Tu Thi Loan. *65 let kul'turnogo obmena mezhdu V'yetnamom i Rossiyey: problemy i perspektivy* [65 Years of Cultural Exchange between Vietnam and Russia: Problems and Prospects], *Vietnamskiye issledovaniya*, 2015, vol. 1, no. 5, pp. 421–440.
24. *Vietnam–Russia Friendship: Deep and Enduring*, 16.06.2020, available at: <https://vov.vn/chinh-tri/tinh-huu-nghi-viet-nam-lb-nga-sau-dam-va-ben-vung-1060606.vov?jskey=gublNUPY44PAb2VWd2paXybAjDuvlaJkAg%3D%3D> (accessed: 10.10.2025) (in Viet.).
25. *Vietnam Photo Exhibition in Russia*, 23.11.2012, available at: <https://vov.vn/van-hoa-giai-tri/trien-lam-anh-viet-nam-tai-nga126432.vov?jskey=gublNUPY44Mp3PU6e7g5%2FZRwxibUjSBLAw%3D%3D> (accessed: 28.11.2025) (in Viet.).
26. *Vietnam's Cultural Soft Power in the Era of National Rise*, available at: <https://bvhttdl.gov.vn/suc-manh-mem-van-hoa-viet-nam-trong-ky-nguyen-vuon-minh-20250203162037076.htm> (accessed: 03.12.2025) (in Viet.).
27. *V Moskve v ramkakh Goda peresecheniya Rossii i V'yetnama otkrylas' vystavka lakovoy zhivopisi* [Lacquer Painting Exhibition Opened in Moscow within the Framework of the Cross Year of Russia and Vietnam], Ministry of Culture of the Russian Federation: official website, available at: https://culture.gov.ru/press/news/vystavka_lakovoy_zhivopisi_otkrylas_v_moskve_v_ramkakh_perekrestnogo_goda_rossii_i_vetnama/ (accessed: 02.12.2025).
28. *V Muzei istorii Velikoy Otechestvennoy voyny otkrylas' vystavka, posvyashchennaya Narodnoy armii V'yetnama* [An Exhibition Dedicated to the Vietnam People's Army Opened at the Museum of the History of the Great Patriotic War], 02.09.2025, available at: <https://ctv.by/news/obshestvo/v-muzee-istorii-vov-otkryli-vystavku-posvyashyonnuyu-vietnamskoj-narodnoj-armii> (accessed: 17.12.2025).
29. Velikaya A. A., Razina O. A. Rol' muzeynoy diplomatii v razvitii rossiyskoy kul'turnoy diplomatii [The Role of Museum Diplomacy in the Development of Russian Cultural Diplomacy], *Observer*, 2022, no. 9–10, pp. 88–89.
30. *Vietnam and Russia Strengthen Tourism Cooperation, Facilitating Travel between the Two Countries*, 2025, available at: <https://vietnamtourism.gov.vn/post/63794> (accessed: 03.12.2025). (in Viet.).
31. *Vystavka "Uchitel' - uchenik Melodii puti", posvyashchennaya 75-letiyu ustanovleniya diplomaticheskikh otnosheniy mezhdu Rossiyey i V'yetnamom, v MVK RAAH* [Exhibition "Teacher–Student Melodies of the Path", Dedicated to the 75th Anniversary of Diplomatic Relations between Russia and Vietnam, at the MEC RAA], 2025, available at: <https://raa.ru/exhibitions/detail.php?ID=61575> (accessed: 20.11.2025).

© Данг Тхи Ким Чи, Динь Ван Куан, текст, 2026
Статья поступила в редакцию 01.06.2026.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка для цитирования:

Данг Тхи Ким Чи, Динь Ван Куан. Музеи в культурной дипломатии России и Вьетнама. – DOI 10.34685/HI.2026.95.50.005 // Культурологический журнал. – 2026. – № 3(65). – С. 107–119. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/772.html&j_id=69. – Текст : электронный.

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА МУЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В АСПЕКТЕ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ**

DOI 10.34685/NI.2026.84.55.006

Родионова Дарья Дмитриевна,

кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой музейного дела,
Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово)
Email: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Кимеева Татьяна Ивановна,

доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры музейного дела,
Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово)
Email: tat-kimeeva@mail.ru.

Аннотация. *Экспликация формирования основ музеологического образования в его взаимосвязи с тенденциями культуры с конца прошлого столетия до современности определяет цель настоящей статьи. Введен термин «культура музеальности» в аспекте актуальности подготовки музейных профессионалов. На основе метода систематизации определены шесть периодов в становлении российского музейного образования, каждый из которых характеризуется сходными процессами в сфере отечественной культуры.*

Ключевые слова: *культура, культура музеальности, музеологическое образование, становление, периодизация.*

Музей как социокультурный институт, согласно культурологическим концепциям, определяется как хранитель и транслятор культурных ценностей. Федеральный закон «О музейном фонде и музеях в Российской Федерации» под понятием культурных ценностей определяет «музейные предметы сами по себе и их совокупность в составе музейных коллекций» [21]. То есть под культурными ценностями, связанными непосредственно с деятельностью музеев, следует понимать совокупность объектов культурного наследия, какими являются артефакты, составляющие музейные собрания. Одна из характеристик музея еще в начале XX в. определяла его как необходимое культурное учреждение, обеспечивающее духовные потребности людей. Связь музея с культурой может быть обоснована теоретическими положениями о культурном институте известного российского культуролога А.Е. Флиера как учреждении, в рамках деятельности которого обеспечиваются культурные интересы и потребности людей [23]. С учетом того факта, что музей как культурный институт занимается созданием культурной среды на основе организации процессов коммуникации людей с подлинными артефактами – объектами историко-культурного наследия, можно говорить об учреждении данного вида как объекте прикладной культурологии [2]. Все виды музейной деятельности ориентированы на репрезентацию локальных культур в разные исторические эпохи, положение о которых отражено в научной работе А.В. Костиной и А.Я. Флиера, согласно которому эмпирически никакой культуры вообще на свете нет, а есть до сих пор не подсчитанное множество локальных культур [6]. Из него можно сделать вывод, что музейная деятельность формирует пространство, где складывается определенный тип культуры и организуется культурная среда, в рамках которой происходит обеспечение членов социума упорядоченными знаниями и представлениями об окружающем мире в его хронологическом контексте. Для такого типа культуры, на наш взгляд, обоснованным будет определение «культура музеальности». Термин «музеальность» появился благодаря известной личности в зарубежной музеологии – З. Странского, и рассматривался последующими исследователями как отражение особого отношения человека к реальности, связанного с его стремлением собирать, сохранять и использовать артефакты, способные исполнять определенную роль в культуре.

Исполнение музеем собственно культурной роли зависит от профессионализма в музейной деятельности. Речь идет о необходимости профессионального образования людей, включенных в сферу «культуры музеальности», в совершенстве владеющих навыками формирования музейных собраний, методикой атрибуции предметов музейного значения, методом интерпретации значений, заключенных в информационных полях музейных предметов. Результаты деятельности музейного профессионала ориентированы на их использование в экспозиционной, культурно-образовательной и научной деятельности музеев. Только в этом случае становится возможной репрезентация ценностей, сохраняемых в музейных собраниях, и реализация процессов музейной коммуникации посетителей с артефактами как составляющими культуры.

Таким образом под культурой музеальности условимся понимать, как потребность людей в собирательстве и хранении артефактов, так возможности их интерпретации, на основе которой могут быть организованы процессы коммуникации с музейными посетителями. В процессах музейной коммуникации задействованы, как минимум, два субъекта, один из которых должен обладать сформированными способностями к осмысливанию музейного собрания в его аксиологическом и гносеологическом контекстах для передачи информации второму субъекту – воспринимающему [10]. Взаимопонимание между субъектами коммуникации вряд ли может быть достигнуто при недостаточной образованности первого субъекта как интерпретатора объектов культурного наследия, который в процессе коммуникации со вторым субъектом – посетителем музея опирается на свои знания. Что подчеркивает значимость обучения, которое А.Е. Флиер выделяет как одну из подсистем культуры [22]. О.С. Сапанжа также указывает на актуальность музейного образования в аспекте включения человека в культурное пространство, то есть обозначает его непосредственную связь с культурой [17]. Иными словами, донести достоверно-обоснованные сведения о любом из объектов культурного наследия способен только получивший специальное образование человек. Развитие же связанной с музеями культуры, интенсивность ее функционирования зависят от образования, в данном случае – от профессиональных специалистов в данной области.

В связи с определенными тенденциями в сфере культуры в разные хронологические периоды в становлении музейного образования в России можно выделить несколько периодов.

Первый период охватывает время с конца XIX в. до конца 1917 г., условно объединяемое наблюдаемыми в российской культуре тенденциями. Время с 1989 по 1914 гг. исследователями определено как эпоха модерна с определенными веяниями новизны и трансформациями во всех сферах культурной жизни общества, завершившееся в связи началом Первой мировой войны [4]. Об интересе к историко-культурному наследию на данном этапе свидетельствует создание в 1910 г. Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины с филиалами в Туле, Казани, Ростове, Смоленске и др. [19]. На предварительном съезде деятелей музея 1912 г. обсуждалась роль музеев в реализации «национально-культурных задач» в отношении воспитания широких масс населения [15]. С эпохой модерна связан и культурный феномен под названием Серебряный век, прерванный революционными событиями 1917 г., в связи с которым и обозначена и нижняя граница данного периода. Необходимость подготовки квалифицированных кадров в это время существует в условиях повышения интереса к отечественному историко-культурному наследию, преимущественно связанному с областью искусства, что соответствовало идеологии Серебряного века. Период озаглавлен чтением курса «Введение в музееведение» в Московском археологическом институте как вспомогательной исторической дисциплины. В начале XX в. музееведческие занятия проводились и в ряде других учебных заведений России – на Высших женских курсах Археологического института, курсах Высшей художественной школы и др. [9]

Второй период – с 1918 до 1945 гг. обозначен с учетом роли музеев как политико-просветительных учреждений в идеолого-патриотическом воспитании граждан. Верхняя граница отмечена с учетом послереволюционных изменений в отечественной культуре, становлением советской культуры и с «культурной революцией». Магистральным направлением последней должно было стать приобщение широких масс «...к мировым, историческим достижениям науки, культуры, искусств» [23]. В связи с этим происходят знаковые изменения в развитии российского музейного дела. На Первой всероссийской конференции по делам музеев в 1919 г. делается акцент на культурно-просветительскую деятельность музеев, при этом отмечается значимость «живого участия в объяснении коллекций лиц знающих...», то есть обозначена потребность в грамотных специалистах [13]. Уже с 1918 по 1924 гг. осуществляется набор по музейной специальности в Институте

внешкольного образования Санкт-Петербурга. В 1921 г. создается Главный комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Народном комиссариате просвещения РСФСР в связи с необходимостью национализации культурных ценностей и их централизованным управлением. Идея создания Государственного музейного фонда взаимосвязана с проблемой учета и сохранности его собраний, и в 1924 г. Президиумом Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) утверждается Инструкция об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы [5]. В Постановлении ВЦИК и Совета народных комиссаров 1928 г. обозначены предложения по усилению государственного контроля над деятельностью музеев и отмечена необходимость повышения квалификации и переподготовки специалистов [8].

Актуальность деятельности музеев в идеологическом воспитании советских людей отразилась и в решении Первого Всероссийского музейного съезда, состоявшегося по инициативе Наркомата просвещения РСФСР в Москве в 1930 г. Потребность в музейных профессионалах на протяжении всего обозначенного периода характеризуется участием государства в организации системы музейного образования, закреплённой документом Наркомпроса «О выполнении постановления коллегии от 18 июня 1930 г. о работе музеев». Музейных специалистов готовят при Центральном институте повышения квалификации работников просвещения, Институте философии и истории МГУ, при Ленинградском историко-лингвистическом институте (музейно-краеведческое отделение) и в Казани на краеведно-географическом отделении [3]. Крупные российские музеи в 1931 г. по решению Наркомпроса получили 29 аспирантских мест, а в 1934 г. при его же содействии были основаны Высшие музейные курсы с заочной и очной формами обучения. Однако музейная аспирантура, на которую возлагались надежды обеспечения страны «высококвалифицированными музейными кадрами, прекратила свое существование уже в 1934–1937 гг. в связи с хроническим недобором слушателей, обладающих к тому же несоответствующим для аспирантуры уровнем подготовки» [26]. К сожалению, данный период был омрачен репрессиями, коснувшимися и музейных специалистов. В предвоенные годы подготовка грамотных музейных работников не утрачивала своей актуальности, обозначались перспективы в данном направлении, реализация которых была прервана Великой Отечественной войной.

Третий период – 1946–1953 гг. Вопросы целенаправленной подготовки музейных работников и в послевоенные годы оставались в стадии решения. Особенно значимой была проблема учета сохранившихся после трудных военных лет и эвакуаций памятников искусства [7, с. 885]. По указанию Комитета по делам искусств были организованы курсы повышения квалификации для сотрудников художественных музеев СССР. Как в послевоенные годы, так и в начале 1950-х гг. курс «музееведение» преподавался в крупных университетах для студентов, изучающих историю. В Ленинградском государственном университете с 1952 г. такой курс ориентировался преимущественно на подготовку археологов к практической работе в музее, а также на освоение теоретических положений музейной науки с опорой на идеи Ф.И. Шмита [1]. В 1949 г. действовали курсы по подготовке музейных специалистов в Институте краеведческой и музейной работы [14]. Об отсутствии четкости и стабильности подготовки специалистов в области музейного дела в данный период свидетельствует то, что последняя с довоенного периода специализированная кафедра музейной и краеведческой работы (позднее – музееведения) – на историческом факультете МГУ была закрыта в 1953 г.

Четвертый период – 1954-е – 1964 гг. ознаменован влиянием «оттепели» практически во всех явлениях российской культуры и началом развития теоретического направления в музейном деле под влиянием идей зарубежных музеологов – З. Странского, Й. Неуступного, Й. Бенеша. Культурные особенности данного периода не могли не отразиться на подготовке специалистов нового уровня, способных донести до посетителей музеев как новые идеи, так и постановления съездов Коммунистической партии Советского Союза по важнейшим вопросам жизни страны, в том числе культурной. В годы «оттепели» существовали направления подготовки иностранных специалистов: «В 1958 г. в Ленинград в академический Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (Российская академия художеств до 1917 г.) приехал на стажировку Сую Чжипин. Пройдя двухлетний курс повышения квалификации на искусствоведческом факультете, он вернулся домой и в дальнейшем сыграл значительную роль в развитии музейного дела Китайской Народной Республики» [18, с. 196-202].

Большой вклад в развитие теоретических и прикладных направлений отечественного музееведения внесли сотрудники Института краеведческой и музейной работы (с 1955 г. – НИИ музееведения),

оказывающие помощь музейным работникам, в том числе из наиболее массовых краеведческих музеев. Что способствовало усвоению систематических знаний по теории и практике музейного дела. Было подготовлено и издано в 1955 г. первое отечественное пособие «Основы советского музееведения».

Потребности в профессиональных специалистах в музейной сфере подтверждаются вниманием к данной проблеме органов государства: в 1964 г. принято Постановление ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся». В этом же году идеологическая комиссия Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) подготовила документ «О состоянии и мерах улучшения работы музеев». В нем, среди прочего, было рекомендовано начать подготовку по музееведению в Московском и Киевском университетах, а также в Историко-архивном институте (Москва), но на практике это не было реализовано.

Пятый период – с 1965 г. – до конца 1990-х гг. обусловлен началом усиления идеологического давления в сфере культуры и цензурой, наступившими после десятилетия «оттепели» в условиях отсутствия системного образования в области музейного дела. Ко второй половине 1960-х гг. вопросы вузовской подготовки отечественных музейных специалистов все еще оставались в стадии своего решения. Хотя в это время в европейских университетах создаются специальные кафедры: в Лейстерском университете Великобритании – кафедра музейных исследований (1966); в университете Пуркина Чехословацкой Социалистической республики – кафедра музеологии (1968). Идеологическая направленность российской культуры подчеркивалась положениями программ ряда съездов КПСС, решений и постановлений коммунистической партии с 1961 г. на всем протяжении данного периода, когда предполагалась реализация задач по строительству коммунистического общества, воспитанию гармоничного человека и возможностям его приобщения к культурным ценностям. В 1969 г. при Министерстве культуры СССР был организован Всесоюзный институт повышения квалификации работников культуры [12, с. 723].

1970-е – 1980-е гг. отмечены деятельностью кафедр музейного дела Центрального и Всероссийского институтов повышения квалификации работников культуры [11]. Сотрудниками ЦИПКРК был разработан ряд учебных программ, курсов лекций, нацеленных на повышение профессионального уровня музейных работников без отрыва от производства. Потоки слушателей объединялись либо по профилю музейных учреждений, либо по направлениям музейной деятельности: идеологическим, управленческим, по обмену опытом и по технике безопасности. На рубеже 1970–1980-х гг. с принятием новых нормативных документов – письма Министерства культуры РСФСР от 15 января 1979 г. № 01-15/16-10 «О паспортизации музейных коллекций», Приказа Министерства культуры РСФСР № 645 от 5 ноября 1980 г. «Об утверждении типовых должностных инструкций работников музеев» и др. повышаются требования к музейному персоналу, что не может не отразиться на потребности в подготовке специалистов в музейной сфере.

На 1980-е гг. приходится активный период в подготовке российских музейных кадров, связанный с именем А.М. Разгона. Ему удалось разработать и организовать региональные курсы повышения квалификации для музеев близлежащих регионов, объединенных общностью своей истории и культуры. Для практикующих сотрудников музеев при участии А.М. Разгона в 1980-е гг. была открыта кафедра музейного дела во Всесоюзном институте повышения квалификации работников культуры [26, с. 66].

С конца 1980-х гг. в связи с возрастанием значения музееведческого знания подготовка музейных кадров стала формироваться в стране как регулярная система [21, с. 29-32]. Открытие в 1988 г. специальности «Музейное дело и охрана памятников» в Ленинградском государственном институте культуры им. Н.К. Крупской (ныне – Санкт-Петербургский государственный институт культуры) определило основание специализированных музейных кафедр в других вузах. В этом же 1988 г. была открыта специальность и создана кафедра музейного дела в Московском историко-архивном институте (с 1991 г. – Российский государственный гуманитарный университет).

Шестой период – с 1991 г. по настоящее время. Верхняя граница определяется в связи с изменениями в культуре России, позиционируемой как постсоветская. Перестройка порождает процесс вхождения России в культуру постмодерна, озаменованную переосмыслением советской истории, новым восприятием историко-культурного наследия. Современные философы отмечают, что на данном этапе

произошел «...разрыв с прошлым, поколение молодых утратило историческое чувство, а мировоззренческой доминантой стала игра, исключая глубинные смыслы человеческого существования» [16, с. 397]. Музейный специалист должен был соответствовать новым требованиям культуры в условиях перестройки структуры российского общества и ориентироваться на инновационные запросы посетителей музея. Что не могло не вызвать изменений в подготовке музейных профессионалов. В Московском государственном университете культуры и искусств в 1991 г. открывается кафедра музееведения. Потребности в грамотных специалистах наблюдаются в различных регионах России. Так, в 1992 г. специальность «Музейное дело и охрана памятников» появляется в Восточно-Сибирском институте культуры, в 1993 г. – в Тюменском государственном институте культуры. С 1992 г. музееведческие дисциплины читаются в рамках спецкурсов в Алтайском государственном институте культуры. То есть постепенно по всей стране начинают создаваться кафедры, осуществляющие подготовку специалистов в области музейного дела и охраны памятников. В 2000 г. в Кемеровском государственном институте культуры и искусств на базе общенаучной кафедры, переименованной в кафедру истории, музееведения и краеведения, открывается специальность «Музейное дело и охрана памятников», а с 2006 г. по настоящее время она является кафедрой музейного дела [16, с. 232-233].

К концу 1990-х гг. наблюдается процесс стандартизации музейного образования. В 1997 г. был утвержден первый государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ГОС ВПО), в 2002 г. – стандарт второго поколения по специальности «Музейное дело и охрана памятников». Акцент при этом делался на изучении истории: стандарт первого поколения предусматривал присвоение квалификации «историк-музеевед», второго – «музеевед» с сохранением в образовательном процессе преимущественно исторических дисциплин. Концепция образовательных программ по специальности «музейное дело и охрана памятников» основывается на представлении о музее как полифункциональном социокультурном институте, хранителе и интерпретаторе культурного и природного наследия, канале межкультурной коммуникации, средстве формирования и развития личности. В данный период обсуждаются вопросы профессиональной компетентности музейного специалиста и характер образовательных программ подготовки кадров.

К 2009 г. в России сформировалась вузовская система музейного образования, учитывающая региональные потребности музеев в профильных кадрах. Осуществляется вузовская подготовка специалистов в области музееведения на уровне бакалавриата, магистратуры, аспирантуры в вузах (очная и заочная формы обучения). Организуются курсы переподготовки и повышения квалификации на базе вузов. Открываются специализированные советы по защите диссертаций по научной специальности 24.00.03 – «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов», утвержденной 24 февраля 2021 г. как специальность 5.10.2 – «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов» приказом Министерства науки и высшего образования РФ № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени». На данном этапе обмен научно-практическим опытом в рамках форумов, конференций и пр. способствует формированию профессионалов в области музейного дела. Поддержка профессионализма специалистов-музеевдов реализуется посредством публикаций музееведческих учебно-методических изданий. К началу 2022 г. подготовка музейных специалистов в России сконцентрирована на базе вузов, из которых 13 являются подведомственными Министерству культуры Российской Федерации, 12 – Министерству образования и науки Российской Федерации.

Подготовка музейных профессионалов после первого десятилетия XXI в. так или иначе учитывает требования метамодернизма, сменившего постмодернистские ориентиры на определенные свободы, в том числе относительно восприятия объектов культурного наследия, когда инновационные идеи воспринимались посетителями как следствие их инакомыслия, пересмотра общепринятых позиций и неопределенности [20, с. 83]. Особенности культуры на перекрестке культурных парадигм постмодерна и метамодерна в XXI в. также должны учитываться при подготовке музейного специалиста, который ориентируется на более устойчивое восприятие истинных ценностей посетителями музеев.

Таким образом, анализ научных публикаций и нормативных документов позволил выявить шесть периодов становления музейного образования в России, основы которого закладывались практически на протяжении столетия [25]. Первый период (конец XIX в. – конец 1917 г.) ознаменован первыми шагами в осуществлении подготовки музейных специалистов в эпоху культуры модерна и так называемого Серебряного века, прерванного в России революционными событиями 1917 г. На

протяжении второго периода (1918 – конец. 1945 гг.) парадигма становления советской культуры требует от музейного специалиста особых навыков относительно формирования у посетителей четких идеологических установок, ориентированных на строительство сильного государства. В связи с чем в данный период наблюдается начало централизации управления подготовкой музейных кадров, которое продолжается в предвоенные годы. Однако, многие разработки остаются нереализованными. Третий период (1946–1953 гг.) ознаменован необходимостью учета музейных ценностей, сохранившихся и во время Великой Отечественной войны. Особенно это касается произведений искусства. Соответственно, по инициативе государственных органов начинают работать курсы повышения квалификации для сотрудников художественных музеев. В начале 1950-х гг. в рамках вузовского обучения читается курс «музееведение». Четвертый период (1954–1964 гг.) связан с культурой «оттепели», оказавшей влияние на ослабление идеологической цензуры, и ориентирован на подготовку специалистов, способных донести до посетителей как идеи свободы, так и решения съездов КПСС. Начинается развитие теоретического направления в музейном деле, предпринимаются попытки введения музейного образования в отдельные вузы, не получившие реализации. Культурные тенденции, обусловившие выделение пятого периода (1965–1990 гг.), связаны с усилением идеологического и цензурного влияния на культуру в целом, и музеи, в частности. В условиях отсутствия организации системного образования принимается ряд нормативных документов, свидетельствующих о необходимости подготовки музейных специалистов. Активный период в подготовке российских музейных кадров приходится на 1980-е гг. В 1990 г. открываются специализированные кафедры в отдельных вузах страны. Шестой период (1991 г. – современность), связан изначально с тенденциями постсоветской культуры и постмодерна, оказавшими влияние на новое иронично-субъективное восприятие посетителями культурного наследия, включению инновационных технологий в музейное пространство, что требовало подготовки специалистов должного уровня. Идеи метамодерна, уже ориентированные на восприятие истинных ценностей, пересмотру установок постмодерна, предусматривали наличие определенной гибкости и знаний от музейных профессионалов. Результатом является становление системного образования. Организуются научные мероприятия для обмена опытом в сфере музееведения, издаются учебные и методические пособия, обучение осуществляется на курсах повышения квалификации или в рамках специализированных курсов в вузах. Стандартизация образования способствует созданию кафедр музейного дела, открытию специальности «Музейное дело и охрана памятников», модернизации специальности в многоуровневом направлении подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» в ряде высших учебных заведений страны. Как следует из вышеобозначенного, формирование музеологического образования в России на протяжении почти столетнего отрезка времени происходит с учетом особенностей отечественной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ананьев, В. Г.* Музееведение в преподавательской деятельности Л. А. Мацулевича: по материалам фонда ученого / В. Г. Ананьев // Вспомогательные исторические дисциплины. – Санкт-Петербург, 2013. – Т. XXXII. – С. 498-508.
- [2] *Ариарский, М. А.* Прикладная культурология как область научного знания и социальной практики: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.04. – Санкт-Петербург, 2000. – 47 с.
- [3] *Безсонов, С. В.* Подготовка музейных кадров / С. В. Безсонов // Советский музей. – 1931. – № 1. – С. 23-26.
- [4] *Ведерникова, М. А.* Временные рамки Серебряного века: проблемы периодизации / М. А. Ведерникова // Вестник МГИК. – 2010. – № 6(38). – С. 45-52.
- [5] Инструкция об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы : [утверждена Президиумом Всероссийского Центрального исполнительного комитета 7 июля 1924 г.] // Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков : сборник документов и материалов. – Москва : Этерна, 2010. – 960 с.
- [6] *Костина, А. В., Флиер, А. Я.* Тернарная функциональная модель культуры (начало) // Культура культуры. – 2024. – № 1. – С. 44-53.
- [7] Краткая инструкция о порядке учета, регистрации и содержания памятников искусства : [утверждена Председателем Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР 2 марта 1949 г.] // Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков : сборник документов и материалов. – Москва : Этерна, 2010. – 960 с.
- [8] *Кроуфорд, М. Д.* Законодательные акты советского государства как источник изучения музейного менеджмента / М. Д. Кроуфорд // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 29. – С. 226-233.

- [9] *Мамонтова, М. С., Свечников, К. С.* Подготовка музейного специалиста в вузе: российский опыт и начало ее реализации в Марийском государственном университете // Вестник Марийского государственного университета. – 2015. – № 3(18). – С. 28-31.
- [10] *Мастеница, Е. Н.* Миссия музея в ракурсе проблем межкультурной коммуникации / *Е. Н. Мастеница* // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – Т. 190. – С. 256-262.
- [11] Постановление Министерства культуры СССР от 10 октября 1969 года № 808 «О системе повышения квалификации работников культуры» // Консорциум кодекс : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765711218> (дата обращения: 6.04.2026).
- [12] Первая Всероссийская конференция по делам музеев // Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков : сборник документов и материалов. – Москва : Этерна, 2010. – 960 с.
- [13] *Поляков, Т. П.* Из истории Российского института культурологии: музееведение как одно из приоритетных направлений деятельности // Культурологический журнал. – 2018. – № 1(31). – С. 5. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/433.html&j_id=34 (дата обращения: 5.04.2026). – Текст : электронный.
- [14] Предварительный съезд по устройству Первого всероссийского съезда деятелей музея (1912) // Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков : сборник документов и материалов. – Москва : Этерна, 2010. – 960 с.
- [15] *Родионова, Д. Д.* История становления и развития высшего образования музеологов в Кемеровской области / *Д. Д. Родионова* // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2018. – № 4(32). – С. 232-238.
- [16] *Сапанжа, О. С.* Исследования социально-культурной деятельности в проблемном поле музеологии и музейной педагогики / *О. С. Сапанжа* // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2019. – № 192. – С. 75-81.
- [17] *Сапанжа, О. С., Шуцзин В.* Опыт сотрудничества СССР и КНР по подготовке специалистов в области музейного дела в 1950-х гг. (на примере обучения Сую Чжипина в Институте им. И. Е. Репина в Ленинграде) // Вопросы музеологии. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 196-202.
- [18] *Старостина, Ю. Н.* Правовое регулирование охраны памятников культуры в России в XVIII – начале XX вв. : обзор законодательных материалов / *Ю. Н. Старостина* // Сибирский исторический вестник. – 2007. – № 2(37). – С. 15-25.
- [19] *Суворов, Н. Н.* Новизна в спектре культурных изменений XX-XXI веков: модерн, постмодерн, метамодерн / *Н. Н. Суворов* // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2020. – № 1(42). – С. 82-89.
- [20] *Сундиева, А. А.* Подготовка музейных специалистов: решаемые и нерешенные проблемы / *А. А. Сундиева* // Мир музея. – 2010. – № 6. – С. 29-32.
- [21] Федеральный закон от 26.05.1996 №54-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О музейном фонде и музеях в Российской Федерации» // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/9371abf6b81551d7cf96db61478966ba2fd88505/ (дата обращения: 28.04.2026).
- [22] *Флиер, А. Я.* Сущность культуры / *А. Я. Флиер* // Горизонты гуманитарного знания. – 2020. – № 3. – С. 3–11.
- [23] *Флиер, А. Я.* Культурные ценности и институты: взаимосвязь понятий // eLIBRARY.RU : научная электронная библиотека. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48778914_41342294.pdf (дата обращения: 08.04.2026). – Текст : электронный.
- [24] *Фролов, А. А., Аксенов, С. И.* «Культурная революция» в СССР: идеология, практика, результаты (1920-1930-е годы) // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. – 2019. – № 1. – С. 220-223.
- [25] *Хлыщева, Е. В.* Динамика постмодернистских тенденций в культуре России / *Е. В. Хлыщева* // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 2(43). – С. 396-400.
- [26] *Черкаева, О. Е.* Подготовка музейных кадров: история вопроса и современные реалии / *О. Е. Черкаева* // Мировые тренды и музейная практика в России. – Москва : РГГУ, 2019. – С. 61-73.

CULTURAL PARADIGM OF MUSEUMS EDUCATION IN THE ASPECT OF ITS DEVELOPMENT

Rodionova Darya Dmitrievna,
PhD in Philosophy, associate professor,
Chef of Museology Department,
Kemerovo State University of Culture (Kemerovo)

Abstract. The purpose of this article is to explicate the formation of the foundations of museological education in its relationship to cultural trends from the end of the last century to the present day. The term «museum culture» has been introduced in the context of the relevance of training museum professionals. Based on the systematization method, six periods in the development of Russian museum education have been identified, each of which is characterized by similar processes in the field of Russian culture.

Keywords: culture, museum culture, museological education, formation, periodization.

REFERENCES

1. Anan'ev V.G. *Muzeevedenie v prepodavatel'skoj deyatel'nosti L.A. Maczulevicha: po materialam fonda uchenogo* [Museology in the teaching activities of L.A.Matsulevich: based on materials from the scholar's collection], *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*, vol. 23, Saint Petersburg, 2013, pp. 498-508.
2. Ariarskij M.A. *Prikladnaya kul'turologiya kak oblast' nauchnogo znaniya i social'noj praktiki* [Applied cultural studies as a field of scientific knowledge and social practice]: autoabstr. of doct. cult. research thesis, Saint Petersburg, 2000, 47 p.
3. Bezsonov S.V. *Podgotovka muzejnyh kadrov* [Training of museum personnel], *Sovetskij muzej*, 1931, no. 1, pp. 23-26.
4. Cherkaeva O.E. *Podgotovka muzejnyh kadrov: istoriya voprosa i sovremennye realii* [Training of museum personnel: history of the issue and modern realities], *Mirovye trendy i muzejnaya praktika v Rossii* [World trends and museum practice in Russia], Moscow, RGGU, 2019, pp. 61-73.
5. *Federal'nyj zakon ot 26.05.1996 №54-FZ O muzejnom fonde i muzeyax v Rossijskoj Federacii: (red. ot 31.07.2025)* [On museum funds and museums in the Russian Federation: Federal Law of May 26, 1996 No. 54-FZ (as amended on July 31, 2025)], available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/9371abf6b81551d7cf96db61478966ba2fd88505/ (accessed: 28.04.2026).
6. Flier A.Ya. *Sushchnost' kul'tury* [Essence of culture], *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 2020, no. 3, pp. 3–11.
7. Flier A.Ya. *Kul'turnye cennosti i instituty: vzaimosvyaz' ponyatij* [Cultural values and institutions: the relationship of concepts], available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_48778914_41342294.pdf (accessed: 08.04.2026).
8. Frolov A.A., Aksenov S.I. "Kul'turnaya revolyuciya" v SSSR: ideologiya, praktika, rezul'taty (1920-1930-e gody) ["Cultural revolution" in the USSR: ideology, practice, results (1920-1930s)], *Revoluciya i evolyuciya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, obshchestve*, 2019, no. 1, pp. 220-223.
9. *Instrukciya ob uchete i ohrane pamyatnikov iskusstva, stariny, by'ta i prirody (utverzhdena Prezidiumom Vserossijskogo Central'nogo ispolnitel'nogo komiteta 7 iyulya 1924 g.)* [Instructions on the registration and protection of monuments of art, antiquity, everyday life, and nature (approved by the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee on July 7, 1924)], *Muzeevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII – XX vekov, Sbornik dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia in the 18th – 20th centuries, Collection of documents and materials], Moscow, Eterna, 2010, 960 pp.
10. Khlyshcheva E.V. *Dinamika postmodernistskih tendencij v kul'ture Rossii* [Dynamics of postmodernist trends in Russian culture], *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura*, 2015, no. 2(43), pp. 396-400.
11. Kostina A.V., Flier A.Ya. *Ternarnaya funkcional'naya model' kul'tury (nachalo)* [Ternary functional model of culture (beginning)], *Kul'tura kul'tury*, 2024, no. 1, pp. 44-53.
12. *Kratkaya instrukciya o poryadke ucheta, registracii i soderzhaniya pamyatnikov iskusstva (utverzhdena Predsedatelem Komiteta po delam iskusstv pri Sovete Ministrov SSSR 2 marta 1949 g.)* [Brief instructions on the procedure for recording, registering and maintaining artistic monuments (approved by the Chairman of the Committee on Arts under the Council of Ministers of the USSR on March 2, 1949)], *Muzeevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII – XX vekov, Sbornik dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia in the 18th – 20th centuries, Collection of documents and materials], Moscow, Eterna, 2010, 960 p.
13. Krouford M.D. *Zakonodatel'ny'e akty sovetskogo gosudarstva kak istochnik izucheniya muzejnogo menedzhmenta* [Legislative acts of the Soviet state as a source for studying museum management], *Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art Criticism*, 2018, no. 29, pp. 226-233.
14. Mamontova M.S., Svechnikov K.S. *Podgotovka muzejnogo specialista v vuze: rossijskij opyt i nachalo ee realizacii v Marijskom gosudarstvennom universitete* [Training of museum specialists at a university: Russian experience and the beginning of its implementation at Mari State University], *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 3(18), pp. 28-31.

15. Mastenicza E.N. *Missiya muzeya v rakurse problem mezhkul'turnoj kommunikacii* [The Museum's Mission in the Context of Intercultural Communication Issues], *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Proceedings of the Saint Petersburg State University of Culture and Arts], Saint Petersburg, Izd-vo SPbGIK, 2010, vol. 190, pp. 256-262.
16. *Pervaya vserossiyskaya konferenciya po delam muzeev* [The First All-Russian Conference on Museum Affairs, *Muzevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII – XX vekov, Sbornik dokumentov i materialov* [Museological thought in Russia from the 18th to the 20th centuries, Collection of documents and materials], Moscow, Eterna, 2010, 960 p.
17. Polyakov T.P. Iz istorii Rossijskogo instituta kul'turologii: muzevedenie kak odno iz prioritetnyh napravlenij deyatel'nosti [From the history of the Russian Institute of cultural studies: museology as one of the priority areas of activity], *Journal of cultural research*, available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/433.html&j_id=34 (accessed: 5.04.2026).
18. *Postanovleniye Ministerstva kul'tury SSSR ot 10 oktyabrya 1969 goda № 808* [On the system of advanced training for cultural workers: Resolution of the USSR Ministry of Culture of October 10, 1969 no. 808], available at: <https://docs.cntd.ru/document/765711218> (accessed: 6.04.2026).
19. *Predvaritel'nyj s'ezd po ustroystvu Pervogo vserossijskogo s'ezda deyatelej muzeya (1912)* [Preliminary Congress on the Organization of the First All-Russian Congress of Museum Professionals (1912)] // *Muzevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII – XX vekov, Sbornik dokumentov i materialov* [Museological Thought in Russia in the 18th – 20th Centuries. Collection of Documents and Materials], Moscow, Eterna, 2010, 960 p.
20. Rodionova D.D. Istoriya stanovleniya i razvitiya vysshego obrazovaniya muzeologov v Kemerovskoj oblasti [The history of the formation and development of higher education of museologists in the Kemerovo region], *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*, 2018, no. 4(32), pp. 232-238.
21. Sapanzha O.S. Issledovaniya social'no-kul'turnoj deyatel'nosti v problemnom pole muzeologii i muzejnoj pedagogiki [Research of socio-cultural activities in the problematic field of museology and museum pedagogy], *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*, 2019, no. 192, pp. 75-81.
22. Sapanzha O.S., Shuczzin V. Opyt sotrudnichestva SSSR i KNR po podgotovke specialistov v oblasti muzejnogo dela v 1950-h gg. (na primere obucheniya Syuj Chzhipina v Institute im. I.E. Repina v Leningrade) [Experience of cooperation between the USSR and the PRC in training specialists in the field of museum affairs in the 1950s (based on the example of Xu Zhiping's training at the I.E. Repin Institute in Leningrad)], *Voprosy muzeologii*, 2019, vol. 10, no.2, pp. 196-202.
23. Starostina Yu.N. Pravovoe regulirovanie ohrany pamyatnikov kul'tury v Rossii v XVIII - nachale XX vv.: obzor zakonodatel'nyh materialov [Legal regulation of the protection of cultural monuments in Russia in the 18th - early 20th centuries: a review of legislative materials], *Sibirskij istoricheskij vestnik*, 2007, no. 2(37), pp. 15-25.
24. Sundieva A.A. Podgotovka muzejnyh specialistov: reshaemye i nereshennye problemy [Training museum specialists: solvable and unsolved problems], *Mir muzeya*, 2010, no. 6, pp. 29-32.
25. Suvorov N.N. Novizna v spektre kul'turnykh izmenenij XX-XXI vekov: modern, postmodern, metamodern [Novelty in the spectrum of cultural changes of the 20th-21st centuries: modernism, postmodernism, metamodernism], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 2020, no. 1(42), pp. 82-89.
26. Vedernikova M.A. Vremennyye ramki Serebryanogo veka: problemy periodizacii [Time frames of the Silver Age: problems of periodization], *Vestnik MGIK*, 2010, no. 6(38), pp. 45-52.

© Родионова Д.Д., Кимеева Т.И., текст, 2026
Статья поступила в редакцию 10.06.2026.

Ссылка для цитирования:

Родионова, Д. Д., Кимеева, Т. И. Культурологическая парадигма музееологического образования в аспекте его становления. – DOI 10.34685/HI.2026.84.55.006 // Культурологический журнал. – 2026. – № 3(65). – С. 120-128. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/773.html&j_id=69. – Текст : электронный.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОЛЛЕКЦИИ В УНИВЕРСИТЕТСКИХ
ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МУЗЕЯХ:
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭКСПОНИРОВАНИЯ**

DOI 10.34685/HI.2026.36.17.009

Юренева Тамара Юрьевна,

доктор исторических наук,
руководитель центра музейной политики
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Москва)
Email: iureneva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается опыт формирования и экспонирования художественных коллекций в естественно-научных музеях крупнейших российских университетов – Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Российского государственного аграрного университета – «Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева». Анализируются цели, задачи и способы комплектования изобразительного и декоративно-прикладного искусства, подходы и принципы показа художественных произведений в естественно-научной экспозиции.

Ключевые слова: университетские музеи, музеи высших учебных заведений, вузовские музеи, учебные музеи, естественно-научные музеи, художественные коллекции естественно-научных музеев, экспозиции естественно-научных музеев.

В последние десятилетия музейная сфера России претерпела кардинальные изменения, связанные с расширением музейной сети и возрастанием роли музеев в социокультурном пространстве страны, что актуализирует изучение особенностей развития отдельных типологических групп, одну из которых составляют музеи высших учебных заведений. Изучение специфики основных направлений их деятельности, а также заложенного в них научного и социокультурного потенциала обусловлено потребностями современной теории и практики музейного дела, а также целями стратегического планирования и культурной политики.

В силу особенностей ведения статистического наблюдения за музейной отраслью в постсоветский период статистическая информация о музеях высших учебных заведений на государственном уровне отсутствует, но, по оценке Министерства науки и высшего образования РФ, в настоящее время в вузах России работают 247 музеев различного профиля [13]. Есть основания полагать, что значительную их часть составляют естественно-научные музеи. Известно, что по состоянию на 1970–1973 гг. в СССР функционировал 201 вузовский музей, из которых 67 музеев (33%) являлись университетскими, а среди профильных групп преобладали естественно-исторические музеи – 110 музеев (55%). В сети вузовских музеев РСФСР, включавшей 120 музеев (в том числе 36 университетских музеев), самую большую по численности профильную группу также составляли естественно-исторические музеи – 71 музей (59%) [23, с.49–50].

Университетские естественно-научные музеи – палеонтологические, зоологические, минералогические, геологические и пр., будучи структурными подразделениями вузов, создаются прежде всего для повышения эффективности учебного процесса и проведения научно-исследовательской работы. При этом важное направление их деятельности составляет культурно-просветительная работа, которая осуществляется главным образом в экспозиционном пространстве музея. Документируя процессы, происходящие в природе, а также развитие естественных наук, техники и технологии природопользования, эти музеи хранят и экспонируют не только естественно-научные, но и художественные коллекции, предметы которых выступают в качестве источника сведений о природных, культурных и общественных процессах и явлениях. Опыт формирования и экспонирования художественных коллекций естественно-научных музеев трех крупнейших российских университетов

является предметом анализа в данной статье – Горного музея Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II, Зоологического музея и Музея землеведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Научно-художественного музея коневодства и Государственного музея животноводства им. Е.Ф. Лискуна Российского государственного аграрного университета – «Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева».

Первые музеи при высших учебных заведениях России были основаны во второй половине XVIII в. в виде кабинетов, призванных придать наглядность образовательному процессу и решать определенные исследовательские задачи. В 1773 г. одновременно с Горным училищем, первым высшим техническим учебным заведением России, был создан Горный музей, называемый «минеральным кабинетом российских и иностранных минеральных и ископаемых тел»; он предназначался «не только для студентов и преподавателей училища, но и для любопытных посетителей» [21]. С первых же дней в его фонды, наряду с естественно-научными образцами, стали поступать редкости и изделия российских заводов и фабрик, среди которых были художественные произведения из камня и металла. С 1821 г. они входили главным образом в состав так называемого технического собрания, предметы которого призваны были демонстрировать способы обработки различных камней – резные вазы, резные печати, ювелирные ожерелья. В целом же в XIX в. пополнение музейного собрания произведениями декоративно-прикладного искусства носило бессистемный и эпизодический характер [3, с. 226–227].

В 1922 г. в музее было создано отделение прикладной минералогии, в которое, наряду с коллекцией образцов драгоценных и поделочных камней, вошла коллекция произведений декоративно-прикладного искусства и скульптуры. При ее формировании особое внимание уделялось работам мастеров трех камнерезных центров России – Петергофской, Екатеринбургской и Колыванской гранильных фабрик. Существенное пополнение коллекции произошло в период 1920–1930 гг.: из отделения прикладного искусства Государственного музейного фонда в нее было передано около 300 национализированных предметов, прежде находившихся во дворцах Петрограда, а также около 240 предметов со складов государственных фондов. Эти поступления, наряду с имевшимися в собрании музея предметами, составили основную часть современной коллекции поделочного и драгоценного камня [2, с. 37–38].

В настоящее время фонды музея включают 240 тыс. единиц хранения – уникальные минералы, ювелирные камни, горные породы, палеонтологические редкости, исторические и действующие макеты и модели горной и горнозаводской техники, изделия камнерезного и ювелирного искусства, художественное литье. Формы представления музейных коллекций призваны существенно повысить информационную насыщенность учебных занятий в залах музея и использовать его образовательный потенциал на всех этапах подготовки специалистов [21].

Экспозиционный показ начинается с выставки уникальных предметов, переданных музеем российскими императорами, выдающимися отечественными и зарубежными деятелями, Государственным музейным фондом – уникальные самородки золота, серебра и платины, изделия из традиционных русских самоцветов, наградное оружие, предметы коллекций членов императорской семьи, сувениры из поделочных и драгоценных минералов, выполненные ювелирами фирмы Карла Фаберже.

Минералогическое собрание музея, одно из крупнейших в мире и насчитывающее более 47 тыс. естественно-научных образцов и предметов, собиралось многими поколениями отечественных и зарубежных ученых. Оно включает не только систематические коллекции минералов, но и коллекции произведений декоративно-прикладного искусства и скульптуры, которые экспонируются в зале «Художественные изделия из камня». В числе выдающихся произведений искусства – работы русских и зарубежных мастеров, при этом особое место занимают изделия главных камнерезных центров Урала и Алтая XIX в. Среди них, например, – уникальная резная ваза из дендритной аушкульской яшмы, исполненная специально для этой коллекции мастерами Екатеринбургской гранильной фабрики и переданная музею в 1823 г. графом Евграфом Мечниковым к 50-летию Горного кадетского корпуса. Многие коллекционные предметы – резные печати, камеи, инталии, шкатулки, коробочки и др. – призваны продемонстрировать многообразие и способы обработки так называемого ювелирного, ювелирно-поделочного и поделочного камня, используемого в произведениях декоративно-прикладного искусства и скульптуры. В коллекции музея представлены образцы мозаики – русской, флорентийской и римской; особый интерес представляют работы, выполненные в традиционной для уральских камнерезов технике наборных объемных картин. Коллекция скульптуры из мягкого камня

(мрамора и гипса) включает работы российских и западноевропейских мастеров XVIII–XIX вв. – И.П. Мартоса, Ф.Ф. Каменского, К.-Д. Рауха, Э. Вольфа, Э. Лауница, А. Тадолини и др. Это преимущественно портреты членов императорской семьи и представителей российской знати [3, с. 28–29]. Техническое собрание музея, наряду с металлическими инструментами и предметами быта, включает разнообразные художественные изделия из металла. Коллекция художественного чугунного литья – одна из самых полных и интересных по своему составу среди отечественных собраний. Она включает 125 предметов, изготовленных в XIX–XX вв. на знаменитых литейных заводах России. Коллекция чугунной мебели Кусинского завода, предметы которой украшают интерьеры зала «Художественное литье», нигде в мире не сохранилась в столь полном объеме. В зале экспонируются российские изделия первой половины XIX в. – плакетки, медальоны, браслеты, ожерелье, а также кабинетная скульптура и другие работы каслинских и кусинских мастеров [11].

Другой подход к формированию и экспонированию художественных коллекций представляет Научно-исследовательский Зоологический музей Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Учрежденный в 1791 г. как кабинет натуральной истории, основу которого составили коллекции промышленников и меценатов Демидовых, музей в дальнейшем определил свой профиль как зоологический. В настоящее время общее число естественно-научных образцов, по примерной оценке, может достигать 10 млн экземпляров; большую их часть составляют коллекции насекомых и других беспозвоночных [18].

В экспозиции Зоологического музея основополагающим является систематический метод показа, традиционный для большинства естественно-научных музеев, особенно учебных: однородные предметы располагаются в соответствии с классификационной системой конкретной научной дисциплины. Животные располагаются в систематическом порядке – тип за типом, отряд за отрядом, согласно представлениям о степени их родства и о ходе эволюции. Важную роль в восприятии этой строгой академической экспозиции играют произведения анималистического жанра, сочетающие естественно-научное и художественное начала, показывая представителей различных систематических групп животных в естественной среде обитания. Художник-анималист уделяет внимание художественно-образной характеристике животного, расцветке, декоративной выразительности фигуры, силуэта. Но нередко его главная задача заключается в точности изображения, если оно представляет собой научное иллюстрирование.

Изобразительный фонд музея, насчитывающий 14 900 единиц хранения, включает коллекции живописи, графики, книг и иных художественных произведений с изображениями животных; в нем представлены также портреты ученых, возглавлявших Зоологический музей на разных этапах его истории [10]. Значительную часть этого фонда составляет собрание анималистической графики – более 8000 листов; по объему и составу авторов оно сравнимо с коллекциями крупнейших естественно-научных музеев страны. В нем широко представлены работы многих известных отечественных художников-анималистов – Н.Н. Кондакова, А.Н. Комарова, А.Н. Сичкаря, Г.Е. Никольского, О.Ф. Хлудовой и др. Но наиболее значительный раздел собрания составляет крупнейшая в России коллекция анималистической графики В.А. Ватагина – 2221 лист; большую ее часть (2178 листов) автор подарил Зоологическому музею в 1966 г. [22, с. 17–18].

Выдающийся график, живописец и скульптор-анималист, Василий Алексеевич Ватагин (1883 – 1969) значительную часть своей жизни был тесно связан с Зоологическим музеем МГУ. В 1931 г. он получил приглашение принять участие в качестве штатного сотрудника в реэкспозиции музея. «Содержанием моей работы было создание оригинальных картин и панно, иллюстрирующих темы зоологии, зоогеографии и палеонтологии, – писал В.А. Ватагин. – Эти картины должны были служить художественным дополнением к коллекциям Музея». Для вестибюля музея художник исполнил «9 больших панно, иллюстрирующих фауну Восточной Европы и Сибири»; для нижнего зала – «6 панно и 25 картин (беспозвоночные, рыбы и рептилии)», для верхнего зала – «35 картин (млекопитающие) и 30 картин на темы орнитологии». Для зала сравнительной анатомии (Костного зала), иллюстрирующего основные положения классической эволюционной морфологии, В.А. Ватагин написал 11 больших панно, изображающих оригинальные реконструкции ископаемых позвоночных, а также «многочисленные художественные работы иллюстративного характера меньшего размера» [22, с. 14–15]. Большой художественный талант и глубокие познания в области зоологии позволяли В.А. Ватагину создавать точные и выразительные изображения животных. «Музей вовсе не был приспособлен для экспозиции картин, – впоследствии вспоминал художник. – Картины, изображавшие

тех или иных животных в их естественном, природном окружении, прикреплялись к верхнему краю шкафов, где находились соответствующие чучела. <...>. Я работал в зоомузее 25 лет и написал картины над всеми шкафами музея: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб – и ушел в отставку, когда все возможные места были заполнены» [5, с. 243]. После ухода из штата В.А. Ватагин до конца своих дней продолжал сотрудничество с музеем в качестве художественного консультанта. Работая в музее, он создал свыше 28 монументальных панно и фресок (22 из которых сейчас можно увидеть), более 150 картин и ряд скульптур для оформления залов и экспозиции. По оценке специалистов, «эти произведения, помимо безусловной художественной ценности, имеют и отдельное научное значение» [22, с. 14].

Произведения анималистического искусства составляют основу фондов Научно-художественного музея коневодства РГАУ–МСХА имени К.А. Тимирязева. Музей является обладателем крупнейшего в мире собрания произведений так называемого иппического жанра, главным мотивом которого является изображение лошади; в его коллекциях представлены работы более 200 мастеров. В основном фонде музея более 3 тыс. произведений живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства, свыше 55 тыс. фотонегативов и около 12 тыс. томов книг, коллекции поддужных колокольчиков конской упряжи, а также скелеты выдающихся жеребцов [15, с. 286; 17]. Основу музейного собрания составила частная коллекция известного русского коннозаводчика Я. И. Бутовича (1881–1937), находившаяся в его имении Прилепы Тульской губернии. Расцвет иппического жанра в России исследователи относят к 1860–1880-м гг., когда рост конных заводов, выведение современных верховых и упряжных лошадей и развитие ипподромов способствовали распространению так называемого коннозаводского (коннозаводческого) портрета, на котором изображались знаменитые скакуны. Коннозаводчики заказывали живописные изображения своих лошадей, обуславливая тем самым принципы трактовки коннозаводского портрета: умение отобразить породу, передать сходство модели, особенности экстерьера лошади [20, с. 59]. В разное время у Я.И. Бутовича работали известные мастера, создававшие натурные портреты его любимых лошадей, – Н.С. Самокиш, Р.Ф. Френц, С.С. Ворошилов, Н.А. Клодт, Ю.И. Репин, С.А. Виноградов, Г.К. Савицкий, К.Ф. Юон и др. [1, с. 30].

Стремясь как можно полнее представить в своей галерее иппический жанр в русском изобразительном искусстве, Я.И. Бутович вкладывал в коллекционирование много сил и средств. Очень высоко он оценивал творчество Н.Е. Сверчкова (1817–1898), умевшего тонко подмечать особенности типа и экстерьера лошадей, тон масти. В итоге он смог составить весьма представительное собрание этого выдающегося художника-анималиста: в настоящее время 215 из 450 созданных мастером картин хранятся в Музее коневодства. В коллекции были представлены и работы таких выдающихся живописцев и скульпторов, как В.А. Серов, М.А. Врубель, Е.А. Лансере, П.К. Клодт и др. Накануне Октябрьской революции она насчитывала около 5 тыс. предметов – живопись, скульптура, книги, фарфор и антикварная мебель [19, с. 8–10].

После революции Я.И. Бутович передал коллекцию и конный завод государству, став хранителем национализированной в 1919 г. Прилепской галереи. Спустя 10 лет галерею перевели в Москву, где на ее основе в 1929 г. был открыт Государственный научно-художественный музей по коневодству и коннозаводству при ВНИИ коневодства Наркомзема РСФСР. В 1937 г. Я.И. Бутович был репрессирован, музей в 1938 г. закрыт, здание перешло к военному ведомству, а большая часть коллекций передана в другие учреждения. В 1940 г. было принято решение о воссоздании музея, начались мероприятия по восстановлению разрозненной и почти уничтоженной коллекции Я.И. Бутовича, а в 1947 г. Министерство образования издало приказ о восстановлении Музея коневодства при Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева [1, с. 32–33].

В 1950-е гг. музейное собрание пополнялось работами сотрудника музея, художника-любителя Г.Н. Степанова (1894–1959), который по заказу кафедры коневодства создал галерею портретов лошадей местных и вновь выведенных в советский период пород. Не отличаясь высокими художественными достоинствами, эти произведения тем не менее имели большое значение для процесса обучения студентов-коневодов. В результате даров и покупок, сделанных в 1960-1980-е гг., фонды музея пополнились работами художника-баталиста М.Б. Грекова и народного художника М.И. Авилова, коллекцией картин П.Д. Покаржевского, профессора МГАХИ им. В.И. Сурикова. В наши дни фонды продолжают пополняться работами современных авторов [19, с. 15].

Экспозиция музея ориентирована на воссоздание истории коневодства и коннозаводства разных направлений, на показ различных типов и пород лошадей, рекордистов рысистых, верховых и тяжеловозных пород, чемпионов, победителей дерби и выдающихся производителей. С учетом этой целеустановки, а также понимания того, что помимо портретного жанра лошадь широко представлена в пейзажной, историко-батальной и бытовой живописи, построены тематические экспозиционные залы с условными названиями: верховой, рысистый, жанровые XIX и XX веков, акварельный.

Особый интерес представляет коллекция работ Н.Е. Сверчкова, большого знатока лошадей, особенно рысистых. Он мастерски и красочно показал их использование в коннозаводстве, на бегах и скачках, на охоте, под седлом и в упряжи. Его творчество охватывает большой период русского коннозаводства, отличается реалистической точностью и считается непревзойденным в анималистической живописи по написанию портретов лошадей. Среди скульптурных произведений, экспонирующихся в музее, широко представлены работы талантливого художника Е.А. Лансере (1848–1886), которые показывают верховых лошадей разных пород – арабскую, чистокровную верховую, донскую, кабардинскую, казахскую. Замечательный скульптор-анималист создал за свою недолгую жизнь около 400 произведений, которые хранятся в Государственном Русском музее, Третьяковской галерее и других музейных собраниях страны, но самая большая коллекция из 28 работ находится в Музее коневодства [14, с. 10, 20].

В ведении РГАУ–МСХА им. К.А. Тимирязева находится еще один естественно-научный музей, хранящий художественные коллекции, – Государственный музей животноводства им. Е.Ф. Лискуна. Учрежденный постановлением Совета Министров СССР от 12 мая 1950 г., он носит имя своего основателя, крупного ученого и одного из основоположников зоотехнической науки. Базой для его создания стала уникальная коллекция черепов сельскохозяйственных животных (краниологическая коллекция), собранная академиком Е.Ф. Лискуном для изучения вопросов происхождения домашних животных.

Фонд изобразительных источников музея включает живописные и скульптурные портреты ученых, в том числе Е.Ф. Лискуна, И.С. Попова, Е.А. Арзуманяна, Н.И. Клейменова. Он сформировался преимущественно на основе передачи в дар предметов частными лицами: коллекция произведений декоративно-прикладного искусства и детской игрушки подарена Б. А. Плаксиным (около 800 предметов с изображением свиней), скульптурную коллекцию передал в музей художник Гжельского керамического завода С.М. Эйкельман (180 ед. хранения). Для экспонирования художественных коллекций в музее выделено два зала: «Декоративно-прикладная игрушка» и «Искусство» [6].

В первом зале демонстрируется коллекция декоративно-прикладных изделий, изображающих сельскохозяйственных животных – свиней, овец или птиц; предметы выполнены в разных техниках из дерева, кости, пластмассы, стекла, камня, глины, бумаги, меха и других материалов. Во втором зале представлены картины на сельскохозяйственные сюжеты – «Монгун-Тайгинский сарлыковод» В.А. Ховалыга, «Колхозное стадо» Л.Н. Земскова, «Овце-комплекс» из серии «Земля Ярославская» А.А. Лапишинова, «Осень. Стадо» Г.А. Дарына, «Уборка кукурузы» Т.В. Гижевской. В зале экспонируются скульптурные композиции члена Союза художников СССР С.М. Эйкельмана (1911–2000), автора керамических групп и отдельных произведений на анималистическую тематику [4, с. 25].

В первое послевоенное десятилетие принципиально новый подход к формированию и экспонированию художественных коллекций в естественно-научных музеях был реализован в учебно-научном Музее земледелия МГУ им. М.В. Ломоносова. Постановление о его создании в строящемся Главном здании Московского университета на Воробьевых (Ленинских горах) было принято Советом Министров СССР 23 августа 1950 г. Миссия Музея земледелия заключалась не просто в демонстрации достижений геологических, географических и почвенных наук, а в показе их на фоне дворцовой архитектуры, скульптурных и живописных произведений лучших художников. Помимо сотрудников музея в создании экспозиции принимали участие свыше 700 ученых МГУ, академий наук СССР и союзных республик, других научных и учебных учреждений страны. Живописные, скульптурные, графические и декоративно-оформительские работы осуществляли свыше 200 художников под руководством Академии художеств и Художественного фонда СССР [12].

Существенной частью научно-художественной экспозиции Музея земледелия стала галерея скульптурных портретов выдающихся ученых, созданная по заказу музея известными мастерами. Она

включает исполненные для геолого-географических разделов музея 80 бюстов крупных ученых-естествоиспытателей, внесших вклад в ту или иную область науки о Земле, а также барельефные портреты крупнейших ученых Московского университета, созданные для историко-научного раздела [16].

Увековечение заслуг большинства геологов и географов в столь монументальной форме было осуществлено впервые. Поскольку почти все изображения исполнялись посмертно, воссоздание облика и образа ученых основывалось на их фотопортретах, литературно-биографических и кинематографических материалах, семейных и ведомственных архивах, на свидетельствах авторитетных консультантов, лично знавших ученых, из числа их ближайших учеников, последователей, родственников и друзей. Вопросы выбора возрастного периода и особенностей ракурса, пути достижения портретного сходства и исторической достоверности образа обсуждались представителями дирекции музея и коллективом скульпторов. Только после одобрения дирекции и художественной комиссии МГУ выполненные из глины произведения шли на формовку в гипсе, а затем отливку в бронзе или вырубку из белого мрамора.

«Привлечение к работе многих десятков талантливых скульпторов, большая ответственность, мастерство, а нередко и подлинное вдохновение, проявленное исполнителями в содружестве с учеными при выполнении заказа, привели к появлению значительного числа новых ярких произведений искусства, среди которых мы видим и полуфигуру Чарльза Дарвина — произведение лауреата Ленинской премии С. Т. Коненкова, и бюст акад. С.С. Смирнова работы лауреата Ленинской премии М.Д. Аникушина, и многие другие сильные произведения», — писал инициатор создания и директор-организатор Музея землеведения Ю.К. Ефремов [9, с. 263–264].

Надо сказать, что решение интерьера музея являлось частью проекта, разработанного коллективом архитекторов во главе с академиком Л.В. Рудневым для всего строящегося здания МГУ, и создатели музея вынуждены были с этим считаться, даже если архитектурное решение в определенной степени вступало в противоречие с научно-методическими требованиями экспозиции: «лишало ее динамичности», «навязывало стилевое однообразие там, где тематически были бы более выразительны разнообразные приемы оформления» [7, с. 224–225].

Архитекторы возражали против использования в интерьере живописных произведений, поэтому в первоначальный проект музейного пространства были включены только скульптурные портреты, бюсты и барельефы. При этом индивидуализация не допускалась: для всех бюстов был установлен единый размер – натура с четвертью – и строго зафиксированы стандартно повторяющиеся места их установки в интерьере. Категорическое возражение со стороны архитекторов вызывала и возможность использования ландшафтной живописи ввиду неизбежного для учебных целей «натуралистического» характера изображения ландшафтов. Но учёные смогли отстоять свою точку зрения о том, что живопись в музее имеет не только декоративное значение, но и несет комплексно-географическую научную информацию. В итоге экспозиция, как изначально и предполагалось, получила три уровня; первые два заняли натурные экспонаты и объяснительная графика, а третий уровень (надстендовый пояс) отводился ландшафтной живописи.

Произведения, выполненные в технике масляной живописи, а иногда энкастики, отображают основные ландшафты нашей страны – леса, степи, лесостепи, арктическую тундру, лесотундру, субтропики, горные районы, индустриальный пейзаж, а также палеоландшафты. Их совокупность образует галерею, при создании которой сопряженно решались три задачи. Научно-методическая задача заключалась в более полном раскрытии научного содержания экспозиции путем показа средствами живописи внешнего облика явлений, которым посвящены нижележащие стенды. Идеино-воспитательная задача состояла в содействии формированию любви к природе как составной части Родины и, следовательно, патриотизма через отражение величия и богатств родной природы, прославление усилий людей, осваивающих эти богатства, преобразующих и украшающих природу. Для решения этой задачи важное значение приобретала эмоциональная выразительность картин, и это объединяло вторую задачу с третьей, художественно-эстетической, – обеспечением художественного совершенства самих картин и их места в экспозиции. Размещение картин в интерьерах дворцовых зал университета и в ансамбле с разнородными экспонатами обязывало пейзажистов соблюдать стилистическое и композиционное единства, в частности, исполнять произведения в размерах, заданных архитектурным проектом [8, с. 199–200].

Но решение поставленных задач, ориентированных на синтез науки и искусства, оказалось далеко не легким делом, поскольку осложнялось рядом причин, в том числе новизной проведения подобных работ, краткостью сроков их выполнения, многочисленностью исполнителей и разностильностью их творческих устремлений, условиями архитектурного проекта и др. Основную часть произведений надстендовой ландшафтной живописи исполнили в 1950-х гг. художники Живописно-выставочного комбината Художественного фонда СССР в соответствии с научно-методическими заданиями ученых музея; в них сообщались установленные архитекторами размеры картин, основные положения научного содержания, тематические требования и пожелания о связи содержания картин с нижележащим стендом и со смежными картинами. Художники выезжали на места, в том числе в удаленные и труднодоступные области – в Алайскую долину в Киргизии, в Долину гейзеров на Камчатке и тому подобные – и привозили серии натурных этюдов, которые затем просматривались вместе с учеными на предмет отбора наиболее характерных произведений. После завершения художниками окончательных вариантов полотен и согласования их с учеными произведения проходили экспертизу Художественного фонда и художественной комиссии.

По оценке Ю.К. Ефремова, не во всех работах удалось совместить интеллектуальное восприятие ландшафта и высокую художественную ценность, чтобы живопись не выступала в качестве учебного пособия, отображающего природные процессы и явления, и не сводилась к картине-схеме или иллюстрации-плакату. «Тем не менее можно назвать не один десяток картин, где в результате подлинно творческого содружества ученых и художников удалось получить хорошие произведения научно-художественного типа, где *наука* не обескровила и не стеснила искусства. Знатоки живописи не раз оценивали эти произведения с чисто художественной точки зрения, только как произведения искусства, и эта оценка оказывалась высокой без всяких скидок на научность содержания. Так же, без “скидок на художественность”, высоко можно оценить и научное значение этих произведений» [8, с. 205].

В настоящее время коллекция ландшафтной живописи Музея землеведения включает 267 произведений. Многие из них создавали выдающиеся художники второй половины XX века: члены Академии художеств СССР Н.М. Ромадин и А.М. Грицай, чл.-корр. В.Ф. Штрах и В.Ф. Стожаров, живописцы В.А. Арлашин, М.А. Бирштейн, В.Н. Гаврилов, П.Д. Покаржевский, Л.А. Постнов, Я.Д. Ромас и др. [12, с. 11]

Таким образом, в университетских естественно-научных музеях хранятся и экспонируются произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства, обладающие художественной, исторической, мемориальной ценностью, но в пространстве вузовского музея на первый план выступает их научно-иллюстративная, дидактическая ценность, их информационный потенциал, позволяющий решать учебно-образовательные и просветительные задачи. Поэтому, наряду с такими способами формирования коллекций, как дарение, безвозмездная передача и закупка предметов, особое значение приобретают целевые заказы на выполнение оригинальных работ. Созданные талантливыми мастерами, способными воплотить в своем творчестве синтез науки и искусства, эти художественные произведения не только органично входят в естественно-научную экспозицию, но и вносят несомненный вклад в историю развития русского изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бондаренко, И. И.* Я. И. Бутович – основатель коллекции. История создания музея лошади [=Ya. I. Butovich – founder of the collection. History of the creation of the horse museum] / *И. И. Бондаренко, О. В. Круподерова, А. С. Чаброва* // Научно-исследовательская работа в музее : Материалы XX Всерос. науч.-прак. конф. – Москва : Мос. гос. ин-т культуры, 2023. – С. 25–34.
- [2] *Боровкова, Н. В.* Горный музей в первые годы Советской власти (1917–1930-е гг.) / Н. В. Боровкова // Музей. Памятник. Наследие. – 2019. – № 1(5). – С. 31–41.
- [3] *Боровкова, Н. В.* Художественные коллекции предметов из декоративного камня в собрании Горного музея // Искусствоведение и художественная педагогика в XXI веке : сб. ст. по материалам III Междунар. науч.-прак. конф. Санкт-Петербург, 2–3 июня 2011 г. – Санкт-Петербург: КультИнформПресс, 2012. – Вып. 3. – С. 226–229.
- [4] *Боронцовская, О. И., Остапчук, А. М.* Государственный музей животноводства им. Е. Ф. Лискуна. К 70-летию / О. И. Боронцовская, А. М. Остапчук. – Москва : РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, 2020. – 32 с.
- [5] *Ватагин, В. А.* Воспоминания: материалы к биографии художника. – Москва : Красный пароход, 2017. – 349 с.

- [6] Государственный музей животноводства им. Е.Ф. Лискуна // Центр образовательного туризма : сайт. URL: <https://museum.timacad.ru/page110605336.html> (дата обращения: 21.04.2026).
- [7] Ефремов, Ю. К. Значение художественного оформления для учебно-научного содержания природоведческих музеев (на примере Музея земледования МГУ) / Ю. К. Ефремов // Жизнь Земли. – 1974. – Т. 10. – С. 221–231.
- [8] Ефремов, Ю. К. Ландшафтная живопись в Музее земледования / Ю. К. Ефремов // Жизнь Земли. – 1970. – Т. 6. – С. 199–209.
- [9] Ефремов, Ю. К. Создание галереи скульптурных портретов в Музее земледования / Ю. К. Ефремов // Жизнь Земли. – 1973. – Т. 9. – С. 263–270.
- [10] Изобразительный фонд // Зоологический музей МГУ : сайт. URL: <https://zmmu.msu.ru/o-muzee/fondy/xudozhestvennyie-kollekcii> (дата обращения: 15.04.2026).
- [11] Коллекции Горного музея. Чугунное литьё // Форпост Северо-Запад : сайт. URL: <https://forpost-sz.ru/museum/collections/chugun> (дата обращения: 15.04.2026).
- [12] Ландшафтная живопись в Музее земледования МГУ : каталог / В. В. Снакин, А. В. Сочивко, С. Б. Буртакова [и др.] / 2-е изд., доп. – Москва : МАКС Пресс, 2022. – 172 с.
- [13] Музеи при вузах и научных организациях приобретут официальный статус // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novostiministerstva/74263/> (дата обращения: 19.05.2025).
- [14] Музей коневодства : Путеводитель / сост. А. С. Красников. – Москва, 1974. – 37 с.
- [15] Музей коневодства // Российская музейная энциклопедия : В 2 т. / пред редкол. В. Л. Янин. – Москва : Прогресс ; Рипол классик, 2001. – Т. 1. – С. 286.
- [16] Научно-учебный Музей Земледования МГУ им. М.В.Ломоносова : сайт. URL: <https://museum.msu.ru/o-muzee/fondy-muzeya> (дата обращения: 21.04.2026).
- [17] Научно-художественный музей коневодства : сайт. URL: <https://museum.timacad.ru/page110528866.html> (дата обращения: 21.04.2026).
- [18] Научные коллекции Зоомузея // Зоологический музей МГУ : сайт. URL: <https://zmmu.msu.ru/nauka-v-muzee/dbs/> (дата обращения: 15.04.2026).
- [19] По залам Музея коневодства / под ред. В. И. Трухачева. – Москва : Вирт. галерея, 2024. – 168 с.
- [20] Портнова, И. В. «Иппический жанр» в русском искусстве второй половины XIX – начала XX века. Характер художественного образа, значение / И. В. Портнова // Культура и цивилизация. – 2016. – № 4. – С. 57–65.
- [21] Санкт-Петербургский Горный музей : сайт. URL: <https://museum.spmi.ru/> (дата обращения: 15.04.2026).
- [22] Собрание анималистической графики Василия Ватагина в Зоологическом музее Московского университета : научный каталог / под ред. В. А. Садовниченко. – Москва : Изд-во Мос. ун-та, 2025. – 414 с.
- [23] Юренева, Т. Ю. Музеи высших учебных заведений России: типологические особенности и проблемы / Т. Ю. Юренева // Культурное наследие России. – 2025. – № 3. – С. 48-56. DOI 10.34685/HI.2025.41.14.007.

ART COLLECTIONS IN UNIVERSITY NATURAL SCIENCE MUSEUMS: FEATURES OF FORMATION AND EXHIBITION

Yureneva Tamara Yurievna,

D. in History, Head of the Museum Policy Center
at the Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. This article examines the development and display of art collections in the natural science museums of Russia's largest universities — the St. Petersburg Mining University of Empress Catherine II, Lomonosov Moscow State University, and the Russian State Agrarian University — “K. A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy”. The article analyzes the goals, objectives, and methods of acquiring fine and applied arts, as well as approaches and principles for displaying artwork in natural science exhibitions.

Keywords: university museums, museums of higher education institutions, educational museums, natural science museums, art collections of natural science museums, exhibitions of natural science museums.

REFERENCES

1. Bondarenko I.I., Krupoderova O.V., Chabrova A.S. *Ya. I. Butovich – osnovatel' kollektsii. Istoriya sozdaniya muzeya loshadi* [Ya. I. Butovich – founder of the collection. History of the creation of the horse museum], *Nauchno-issledovatel'skaya rabota v muzee* [Research work in the museum]: conference papers, Moscow, Mos. gos. in-t kul'tury, 2023, pp. 25–34.
2. Boronetskaya O.I., Ostapchuk A.M. *Gosudarstvennyi muzej zhivotnovodstva im. E.F. Liskuna. K 70-letiyu* [State Museum of Animal Husbandry named after E.F. Liskun. On the 70th Anniversary], Moscow, RGAU-MSKHA im. K.A. Timiryazeva, 2020, 32 p.
3. Borovkova N.V. *Gornyi muzej v pervye gody Sovetskoi vlasti (1917–1930-e gg.)* [The Mining Museum in Petrograd–Leningrad in the early Soviet years (1917–1930th)], *Muzei. Pamyatnik. Nasledie*, 2019, no. 1(5), pp. 31–41.
4. Borovkova N.V. *Khudozhestvennye kollektsii predmetov iz dekorativnogo kamnya v sobranii Gornogo muzeya* [Art collections of decorative stone objects in the collection of the Mining Museum], *Iskusstvovedenie i khudozhestvennaya pedagogika v XXI veke* [Art history and art pedagogy in the 21st century]: conference papers, issue 3, Saint Petersburg, Kul'tinformPress, 2012, pp. 226–229.
5. Efremov Yu.K. *Landshaftnaya zhivopis' v Muzee zemlevedeniya* [Landscape Painting in the Earth Science Museum], *Zhizn' Zemli*, 1970, vol. 6, pp. 199–209.
6. Efremov Yu.K. *Sozдание galerei skulpturnykh portretov v Muzee zemlevedeniya* [Creation of a Gallery of Sculptural Portraits in the Earth Science Museum], *Zhizn' Zemli*, 1973, vol. 9, pp. 263–270.
7. Efremov Yu.K. *Znachenie khudozhestvennogo oformleniya dlya uchebno-nauchnogo soderzhaniya prirodoovedcheskikh muzeev (na primere Muzeya zemlevedeniya MGU)* [Importance of Artistic Design for the Educational and Scientific Content of Natural History Museums (using the Moscow State University Earth Science Museum as an Example)], *Zhizn' Zemli*, 1974, vol. 10, pp. 221–231.
8. *Gosudarstvennyi muzej zhivotnovodstva im. E.F. Liskuna* [State Museum of Animal Husbandry named after E.F. Liskun], 2026, available at: <https://museum.timacad.ru/page110605336.html> (accessed: 21.04.2026).
9. *Kollektsii Gornogo muzeya. Chugunnoe lit'e* [Mining Museum Collections. Iron Castings], 2026, available at: <https://forpost-sz.ru/museum/collections/chugun> (accessed: 15.04.2026).
10. Krasnikov A.S. *Muzej konevodstva, Putevoditel'* [Horse Breeding Museum, Guide], Moscow, 1974, 37 p.
11. *Muzej konevodstva* [Horse Breeding Museum], *Rossiiskaya muzeinaya entsiklopediya* [Russian Museum Encyclopedia], Moscow, Progress, Ripol klassik, 2001, vol. 1, p. 286.
12. *Muzej pri vuzakh i nauchnykh organizatsiyakh priobretut ofitsial'nyi status* [Museums at universities and scientific organizations will acquire official status], 2025, available at: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novostiministerstva/74263/> (accessed: 19.05.2025).
13. *Nauchno-khudozhestvennyi muzej konevodstva* [Horse Breeding Museum], 2026, available at: <https://museum.timacad.ru/page110528866.html> (accessed: 21.04.2026);
14. *Nauchno-uchebnyi Muzej Zemlevedeniya MGU, Fondy Muzeya* [Scientific and Educational Museum of Geosciences of Moscow State University, Museum Collections], 2026, available at: <https://museum.msu.ru/o-muzee/fondy-muzeya> (accessed: 21.04.2026).
15. *Nauchnye kollektsii Zoomuzeya MGU* [Scientific collections of the Moscow State University Zoological Museum], 2026, available at: <https://zmmu.msu.ru/nauka-v-muzee/dbs/> (accessed: 15.04.2026).
16. Portnova, I. V. "Ippicheskii zhanr" v russkom iskusstve vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka. Kharakter khudozhestvennogo obraza, znachenie ["Equine genre" in Russian art of the second half of XIX – early XX century. The nature of the artistic image and the genre's value], *Kul'tura i tsivilizatsiya*, 2016, no. 4, pp. 57–65.
17. Sadovnichii, V.A. (ed.) *Sobranie animalisticheskoi grafiki Vasiliya Vatagina v Zoologicheskom muzee Moskovskogo universiteta, nauchnyi katalog* [Collection of animalistic graphics by Vasily Vatagin in the Zoological Museum of Moscow University: scientific catalogue], Moscow, Izd-vo Mos. un-ta, 2025, 414 p.
18. *Sankt-Peterburgskij Gornyi muzej* [St. Petersburg Mining Museum], available at: <https://museum.spmi.ru/> (accessed: 15.04.2026).
19. Snakin V.V., Sochivko A.V., Burtakova S.B. (et al.) *Landshaftnaya zhivopis' v Muzee zemlevedeniya MGU: katalog* [Landscape painting in the Earth Science Museum of Moscow State University: catalog], Moscow, MAKSPress, 2022, 172 p.

20. Trukhacheva V.I. (ed.) *Po zalam Muzeya konevodstva* [Through the Halls of the Horse Breeding Museum], Moscow, Virt. galereya, 2024, 168 p.
21. Vatagin V.A. *Vospominaniya: materialy k biografii khudozhnika* [Memories: Materials for the artist's biography], Moscow, Krasnyi parokhod, 2017, 349 p.
22. Yureneva T.Yu. Muzei vysshikh uchebnykh zavedenii Rossii: tipologicheskie osobennosti i problemy [Museums of Higher Educational Institutions of Russia: Typological Features and Problems], *Kul'turnoe nasledie Rossii*, 2025, no. 3. pp. 48-56, DOI 10.34685/HI.2025.41.14.007.
23. *Zoologicheskij muzej MGU, Izobrazitel'nyi fond* [Zoological Museum of Moscow State University, Fine Art Collection], 2026, available at: <https://zmmu.msu.ru/o-muzee/fondy/xudozhestvennyie-kollekczii> (accessed: 15.04.2026).

© Юренева Т. Ю., текст, 2026
Статья поступила в редакцию 25.06.2026.

Ссылка для цитирования:

Юренева, Т. Ю. Художественные коллекции в университетских естественно-научных музеях: особенности формирования и экспонирования. – DOI 10.34685/HI.2026.36.17.009 // Культурологический журнал. – 2026. – № 3(65). С. 129-138. – URL: http://cjournal.ru/rus/journals/776.html&j_id=69. – Текст : электронный.

Все статьи в журнале публикуются под лицензией Creative Commons «Атрибуция» (CC BY) 4.0.
Данная лицензия позволяет любому лицу копировать, распространять,
преобразовывать, транслировать и адаптировать произведение
при условии надлежащего цитирования оригинального произведения и источника.

2010-2026 Культурологический журнал